Л 34.01 3.1.

М. О. Меньшиковъ.

ДУМЫ О СЧАСТЬѢ.

„... Still govern thou my song,
Urania, and fit audience find, though few.
(*Paradise Lost*, book VII)

Общество.—Народъ.—Природа.—Трудъ.—Цивилизація.—Прогрессъ.—Богъ.

Изданіе 2-е.

Изданіе Спб. Товарищества Печатн. и Издательскаго дѣла „ТРУДЪ".
С.-Петербургъ, Фонтанка, 86.
1901.

М. О. Меньшиковъ.

ДУМЫ О СЧАСТЬѢ.

„ . Still govern thou my song,
Urania, and fit audience find, though few
(*Paradise Lost*. book VII).

Общество.—Народъ.—Природа.—Трудъ.—Цивилизація—Прогрессъ.—Богъ.

Изданіе 2-е.

Дубов
Гос. Публ. Б-ка
Обмен

Изданіе Спб Товарищества Печатн и Издательскаго дѣла „ТРУДЪ".
С.-Петербургъ, Фонтанка, 86
1901.

БИБЛІОТЕКА
АКАДЕМІИ
227
30

Типографія СПБ Т-ва „Трудъ“ Фонтанка, 86

И взялъ Господь Богъ человѣка, котораго создалъ, и поселилъ его въ саду Едемскомъ, чтобы воздѣлывать его и хранить его.

Кн Бытія, II. 15

Никогда человѣчество не было такъ многолюдно, образованно, могущественно и богато, какъ теперь, но никогда еще, кажется, духъ скорби не овладѣвалъ съ такою силой именно лучшими представителями человѣчества. Тончайшимъ ядомъ отрицанья отравлена радость жизни; просвѣщенныя расы утомлены, добытая безконечными усиліями роскошь оказывается напрасной, и «жизнь уже насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли, какъ пиръ на праздникѣ чужомъ». Преклонившись предъ Искусителемъ, обѣщавшимъ «покорить всѣ народы и царства міра», наша цивилизація сдѣлала печальную ошибку, отъ которой предостерегалъ людей Христосъ. Покорены народы, изслѣдованы дальніе океаны и материки, раскрыты сокровища земныя, и если не весь родъ людской, то многіе милліоны людей окружены неслыханной и сказочной для прежнихъ вѣковъ роскошью. И изъ среды этихъ-то нашедшихъ земной Едемъ милліоновъ раздаются вздохи недовольства, мрачнаго и неукротимаго. Цѣлое столѣтіе было наполнено бурями политическаго возрожденія, жестокими битвами за права, но всѣ возможныя «права» добыты,—по крайней мѣрѣ, для многихъ миллионовъ, осуществлена свобода—мечта благо-

роднѣйшихъ душъ, и именно изъ среды пользующихся этимъ благомъ поколѣній слышится трагическій вопросъ: стоитъ-ли жить?

XIX вѣкъ, «вѣкъ подвиговъ человѣческаго духа», истрепалъ свои стремленья. Геній жизни разочарованъ, возникаетъ всюду страстная потребность разрѣшить загадку счастья. Порабощенная природа кажется пустыней, отъ которой уже не вѣетъ поэзіей начала жизни, радостью свободы, радостью существованія. Что такое счастье? Въ чемъ оно? Эти затаенные вопросы, которые волнуютъ всякую живую душу и которыми мучились самые высокіе умы,—снова съ неожиданною силою поднимаются въ европейскомъ обществѣ.

Общество.

I.

Чтобы понять въ чемъ счастье, нужно заглянуть въ сердце несчастныхъ, самыхъ несчастныхъ, какіе есть на свѣтѣ. Ко мнѣ пришелъ однажды уже пожилой поэтъ, съ некрупнымъ, но искреннимъ талантомъ. Онъ прочелъ мнѣ свое стихотвореніе и спросилъ хорошо-ли оно. Стихотвореніе было полно глубокою тоской и тою робкою надеждой, которая хуже отчаянія. Въ началѣ его поэтъ, какъ-бы подъ тяжестью чьихъ-то безпощадныхъ укоровъ, пробовалъ защитить наше больное поколѣніе, нашъ истомленный вѣкъ:

Милый другъ, въ былое время
Былъ не лучше человѣкъ:
Такъ-же онъ грѣшилъ, какъ нынѣ,
Такъ-же падалъ и страдалъ,
Такъ-же онъ своей святынѣ
Безразсудно измѣнялъ,
Тѣ-же страсти и сомнѣнья
Повторялись вновь и вновь,
Тѣ-же вѣдалъ онъ мученья,
Ту-же чувствовалъ любовь.

Такова бѣдная природа человѣка, его вѣковѣчная доля... Но дальше поэтъ пробуетъ утѣшить и оправдать человѣка:

Но всегда въ туманѣ міра
Сердцемъ онъ распознавалъ
Ложь житейскаго кумира,
Вѣчной правды идеалъ...
И повѣрь, настанутъ годы,—
И полнѣе и сильнѣй
Чувства правды и свободы
Оживутъ въ сердцахъ людей...

Эта послѣдняя надежда, что когда-то «настанутъ годы» и оживетъ все то, чѣмъ радостна жизнь, эта робкая надежда мнѣ показалась особенно жалостной и горькой. Когда-же настанутъ они, эти желанные годы?

Поэтъ, написавшій стихотвореніе, ихъ не дождался. Черезъ немного дней послѣ этого онъ совершенно неожиданно для всѣхъ лишилъ себя жизни. Онъ выбралъ сильнѣйшіи ядъ, приготовился, написалъ письма, и на зарѣ, когда всходило туманное петербургское солнце онъ прервалъ свою еще недолгую и какъ всѣмъ казалось—безпечальную жизнь...

Я близко зналъ бѣднаго поэта *. Ему было около 40 лѣтъ, онъ имѣлъ несомнѣнныи талантъ, пользовался здоровьемъ, матеріальнымъ достаткомъ, не былъ связанъ ни семьей, ни заботой; страстный охотникъ и любитель природы, онъ любилъ путешествовать; задушевный и интеллигентный, онъ могъ черпать счастье изъ всѣхъ сокровищъ науки, литературы и общественной жизни. Необъясниман загадочная смерть, какъ и всѣ подобныя смерти. Пусть доктора говорятъ о «нервномъ разстроиствѣ», о «подавленномъ состояніи», о «навязчивой идеѣ»—все это внѣшніе признаки какого-то страннаго и темнаго процесса, неразгаданнаго, какъ сама жизнь. Я зналъ многихъ самоубійцъ—и роковой конецъ ихъ всегда казался для меня внезапнымъ и въ то-же время безотчетно-необходимымъ.

*) Вячеславъ Александровичъ Гайдебуровъ, † 15 февр. 1894 г.

Другой мой знакомый, одинъ генералъ-морякъ застрѣлился въ тотъ самый день, когда печатался приказъ о назначеніи его на очень крупный постъ. Генералу было всего около пятидесяти лѣтъ, онъ пользовался общимъ уваженіемъ, какъ человѣкъ милый и добрый, имѣлъ ученое имя, былъ богатъ и имѣлъ счастливую семью. Онъ отличался религіозностью, ревностью къ службѣ, замѣчательной честностью и умѣренностью въ жизни. Рѣшительно никакихъ, повидимому, причинъ для самоубійства не существовало. Говорили, что генералъ страдалъ нервами,—но кто-же ими не страдаетъ? Онъ совершилъ надъ собою казнь сознательно, приготовившись за нѣсколько дней. Дочь играла на роялѣ, онъ поцѣловалъ ее и выстрѣлилъ себѣ въ сердце... Что довело его до ужасной развязки? Стало «скучно жить на свѣтѣ», какъ въ предсмертныхъ запискахъ пишутъ эти несчастные. Помню еще самоубійцу—молодого офицера, замѣчательнаго красавца. Онъ имѣлъ шумный успѣхъ у женщинъ прекрасное здоровье, жизнь безпечальная разстилалась передъ нимъ И вотъ однажды, одѣвшись по походному, онъ вышелъ за крѣпостную стѣну и выстрѣлилъ себѣ въ лобъ. Рука не дрогнула... И сколько я помню молодежи, сверстниковъ моихъ, покончившихъ съ собою безъ всякихъ, сколько-нибудь уловимыхъ причинъ: нельзя-же считать причиною то, напримѣръ, что человѣкъ проигралъ деньги, не получилъ обѣщаннаго отпуска, не дождался на свиданіе женщины, которою увлекся. Очевидно, это были не причины, а послѣднія капли уже въ переполненной чашѣ горя. Но какого горя? Откуда оно?

При видѣ человѣка, котораго всѣ считали счастливцемъ и который лежитъ передъ вами «бездыханенъ, безгласенъ», бѣжавшій въ объятія смерти, вы чувствуете какое-то неразрѣшимое, тяжелое недоумѣніе. Вы смутно сознаете, что стоите въ центрѣ какихъ-то трагическихъ жизненныхъ процессовъ, невидимо росшихъ тутъ-же около васъ, въ эти сѣрые будни, въ монотонной бур-

жуазной обстановкѣ, гдѣ, казалось-бы, невозможны никакія драмы, гдѣ жизнь сплетена изъ мелкихъ радостей и мелкихъ печалей. «Счастливый человѣкъ» — и вдругъ лежитъ передъ вами раздавленный неожиданнымъ душевнымъ переворотомъ, убитый возмутившимся въ немъ духомъ, потребовавшимъ его казни...

И самоубійства ростутъ, ростутъ въ ужасающемъ числѣ, захватывая всѣ возрасты и состоянія, всѣ — даже высшіе предѣлы «счастья», и даже высшіе—по преимуществу.

II.

Что-же такое счастье? Я думаю, если-бы можно было разобрать хорошенько жизнь «счастливыхъ» самоубійцъ, которые неизвѣстно почему бѣжали отъ своихъ денегъ, орденовъ, чиновъ, отъ своей молодости и красоты, отъ праздности и комфорта,—если-бы изслѣдовать ихъ жизнь, приведшую къ отрицанію жизни, — быть можетъ, мы поняли-бы, что такое счастье. Невозможно, къ сожалѣнію, вскрыть душу самоубійцы, какъ вскрываютъ его тѣло, чтобы опредѣлить психическій ядъ, его убившій; но та боль и страхъ, которые вами овладѣваютъ при видѣ жертвы, не есть-ли вскрытіе вашей собственной души? Не испытываетъ-ли она при этомъ тѣ-же состоянія, какія въ сильнѣйшей степени испытывалъ самоубійца? Я думаю, что чужую душу слѣдуетъ изучать по своей собственной, и именно въ себѣ искать разгадку гнетущей тайны самоубійства. Какъ-бы вы ни были далеки отъ погибшаго, всегда при вѣсти о самоизгнаніи его изъ жизни васъ начинаетъ мучить въ тайныхъ уголкахъ сердца какое-то тревожное сознаніе, что какимъ-то образомъ и вы причастны этой смерти, какъ-будто и вы въ чемъ-то виновны. Точно пришедшій къ вамъ гость вдругъ уходитъ раньше времени, обидѣвшись чѣмъ-то или соскучившись. Такъ и здѣсь· невольно говоришь себѣ можетъ быть, и не убилъ-бы онъ себя, еслибы я во-время подошолъ къ нему и

заглянулъ въ его душу, еслибы я какъ родной братъ къ брату приблизился къ нему и взялъ на себя половину его ужаса, погоревалъ-бы съ нимъ, поплакалъ-бы, обнялъ-бы его и умолилъ его пощадить себя... Можетъ быть, не было-бы мертвеца, еслибы общество близкихъ окружило его жизнью, нѣжнымъ дыханіемъ любви, еслибы кто-нибудь вошолъ въ его внутренніе душевные интересы и раздѣлилъ-бы частичку ихъ тяготы... На обществѣ живыхъ лежитъ смерть погибшихъ, «всѣ виноваты за всѣхъ», какъ говоритъ Достоевскій. И «страшный судъ» совѣсти предъ отшедшимъ, сейчасъ еще полнымъ жизни братомъ говоритъ вамъ: «онъ былъ нагъ» душою и «вы не одѣли его», онъ томился въ темницѣ мрачнаго отчаянія — вы не посѣтили его, онъ алкалъ истинной дружбы — вы не накормили его...

Въ этомъ смутномъ и скорбномъ состраданіи нужно искать разгадку самоубійствъ. Въ нашей сложной, пресыщенной, чувственной жизни недостаетъ стихіи, которою, какъ грудь кислородомъ, дышетъ здоровая душа человѣка, которою она и живетъ, и радуется. Недостаетъ любви, жалости человѣка къ человѣку. Самоубійцы, которыхъ я зналъ близко, были всѣ прекрасные люди, но ихъ всѣхъ можно было назвать «невольными эгоистами». По ихъ природѣ имъ, казалось-бы, свойственно было много и горячо любить, но жизнь ихъ какъ-то такъ слагалась, что они ни къ кому искренно не привязались, и всѣ интересы ихъ какъ-то искусственно замкнулись въ нихъ самихъ, обратились внутрь, а не наружу. И въ этой тѣснотѣ собственнаго существа человѣкъ психически задыхался. Приходилось жить для себя только, въ «четырехъ стѣнахъ» своего сердца, а это становилось тюрьмою, предъ ужасомъ которой духъ изнемогалъ. Ужасно, возмутительно запереться въ самомъ себѣ и только для себя. Вѣдь на самомъ дѣлѣ внутренняя природа наша шире предѣловъ видимой индивидуальности. «Я» — нетолько то, что заключается въ

тѣлесной оболочкѣ, но и все то, что я чувствую внѣ себя, что входитъ въ мое сознаніе. Изъ тѣлесной оболочки человѣка какъ-бы исходитъ нѣчто, обнимающее собою внѣшній міръ и какъ-бы присутствующее въ близкихъ мнѣ людяхъ. Я сочувствую и сострадаю этимъ людямъ, значитъ, душою живу въ нихъ. На крошечной физической основѣ моей держится громадный пространственно психическій организмъ, настоящая жизнь котораго не въ тѣлѣ, а внѣ тѣла, въ слитіи съ другими подобными-же организмами. Есть предразсудокъ, будто человѣкъ любитъ всего больше самого себя. Однако всякій, кто хоть однажды въ жизни искренно любилъ, сознается, что *любить* можно кого угодно, только не себя. Можно желать себѣ разныхъ благъ, страшиться за себя, быть обиженнымъ, можно нравиться самому себѣ (какъ и не нравиться), но никогда не любишь себя и въ маѣй долѣ той восхищенной, восторженной, стремящейся любви, какъ, напр., въ дѣтствѣ—свою мать или брата, а потомъ — жену, ребенка, друга. Свои потребности удовлетворяешь равнодушно, машинально, а потребности тѣхъ, кого любишь,—съ наслажденіемъ. Больно и страшно самому страдать, но видѣть страданія любимаго существа невыносимо. Жизнь своя безсознательно дорога себѣ, но жизнь искренне любимаго человѣка еще дороже, и чѣмъ естественнѣе человѣкъ, чѣмъ менѣе онъ испорченъ ложною культурой, тѣмъ это чувство проявляется рѣзче; такъ-что въ сущности любить — какъ и ненавидѣть — можно только другихъ,— тотъ маленькій міръ близкихъ, въ которыхъ живешь душою. И вотъ эта-то любовь и есть основное психическое условіе счастья, душевное дыханіе, безъ котораго человѣкъ умираетъ.

..Нѣтъ любви—и гаснетъ жизнь,
И дни плывутъ какъ дымъ...

Настоящее человѣческое «я» есть «мы», и только въ такой формулѣ оно счастливо и покоино. «Всякому необходимо, чтобы было къ кому-нибудь пойти», не-

обходимо, чтобы ваша любовь была встрѣчена любовью, нужно, чтобы кто-нибудь вамъ привѣтливо улыбнулся и «пожалѣлъ» васъ, помечталъ-бы съ вами, посмѣялся. Не даромъ древніе мудрецы, тончайшіе цѣнители счастья, высшимъ благомъ считали дружбу. Прочтите рѣчи Сократа о дружбѣ, Цицерона (о Сципіонѣ) или трогательныя и глубокія письма Сенеки къ Люцилію. То-же убѣжденіе въ благѣ дружбы выражаетъ и вѣковая мудрость народовъ во множествѣ пословицъ. Дружба скрашиваетъ дни жизни даже колоднику въ рудникѣ; самая тяжкая кара, замѣняющая смертную казнь — одиночное заключеніе. Вотъ я и думаю, что «счастливые» самоубицы—тѣ, которыхъ жизнь дѣлаетъ невольными узниками, лишенными нетолько свѣта, но и воздуха счастья, лишенными любви человѣческой...

III.

Если любовь есть основное условіе счастья, спрашивается, кто мѣшаетъ каждому любить людей? Вѣдь даже какой-нибудь бѣднякъ-сапожникъ любитъ свою грязную и изнуренную жену-прачку, имѣетъ пріятелей, такихъ-же оборванцевъ, и насыщаетъ-же онъ какъ-нибудь свои потребности любви и дружбы. Не легче-ли это въ средѣ культурныхъ, изнѣженныхъ классовъ съ ихъ утонченнымъ умственнымъ и эстетическимъ развитіемъ?

Нѣтъ, не легче; я думаю, что даже труднѣй. Культурная жизнь, соединяя громадныя людскія массы механически, разъединяетъ маленькія естественныя психическія группы, въ которыхъ только и можетъ жить человѣкъ, разрушаетъ тѣсные семеиные и родовые кружки людей, столь крѣпкіе въ прежнія времена. Пути сообщенія — желѣзныя дороги, телеграфы, телефоны, газеты, книги соединяютъ человѣчество, но не сближаютъ людей до непосредственнаго, сердечнаго общенія; они даютъ возможность имѣть въ сто разъ больше знакомыхъ, но часто отрываютъ отъ васъ немногихъ истинныхъ друзей.

Старинныя, мало-подвижныя времена были выгоднѣе для семьи и дружбы; большинство людей тогда гдѣ родились, тамъ и росли и кончали жизнь, въ чертѣ своего околотка, среди нѣсколькихъ десятковъ односельчанъ. Теперь-же и образованный, и рабочій классъ кочуютъ съ раннихъ лѣтъ, отыскивая лучшія условія образованія, службы, работы, безпрерывно перемѣшиваясь и поминутно обрывая завязывающіяся отношенія; знакомства пріобрѣтаютъ мимолетный характеръ, не переходятъ въ дружбу, въ родственное чувство долгаго сожительства. Если гдѣ еще возможна старая, патріархальная общественность, то въ деревнѣ. Деревенскій, постоянный житель знаетъ своихъ односельцевъ съ головы до ногъ, съ ихъ нравами и привычками, съ ихъ затрапезной жизнью, съ ихъ ежедневными событіями за десятки лѣтъ, часто—со дня ихъ рожденія. Только въ деревнѣ, гдѣ все на виду и всѣмъ все извѣстно, возможна общая душевная жизнь цѣлой группы людей, возможно настоящее *единеніе*, сліяніе душъ, только въ деревнѣ возможна *церковь* въ древне-христіанскомъ смыслѣ этого слова Сравните бытъ деревни съ жизнью большого города; тамъ громада населенія вамъ и близка и столь-же чужда, какъ-бы она жила за тысячи верстъ,—тамъ вы можете двадцать лѣтъ прожить въ своей квартирѣ и не знать даже имени сосѣдей, живущихъ черезъ стѣнку, въ разстояніи полуфута отъ васъ. На разстояніи полуфута, могутъ рождаться, любить, страдать, умирать — и вы никогда не узнаете объ этомъ. Развѣ только отдаленный гулъ рояля иногда напомнитъ, что за стѣной еще не конецъ свѣта, что тамъ живутъ съ ихъ радостями и печалями такіе-же люди, незнающіе, недогадывающіеся о вашемъ существованіи. Въ городѣ можно имѣть много знакомыхъ, но всѣ они какъ разбредшееся общество въ дремучемъ лѣсу никто не видитъ другъ друга, всѣ потонули въ темной чащѣ, и нужно каждый разъ разыскать пріятеля, чтобы узнать, что онъ дѣлаетъ. Въ городѣ внутренняя жизнь

даже друзеи прикрыта, есть условные часы для встрѣчъ, внѣ которыхъ вторгаться въ домашнюю жизнь ближнихъ не принято. Живя въ городѣ, можно отъ всѣхъ скрыть все, что не хочется открывать; эта возможность разъединяетъ людей сверхъ мѣры, устанавливая лишь немногія и условныя точки соприкосновенія.

Но и кромѣ этихъ, чисто механическихъ причинъ, въ цивилизованномъ быту есть могущественныя психическія условія, отдѣляющія человѣка отъ человѣка. Чѣмъ богаче, знатнѣе, образованнѣе человѣкъ, тѣмъ уже кругъ возможныхъ для него знакомствъ: сынъ крестьянина, дѣлаясь образованнымъ, сразу какъ-бы выселяется изъ многомиллионнаго ему родного міра въ мірокъ изъ нѣсколькихъ тысячъ образованныхъ людей, ему равныхъ. Даже и въ этомъ міркѣ образованіе соединяетъ людей менѣе прочно, чѣмъ въ большомъ народномъ мірѣ ихъ сплачивало невѣжество. Чаще всего образованіе разобщаетъ. По условіямъ нынѣшняго просвѣщенія, чѣмъ человѣкъ ученѣе, тѣмъ онъ болѣе спеціалистъ, т.-е. тѣмъ болѣе чуждъ всему остальному міру. Техникъ, юристъ, филологъ, музыкантъ — если они серьезно преданы своему дѣлу, то имъ очень трудно найти общую почву для душевнаго общенія; въ лучшемъ случаѣ имъ приходится болтать о театрѣ или политикѣ или обмѣниваться замѣчаніями о погодѣ. Вѣдь еслибы стенографировать любой разговоръ въ гостинныхъ, то за рѣдкими исключеніями — такая запись дала-бы своего рода testimonium paupertatis, почти клиническую картину духовной бѣдности людей, — и людей, въ отдѣльности, не глупыхъ, а иногда отмѣнно умныхъ. Въ Петербургѣ я знаю одно общество людей изысканной интеллигенціи, съ именами, извѣстными всей Россіи, людей, собирающихся по понедѣльникамъ для бесѣдъ о литературѣ. Можно подумать, что тутъ-то ведутся живыя, одушевленныя рѣчи, тутъ-то идетъ искрометный обмѣнъ мысли. На самомъ дѣлѣ, на этихъ бесѣдахъ, когда ихъ удается кое-какъ устроить

(обыкновенно никто не ходитъ), царитъ гнетущая скука или пустѣйшее словоизверженіе какого-нибудь болтуна. Даже простая деревенская сходка содержательнѣе, искреннѣе и интереснѣе, чѣмъ это сборище «извѣстностей». Но каждая «извѣстность» мертва только здѣсь; въ иномъ, интимномъ кружкѣ она очаруетъ васъ умомъ, талантомъ, образованіемъ, знаніемъ жизни, остроуміемъ. Что-же это значитъ? А только то, что въ «обществѣ» члены недостаточно близки другъ съ другомъ, а потому—стѣсняются. Удобно-ли предъ почти незнакомыми людьми раскрывать свою душу, завѣтныя,—самыя дорогія мысли? Полузнакомство, нѣсколько сближая людей, всѣхъ какъ-бы парализуетъ, а близкую дружбу установить при условіяхъ городской жизни трудно. Цѣлыми годами, десятилѣтіями, всю жизнь продолжаются такія полузнакомства: сниманье шляпъ при встрѣчахъ, пожиманье рукъ, два-три слова о какой-нибудь злобѣ дня. «Бывать» у такого знакомаго такъ-же не принято какъ и «принимать» его у себя.

Города переполнены спеціалистами, а спеціализмъ уже по существу своему разобщаетъ людей. Чѣмъ инженеръ можетъ подѣлиться съ литераторомъ или художникомъ? Оба они (въ большинствѣ случаевъ) рабы своихъ профессій, оба замуравлены въ своемъ ремеслѣ и выглядываютъ изъ него на міръ Божій какъ узники сквозь крохотное оконце; ничего интереснаго изъ него не видно. Бываютъ, правда, выдающіеся спеціалисты, которыхъ духовной жажды хватаетъ и на другіе предметы, но это рѣдкость. Кругъ умственныхъ привязанностей съуживается для цивилизованнаго человѣка предѣлами его труда, но и немногіе представители этого труда разбросаны по отдаленнымъ угламъ города и самая работа ихъ разъединена: медики, напримѣръ, лѣчатъ совершенно различныхъ пациентовъ, адвокаты защищаютъ различныя дѣла. Это не то, что въ деревнѣ, гдѣ Сидоръ вмѣстѣ съ сосѣдомъ Карпомъ выѣзжаетъ на поле и пашетъ рядомъ,

и сѣетъ рядомъ и жнетъ рядомъ Культурныя профессіи слишкомъ отграничились другъ отъ друга, подраздѣлились, обособились до мелочей Трудъ — содержаніе жизни — теряетъ свой общественный, союзный характеръ, а вмѣстѣ съ этимъ исчезаетъ и сама общественность. Нужна бываетъ какая-либо искусственная «общая почва» для поддержанія общества: на Западѣ — лихорадочная «политическая жизнь», у насъ — «общественныя развлеченія». Не будь политической борьбы на Западѣ или у насъ журналовъ да театровъ—не было-бы и той тѣни единенія, которая теперь называется «общественнымъ мнѣніемъ». Современная цивилизація убиваетъ истинное. живое общество,—то, которое создается лишь очевиднымъ, ежедневнымъ общеніемъ, общество *органическое*, всегда *небольшое* по числу членовъ (слишкомъ большихъ организмовъ не бываетъ), и сбиваетъ мелкія общественныя клѣточки въ массу механически связанныхъ между собою атомовъ, другъ другу чуждыхъ. Современное общество не организмъ, а машина, всѣ части которой тѣсно связаны и всегда одиноки: ихъ не орошаетъ общая кровь изъ общаго сердца, не питаетъ ихъ и не согрѣваетъ. Чувство *родства* замѣняется сознаніемъ *зависимости*. Общество изъ семьи превращается въ толпу, гдѣ каждый среди чужихъ. Можно и въ толпѣ чувствовать общія настроенія: слѣдя за жизнью міра, какъ за театральной сценой, вы вмѣстѣ съ партеромъ смѣетесь или плачете, но эта радость и эта печаль и общи, и одиноки: справа и слѣва сидятъ незнакомцы, которыхъ черезъ часъ вы забудете, какъ и они васъ

IV.

Слишкомъ сложный, слишкомъ искусственный городской бытъ затрудняетъ жизнь даже мельчайшей ячейки общества—семьи, которой иногда одной достаточно для счастья. «Только тотъ счастливъ, кто счастливъ дома»,

говоритъ Гете—повторяя мысль Екклезіаста о человѣческой долѣ на землѣ (IX, 9). Родное гнѣздо, жена какъ второе сердце свое, милыя дѣтки, стихія горячей любви и дружбы—вотъ основное счастье человѣка. Кроткій пламень «семейнаго очага»—единственный свѣтъ согрѣвающій и не жгущій, около котораго душа обрѣтаетъ миръ. Но для того, чтобы сложился этотъ очагъ, для того, чтобы не померкалъ этотъ святой огонь, необходима постоянная трудовая и житейская близость всей семьи, необходимъ непрерывный обмѣнъ всѣхъ впечатлѣній и мыслей, интересовъ и надеждъ. Такая семья возможна лишь въ патріархальномъ быту деревни (гдѣ деревня не разстроена вмѣшательствомъ города). Въ современныхъ городскихъ, культурныхъ условіяхъ искренняя семья невозможна. Въ городѣ глава семьи, погруженный въ свою специальность, непонятную ни женѣ, ни дѣтямъ, органически не связанъ съ ежедневною домашнею жизнью,—такой глава семьи часто гость у себя дома. Онъ цѣлый день гдѣ-то на службѣ или сидитъ запершись въ кабинетѣ, оторванный для какой-то далекой и психически не нужной семьѣ жизни: черезъ тридцать, сорокъ лѣтъ совмѣстнаго житья жена ровно ничего не понимаетъ въ работѣ мужа. Подумать вслухъ о своемъ жизненномъ трудѣ у «домашняго очага» человѣкъ уже не можетъ, какъ думаетъ мужикъ и ремесленникъ. У этихъ бѣдняковъ въ тѣсной избѣ, около себя всѣ орудія ремесла и вся работа; у нихъ жена всегда въ состояніи замѣнить мужа за сохой, бороной или косой; у нихъ пятилѣтній сынишка уже ведетъ лошадь на водопой или сидитъ на возу, а такая-же дѣвчонка пасетъ гусей, загоняетъ корову въ хлѣвъ, носитъ отцу хлѣбъ въ поле и съ этихъ раннихъ весеннихъ дней своими ясными глазками впиваетъ въ себя всѣ подробности отцовской работы, всю картину его жизни. Въ деревнѣ на маленькомъ, разнообразномъ, но въ то-же время простомъ и всегда естественномъ дѣлѣ сосредоточивается вниманіе всѣхъ домочадцевъ, и всѣ въ

равнои степени спеціалисты, всѣ непосредственные участники одного, полнаго жизни дѣла. Такая *общая* съ незапамятныхъ временъ трудовая жизнь сплачиваетъ хорошую крестьянскую семью въ духовно крѣпкій, несокрушимый организмъ, и только горькая нужда да неволя могутъ разрушить это благодатное человѣческое гнѣздо—къ погибели его отдѣльныхъ членовъ. Нѣтъ ничего выше и чище подобнаго семейнаго счастья, когда душа каждаго члена семьи обогащается всѣмъ духовнымъ богатствомъ прочихъ членовъ, выростаетъ и живетъ въ широкомъ единеніи, всегда находя себѣ участіе и утѣшеніе. Совсѣмъ не то—заурядная городская семья, гдѣ отдѣльные члены живутъ совершенно отдѣльными интересами. Домашняя жизнь, не имѣя общаго трудового начала, теряетъ свою серьезность и содержаніе, обращается въ какой-то table d'hôte, въ условленныя встрѣчи за завтракомъ и обѣдомъ, послѣ которыхъ всѣ спѣшатъ разойтись по своимъ уголкамъ. Трудъ каждаго теряетъ свой семейный характеръ, перестаетъ освящаться вниманіемъ самыхъ близкихъ и дорогихъ людей. Въ городской семьѣ обыкновенно нѣтъ общаго психическаго центра, нѣтъ общаго сотрудничества, объединяющаго всѣ отдѣльныя способности и потребности. Мужъ женѣ не товарищъ, онъ не можетъ интересоваться ея туалетами, французскими романами, благотворительностью да сплетнями,—какъ и жена мужу, такъ-какъ его канцелярія для нея китайская грамота. Отецъ въ такой семьѣ уже не товарищъ сыну, потому-что у Вани спеціальность—греческій синтаксисъ, а у папы—уголовное право. Семьѣ не на чемъ сойтись и поговорить: для общаго разговора, какъ это бываетъ и среди совершенно чужихъ людей, приходится брать что-нибудь одинаково для всѣхъ чужое; скандалъ у знакомыхъ, театръ, выставка, газетныя новости. Корни дружбы на столь неглубокой почвѣ коротки и поминутно обрываются. Отецъ считаетъ праздникомъ очутиться въ клубѣ, въ средѣ хоть сколько-нибудь по-

нимающихъ его сослуживцевъ. Мать отдыхаетъ сердцемъ у старой подруги по институту, сынъ-гимназистъ — у товарища, понимающаго его душевные интересы и входящаго въ его положеніе такъ, какъ не входятъ ни отецъ, ни мать. Всѣ смутно чувствуютъ этотъ внутренній, нѣмой разрывъ, и та привязанность, которая естественно создается долгимъ сожительствомъ, не всегда удерживаетъ семью отъ распаденія. Расходящіеся ежедневно родители невольно пріобрѣтаютъ интересы внѣ семьи; даже дѣти, дающія столько восторговъ, начинаютъ тяготить; ихъ сдаютъ на руки мамкамъ, нянькамъ, боннамъ, гувернанткамъ, а чуть подростутъ—стараются сбыть въ школы, то-есть вынести весь жизненный интересъ дѣтей за стѣны родного дома и душевно выселить ихъ изъ семьи. Разбродъ семейный совершенно уничтожаетъ всю поэзію «домашняго очага». Изъ дома, превращеннаго въ гостинницу съ номерами, какъ-бы отлетаютъ лары и пенаты, геніи дружбы, вѣяніе которыхъ чувствуешь во всякой патріархально-трудовой семьѣ. Холодно и пусто въ городской семьѣ, и даже при хорошихъ характерахъ являются обостренныя, натянутыя отношенія. Глава семьи съ ужасомъ чувствуетъ, что жена и дѣти—холодные, присосавшіеся къ нему паразиты, которымъ отъ него нужно только содержаніе, только ѣда, одежда, квартира—и больше ничего. Легко-ли ему все это достается—они никогда не поймутъ, такъ-какъ совсѣмъ не знаютъ его жизненнаго дѣла и равнодушны къ нему. Онъ не видитъ ни благодарности, ни симпатіи—достаточно теплой, чтобы вознаградить его за «каторгу» службы. Разъ является вопросъ о «благодарности» въ семьѣ—вѣрный признакъ, что родство нарушено, что у самого главы семейства уже нѣтъ истинной любви къ женѣ и дѣтямъ. Душевно отошедшій отъ семьи, потерявшій самую цѣль имѣть ее, отецъ начинаетъ считать себя жертвой, пересчитываетъ свои «погубленные годы» и т. п. И дѣйствительно, онъ *жертва*: безъ горячей любви, безъ душевнаго слиянія съ домочадцами семейная жизнь—

тяжкая и ненужная обуза, томительное рабство у кучки какихъ-то постороннихъ и равнодушныхъ людей, имѣющихъ на васъ «права». Сознавая все это, папенька начинаетъ попрекать дѣтей въ дармоѣдствѣ, понукать ихъ къ занятіямъ—хотя-бы самымъ ненужнымъ и неестественнымъ, но выгоднымъ; опредѣляетъ сыновей на службу, презираетъ засидѣвшуюся въ невѣстахъ дочь. «Паразиты» глубоко этимъ оскорбляются—тѣмъ глубже, что сознаютъ свой паразитизмъ, но не видятъ выхода. Они чувствуютъ, что въ хорошей, счастливой семьѣ не можетъ быть вопроса о кускѣ хлѣба когда любишь, то пріятно и для себя необходимо заботиться о любимыхъ существахъ Значитъ отецъ ихъ не любитъ, значитъ онъ не правъ. Но они чувствуютъ, что и они его недостаточно любятъ, значитъ—и они не правы. Да притомъ они дѣйствительно вѣдь сидятъ на его шеѣ! Такія размышленія приводятъ къ душевному аду и страстному желанію всѣхъ членовъ семьи развязаться съ домашнимъ очагомъ, несмотря на плѣнительныя воспоминанія дѣтства, несмотря на очарованіе невозвратной, долго прожитой вмѣстѣ жизни. .

V.

Не насытивъ свое сердце любовью изъ чистѣйшаго родника—домашняго очага, городской человѣкъ напрасно пытается утолить свои симпатіи на сторонѣ. Онъ отправляется въ клубъ, къ знакомымъ. Родившіеся за тридевять земель, выросшіе врозь, съѣхавшіеся изъ-за тысячъ верстъ и ничего не знающіе другъ о другѣ, кромѣ темныхъ сплетенъ, люди являются какъ-бы упавшими съ луны одинъ для другого. Устанавливаются чаще всего оффиціальныя отношенія: служебныя, корпораціонныя, ничего не значущіе визиты, условные разговоры, бесѣды обо всемъ, кромѣ того, что обоимъ собесѣдникамъ дорого и завѣтно. Затаивъ въ себѣ лучшія мечты, привыкнувъ не выносить ихъ на свѣтъ изъ боязни холоднаго пріема,

человѣкъ и самъ облекается въ броню неприступной свѣтскости, той лицемѣрной любезности, которая для искренняго сердца несноснѣе прямой вражды. Понемногу человѣкъ и самъ дѣлается отталкивающимъ; онъ и хочетъ привлекать къ себѣ людей, но уже не можетъ. Бороться съ психическимъ разобщеніемъ, вносимымъ искусственною жизнью, трудно. Люди будничные терпятъ обыкновенно до самой смерти это «одиночное заключеніе» души. Они стараются во что-бы то ни стало, какъ толстовскій Иванъ Ильичъ, жить внѣ себя, посторонними интересами; они зарываются въ службу съ головою, отдаются наживѣ или шляются по театрамъ, клубамъ, вечерамъ, довольствуясь отдаленными намеками на дружбу. Люди порочные ищутъ въ грязи объединяющей почвы для дружбы: пріобрѣтаютъ собутыльниковъ, соразвратниковъ, пускаются въ азартную игру. Все-же получается хоть уродливое, но общеніе душъ. Возьмите карточную игру; я лично не вижу въ ней никакого интереса, но какая-нибудь причина собираетъ-же ежедневно эту миллионную армію взрослыхъ и образованныхъ людей около зеленаго стола? Я думаю, что интересъ картъ не столько въ выигрышѣ, обыкновенно небольшомъ, не въ комбинаціяхъ мастей, не въ чувствѣ борьбы или побѣды, а въ удовольствіи собраться въ кружокъ, хотя-бы изъ четырехъ человѣкъ. «Винтъ» искусственно свинчиваетъ души партнеровъ хотя на нѣсколько часовъ и хотя-бы на очень пустомъ предметѣ, удовлетворяя насущную потребность человѣка въ людяхъ. Тѣ-же четыре человѣка безъ картъ не знаютъ, о чемъ имъ вмѣстѣ думать и чѣмъ вмѣстѣ заинтересоваться: нѣтъ жизни *общей*, нѣтъ необходимыхъ оживленныхъ отношеній, вызываемыхъ общею работой,—становится нужнымъ хоть призракъ такой общей дѣятельности и игра создаетъ этотъ призракъ. Иныя игры очень трудны, и въ тѣхъ слояхъ, гдѣ эти игры распространены, на нихъ затрачиваются лучшія умственныя силы и самое дорогое время «досуга». За отсутствіемъ производительной общей работы

является безплодная, но все-же дающая духовную связь, общій психическій центръ, общую душу игрокамъ. Благородный инстинктъ единенія удовлетворяется этимъ противоестественнымъ способомъ, какъ другой великій инстинктъ ищетъ себѣ насыщенія въ притонахъ терпимости. Печально это очень, но именно такъ сложилась жизнь. Притоны терпятся какъ отдушины страсти, изъ страха, что она найдетъ себѣ худшій выходъ. Можетъ-быть, и карточная игра представляетъ собою выходъ для неистребимаго никакими нелѣпостями жизни влеченія людей собираться во-едино; не будь карточной игры, при современномъ трудовомъ разобщеніи людей, при упадкѣ семейной жизни, многимъ нечѣмъ было-бы жить. Четыре партнера, даже совершенно незнакомые, когда они углублены въ свое странное «общее дѣло», кажутся болѣе дружною семьей, нежели четыре кровныхъ родственника, душевно ничѣмъ не связанные.

Есть и другіе способы для удовлетворенія потребности дружбы. Вспомните женщинъ, окруженныхъ кошками, или старыхъ холостяковъ, обѣдающихъ вдвоемъ съ своею собакою. Эта дружба кажется смѣшною, но въ ней есть глубоко-жалостная черта. Вѣдь въ нашемъ столь цивилизованномъ и богатомъ обществѣ любовь къ собакѣ — часто единственное возможное помѣщеніе своей души. «Plus je connais les hommes, plus j'éstime les chiens», говоритъ m-me Сталь. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ сердечный, искренній, постучавшись въ холодныя сердца собратьевъ и оставшійся безъ пріюта, — куда онъ дѣнется?

Со стыдомъ мою протянутую руку
Опускаю я, не встрѣтивши пожатья,

горько шепчетъ онъ, идущій «въ людномъ мірѣ, какъ въ глухой пустынѣ...» Не всякое сердце выдержитъ:

Богъ судья вамъ, люди-братья!
Не приду съ бѣдой моей
Къ вамъ въ холодныя объятья!..

И вотъ, не найдя себѣ привѣта среди братьевъ-полу-

боговъ, человѣкъ идетъ въ міръ болѣе добрыхъ, болѣе *человѣчныхъ* существъ, хотя и безгласныхъ. Среди животныхъ, вѣдь, встрѣчаются такія милыя, привлекательныя созданія съ превосходными характерами, съ чувствомъ дружбы и самоотверженности, сильнѣйшимъ, чѣмъ у иного человѣка. Въ единеніи съ такимъ четвероногимъ другомъ возможенъ общій психическій центръ. Пусть вы спеціалистъ въ самыхъ различныхъ смыслахъ· напр., юристъ, дворянинъ, богачъ и т. п., — человѣкъ всячески обособленный отъ людской массы, но для собаки ни ваше дворянство, ни богатство, ни профессія не имѣютъ никакого значенія: для нея вы просто живое, ей симпатичное существо, какъ и она для васъ, а на такой почти философской почвѣ, согласитесь, только и возможна истинная, безкорыстная дружба. Собака видитъ, что вы грустно настроены, и всегда горячо сочувствуетъ вамъ, не разсуждая, ошибаетесь вы въ своей грусти или нѣтъ, какъ это часто дѣлаютъ навязчивые двуногіе. Собака замѣчаетъ малѣйшіе оттѣнки вашей радости и отражаетъ эту радость сейчасъ-же въ видѣ сочувственнаго восторга Вы видите ея сердечное пониманіе вашего сердца, вы чувствуете, какъ эта странная, загадочная душа точно изъ какого-то другого міра отдается вашей душѣ безкорыстно и безраздѣльно. Если человѣкъ имѣетъ немножко совѣсти, его умиляетъ эта страстная любовь звѣря· любовь даже и въ этомъ твореніи Божьемъ есть божественное чувство, и она покоряетъ человѣка, будитъ отвѣтную симпатію хотя-бы на почвѣ первобытныхъ психо-животныхъ настроеніи. Создается дружба, которой иное осиротѣлое человѣческое сердце можетъ дѣйствительно позавидовать. И хотя это покажется злою шуткой, но, къ несчастію, это страшная правда· старая дѣва съ ея мопсами, лижущими ее въ губы, представляетъ болѣе нормальную семью, чѣмъ многія человѣческія семьи, психически разобщенныя, съ исчезнувшею поэзіей семьи— любовью...

VI.

«Не добро быть человѣку едину» — это первое «не добро», замѣченное Богомъ еще при твореніи. Люди съ крупною душою, съ нѣжными и пылкими инстинктами не выносятъ долгой оторванности отъ людей. Они пытаются уйти въ работу, и если она имѣетъ гуманный, самоотверженный характеръ, то еще спасаются иногда отъ пули. Но представьте службу формальную, какую-нибудь узкую ученую специальность, канцелярское дѣло и т. п. Человѣка постепенно охватываетъ давящая пустота. Онъ не понимаетъ большею частью, что съ нимъ происходитъ. Какъ-то вдругъ жизнь теряетъ свою цѣну, выпадаетъ какая-то подставка изъ подъ нея. Въ темныхъ, недоступныхъ сознанію таникахъ духа идетъ какой-то зловѣщій процессъ. Что со мной? спрашиваетъ въ испугѣ человѣкъ. Чего мнѣ недостаетъ? Карьера прекрасная, здоровъ, жена, дѣти... И вдругъ онъ съ ужасомъ чувствуетъ, что ему уже не нужно ни карьеры, ни жены, ни дѣтей, что все это что-то пустое, постороннее. Отчего, какъ это сложилось — человѣкъ не знаетъ; но оно сложилось и требуетъ, чтобы этому былъ положенъ конецъ. Представьте себѣ, что кругомъ васъ исчезло-бы все человѣчество или оно обратилось-бы сплошь въ деревянныхъ манекеновъ. Вамъ страстно захотѣлось-бы не жить дольше. Револьверъ вы схватили-бы какъ избавителя, какъ ключъ отъ тюрьмы, въ которой вы задыхаетесь...

Неправда жизни, неправда отношеній къ людямъ дѣлаетъ то, что человѣчество и въ самомъ дѣлѣ умираетъ для человѣка, умираетъ для него міръ Божій, и несчастному, чувствующему себя уже похороненнымъ въ этой бездонной могилѣ, необходимо становится умереть.

Такъ гибнутъ прекрасные и чуткіе люди въ тоскѣ по человѣку. А между тѣмъ, какъ въ пустынѣ странникъ иногда умираетъ отъ жажды въ ста шагахъ отъ

ненайденнаго имъ колодца, такъ и здѣсь: среди людей прячутся родники, достаточные для утоленія самой жадной, самой ненасытной любви. Вѣдь любовь насыщается нетолько радостнымъ сочувствіемъ, но и состраданіемъ, а матеріала для состраданія такъ много въ нашей жизни! Одинокій и забытый человѣкъ всегда найдетъ еще болѣе сиротливыхъ, и если онъ достаточно искрененъ, то встрѣтитъ только благодарности, столько благословеній! Пойдите въ міръ униженныхъ и оскорбленныхъ, въ міръ простыхъ и чистыхъ сердцемъ—и вы будете спасены отъ самаго безутѣшнаго отчаянія. И я думаю, что это единственный исходъ противъ охватывающей верхи культуры душевной немочи. Богачу, пирующему во дворцѣ съ тоскою въ сердцѣ, придется рано или поздно или убить себя, или спуститься къ бѣдному Лазарю, раздѣлить съ нимъ жизнь. Въ требованіи милосердія заключена тайна счастія нетолько бѣдныхъ, но и богатыхъ. Вѣдь богатство само по себѣ, какъ и всякое превосходство матеріальное, удовлетворяетъ только грубыхъ людей· для человѣка совѣстливаго оно превращается въ нелѣпость, въ ненужный, часто невыносимый гнетъ. Нравственное развитіе въ будущемъ,—я увѣренъ,—повлечетъ богачей въ міръ обездоленнаго человѣчества, какъ царедворца Іосифа повлекло въ объятія давно забытыхъ, голодныхъ и полудикихъ, но все-же родныхъ братьевъ. Въ милосердіи только, въ океанѣ состраданія можетъ раствориться давящая сердце теперешняго «счастливца» глыба эгоизма.

VII.

Мнѣ скажутъ,—тяжело жить однимъ состраданіемъ· есть-же у человѣка потребность и въ *сорадости* ближнимъ, а для этого нужно общество равныхъ по развитію и знанію,—кружокъ людей, которые могли-бы раздѣлить всѣ ваши думы и мечты. А гдѣ найдешь общество истинноразвитыхъ, истинно умныхъ людей?

Конечно, умный человѣкъ, будучи самою тонкою роскошью природы, встрѣчается рѣдко, однако достаточное усиліе преодолѣваетъ природу. Въ какую-бы пустыню общества вы ни попали, какъ-бы ни былъ бѣденъ душевный міръ людей вокругъ, вы всегда въ состояніи устроить хоть маленькое, но цвѣтущее «хозяйство». Поступайте лишь какъ заботливый колонистъ, который въ дикой степи выкапываетъ пруды, разводитъ сады и рощи, и черезъ нѣсколько лѣтъ пустынный, непригодный для жилья уголокъ превращается въ рай земной. Попробуйте взглянуть на кружокъ людей, среди которыхъ васъ забросила судьба, какъ переселенецъ на свой надѣлъ. Попробуите воздѣлать этотъ кружокъ такъ, какъ вамъ нужно, вложите въ него энергію, капиталъ сердца и ума, указанія опыта и науки — и вы увидите, что черезъ нѣсколько лѣтъ участокъ вашъ зацвѣтетъ: для васъ, по крайней мѣрѣ, для вашихъ душевныхъ нуждъ. Попробуйте ухаживать за вашими знакомыми столь-же бережно и нѣжно, какъ за деревьями сада или цвѣтами: знакомство распустится въ дружбу, дастъ ароматъ любви и сѣмена для будущихъ благоуханныхъ отношеній. Люди, среди которыхъ мы живемъ, должны сдѣлаться во что-бы то ни стало для насъ интересными, и мало такихъ больныхъ, изуродованныхъ организмовъ, съ которыми нельзя было-бы ничего сдѣлать. Ихъ нужно терпѣть, и какъ больное, но еще не мертвое дерево въ саду, ихъ нужно окружать подпорками: при нравственной поддержкѣ даже слабый, безсильный человѣкъ стоитъ прямо и не нарушаетъ слишкомъ рѣзко порядка окружающей жизни. Наконецъ, какъ садовникъ пересаживаетъ въ свой цвѣтникъ дорогія и рѣдкія растенія, ищите и вы самыхъ лучшихъ, прекрасныхъ, талантливыхъ, добрыхъ людей и пересаживайте ихъ къ себѣ поближе, насколько возможно.

Читатель возразитъ, что это не легкая задача — измѣнить общество по своему вкусу. Да, не легкая,

но однако и не чрезмѣрно трудная. Пусть это задача нѣсколькихъ и даже многихъ лѣтъ жизни,—почему не взяться за нее, если вы беретесь за неменѣе трудныя, напримѣръ, коммерческія и промышленныя предпріятія? Изъ ничего устроить хорошее хозяйство, «понемножку» организовать фабрику или заводъ, основать и упрочить большую газету—все это предпріятія многолѣтнія, весьма рискованныя и трудныя, однако, осуществимыя. Даже генеральскій чинъ — завѣтная мечта многихъ простодушныхъ людей—пріобрѣтается не сразу: хоть четверть столѣтія (въ лучшемъ случаѣ) всетаки необходимо потратить на его достиженіе, причемъ приходится (для большинства) поработать и поработать! Такъ вотъ если такія сомнительныя «блага», какъ капиталъ или титулъ, требуютъ усилій, такъ можно-ли жалѣть труда на созданіе себѣ «высшаго блага жизни» — дружественнаго міра людей? Вѣдь и въ этомъ «предпріятіи», если его вести настоичиво и умно, вся затраченная вами энергія, весь душевный капиталъ возвратятся вамъ съ лихвой и останутся въ наслѣдство дѣтямъ,—лучшее наслѣдство, о которомъ нужно заботиться.

VIII.

Пересозданіе общества, культура окружающихъ васъ нравовъ вещь не легкая, но возьмемъ условія, повидимому, самыя невыгодныя Вообразите, что вы живете въ деревнѣ, въ какомъ-нибудь далекомъ захолустьѣ. «Людеи» тамъ, какъ говорятъ, нѣтъ вовсе. Заброшенный въ эту глушь образованный человѣкъ обыкновенно изнываетъ отъ скуки. «Слова сказать не съ кѣмъ, жалуется онъ,—лица человѣческаго не видишь. Какое у насъ общество? Оскудѣвшие недоросли — полуграмотные пьяницы и распутники, — развѣ порядочный дворянинъ станетъ сидѣть на пяти десятинахъ «родовой» земли? Акцизный, землемѣръ, акушерка... Все это неудачники, ни-

какой карьеры въ городѣ не сдѣлавшіе и опустившіеся на дно провинціи на нѣсколько десятковъ рублей жалованья. Никто не читаетъ ничего, кромѣ сѣрыхъ листковъ; — кромѣ водки и большого шлема на бубнахъ никто ничѣмъ не интересуется». Такъ жалуется захолустный «интеллигентъ». — А съ народомъ не сходитесь? спросишь такого интеллигента. — «Помилуйте, что-же общаго... изумится онъ: какіе-же у насъ съ мужикомъ интересы? Что-же можетъ дать Петруха-кузнецъ на запросы ума, знанія, прогресса? Я читаю Спенсера, а онъ еле разбираетъ часословъ, да и то считается отмѣннымъ грамотѣемъ». Нѣчто въ этомъ родѣ я слышалъ въ одномъ глухомъ уѣздѣ отъ одного хорошаго сельскаго учителя, человѣка не глупаго, развитого, выписывавшаго изъ своего крошечнаго жалованья журналы. Онъ, благодаря чтенію, былъ человѣкъ достаточно образованный, но погибалъ съ тоски цѣлыя десятилѣтія, не зная съ кѣмъ «слово сказать». Къ мужикамъ онъ относился съ тончайшимъ презрѣніемъ, не умѣлъ даже говорить съ ними на ихъ языкѣ и бережно сторонился отъ деревенскихъ парней и дѣвицъ. «Душу отводилъ» онъ только съ заѣзжими «интеллигентными людьми», читавшими, какъ и онъ, «толстые журналы». А по происхожденію онъ — сынъ крѣпостного, мѣстный уроженецъ. Онъ страдалъ рѣшительно какъ Робинзонъ на необитаемомъ островѣ. Мнѣ, признаюсь, его надменныя жалобы были непонятны и даже жалки. Слушаешь такого «интеллигента» и думаешь: ужь будто-бы вы настолько выше окружающаго васъ родного міра, что задыхаетесь въ немъ? Даже Овидій жилъ кое-какъ среди скиѳовъ, а вы вѣдь русскіи и среди русскихъ, говорящихъ и думающихъ на родномъ вамъ языкѣ, имѣющихъ ту-же исторію, культъ, преданія, тѣ-же ближайшіе интересы. Разъ вы попали въ деревню — зачѣмъ дѣлать себѣ самому какое-то изгнаніе, притворяться существомъ иного, нездѣшняго міра?

Живя въ деревнѣ долгіе годы, казалось-бы, какъ не подобрать себѣ изъ крестьянства кружокъ друзей! Среди крестьянъ каждый наблюдалъ, и не такъ ужъ рѣдко, типы удивительно порядочныхъ отъ природы людей, одаренныхъ и интеллигентныхъ, тонко чувствующихъ и оригинально мыслящихъ. Встрѣчаются даже великіе люди въ крестьянствѣ, хотя и безграмотные: столько ума и творчества влагается ими въ простую рѣчь ихъ, столько величія въ характеръ, столько мужества въ жизнь. Именно въ удаленныхъ отъ городской цивилизаціи захолустьяхъ чаще всего попадаются цѣльныя, прекрасныя личности, съ уравновѣшенною и правдивою душой. Подобные люди были-бы безцѣнны въ любомъ обществѣ. «Но они невѣжественны, они живутъ еще въ тринадцатомъ столѣтіи, до нихъ не дошли еще открытія Галилея, Колумба и Гуттенберга. Они приносятъ еще жертвы чернымъ тараканамъ, бросая хлѣбныя корки подъ печь. Они еще видятъ «своими глазами» домовыхъ, оборотней, русалокъ. Ихъ ясный умъ и иногда геніальное вдохновенье опутано еще скиѳскими суевѣріями». Все это правда: невѣжество не малое препятствіе для сближенія съ народомъ. Но не во *всемъ*-же народъ невѣжественъ; въ самыхъ важныхъ отношеніяхъ—въ нравственномъ развитіи, въ знаніи природы и людей, въ силѣ пониманія—народъ нисколько не ниже насъ (скорѣе—выше). Для общенія съ народомъ—если есть для этого искреннее желаніе—существуетъ просторное поле. Народъ не знаетъ множества пустыхъ вещей, въ которыхъ мы свѣдущи,—народу странны и чужды наши суевѣрія, но истинно цѣнныя знанія наши отъ него не такъ далеки, какъ намъ кажется: Христосъ и апостолы находили-же о чемъ говорить съ грубыми рыбаками и блудницами. И чего стоитъ наше «образованіе», если оно способно только отдалять насъ отъ людей, вмѣсто того, чтобы сближать съ ними? Препятствіе для сближенія—разница въ знаніяхъ—есть, но неужели это препятствіе неустранимо, особенно для учителя? Неужели,

живя въ деревнѣ десять, пятнадцать лѣтъ подрядъ, нельзя нисколько-таки научить грамотѣ хоть немногихъ талантливыхъ, уже отъ природы жаждущихъ знанія сосѣднихъ крестьянъ? Нѣтъ нужды обучать всѣхъ, достаточно отобрать немногихъ, но способныхъ, выдающихся юношей. Друзей нельзя (какъ училъ еще Пиѳагоръ) заводить много, какъ не слѣдуетъ переселенцу въ степи сразу заводить огромную запашку. Но на немногихъ-то талантливыхъ крестьянъ у учителя должно-бы хватить силы; подкладывать ихъ рѣшительно ничего не стоитъ, разъ они грамотны· достаточно, какъ дрова въ зажженный огонь, подкладывать имъ хорошіе учебники и книги. Надо видѣть неутолимую жажду знанія въ едва-проснувшейся свѣжей деревенской душѣ! Она возникаетъ съ такою страстью, что если книги не похожи на кирпичи (какъ, къ сожалѣнію, это часто случается), крестьянинъ-юноша глотаетъ ихъ, какъ институтка любовные романы—въ каждую свободную и даже не свободную минуту. Если книги хоть сколько-нибудь талантливы и содержательны, вы видите воочію, какъ предъ вами совершается чудо, какъ въявь ростетъ душа варвара, какъ ширится его умственный горизонтъ. Въ три-четыре года изъ каждаго даровитаго крестьянскаго юноши можно сдѣлать достаточно образованнаго человѣка, пожалуи, еще съ большей зрѣлостью, нежели средній «окончившій» гимназистъ. Средній гимназистъ, неодаренный, равнодушный къ знанію пріобрѣтаетъ послѣднее насильственно, пользуясь всякимъ случаемъ, чтобы выбросить изъ души ненужный ему баластъ свѣдѣній,—тогда-какъ талантливыи крестьянскій юноша самъ хватаетъ знанія откуда только можетъ, порывисто, съ тѣмъ-же лихорадочнымъ напряженіемъ, съ какимъ сгребаетъ сѣно предъ надвигающейся тучей. Такой способный парень очень быстро нетолько дорастаетъ до учителя, но часто и перерастаетъ его, такъ-что захолустный интеллигентъ можетъ оказаться въ обществѣ нетолько равныхъ, но и высшихъ его по развитію обра-

зованныхъ людей. Развѣ это не счастье окружить себя такой душевной роскошью! Самообразованіе во всѣ времена было лучшимъ методомъ образованія, а вѣдь оно доступно и въ деревнѣ· недостаетъ только толчка, иниціативы. Неужели не стоитъ потрудиться даже для этого толчка? Вѣдь черезъ нѣсколько лѣтъ такого всегда пріятнаго труда нашъ хирѣющій отъ одиночества учитель имѣлъ-бы вокругъ себя тѣсный кружокъ друзей, нетолько сочувствующихъ ему во всѣхъ движеніяхъ умственной жизни, нетолько понимающихъ его, но и *благодарныхъ* ему, да еще какъ благодарныхъ! Какъ своему творцу, избавителю отъ вѣчнаго мрака! Трудно передать словами восторженное, почти религіозное благоговѣнье даровитаго человѣка къ учителю, впервые просвѣтившему его, открывшему завѣсу въ новыи, чудесныи міръ. Благодарность эта неизсякаемая и всегда радостная. Въ то время, какъ матеріальное благодѣяніе вызываетъ часто завистливую и горькую благодарность, переходящую иногда въ ненависть къ благодѣтелю,—признательность за духовное добро всегда сладка для того, кто ее чувствуетъ, почему онъ и не устаетъ благодарить своего просвѣтителя.

Неужели такія рѣдкія, никакими иными способами не пріобрѣтаемыя симпатіи не стоютъ труда, чтобы ихъ добыть? А учителю это такъ легко. Вѣдь его и призваніе — просвѣщать, его и долгъ въ этомъ. Онъ имѣетъ даже и готовое средство для созданія вокругъ себя образованнаго общества — школу. Ему не нужно искать матеріала для будущаго общества, этотъ матеріалъ самъ идетъ къ нему, и идетъ въ самомъ нѣжномъ, наиболѣе пригодномъ для внушенія возрастѣ, съ раннею свѣжестью души и чистотою ея. Наблюдая своихъ учениковъ и ученицъ втеченіе школьныхъ лѣтъ, учитель имѣетъ возможность выбрать изъ нихъ наиболѣе способныхъ и направить для дальнѣйшаго развитія. Онъ можетъ готовить себѣ нетолько будущихъ

собесѣдниковъ, товарищей, друзей, но даже и родныхъ: если онъ молодъ и не женатъ, онъ имѣетъ лучшую возможность найти себѣ жену, если старъ — невѣстъ для сыновей своихъ или жениховъ для дочерей. Развѣ эти великіе вопросы не требуютъ вниманія? И развѣ не стоитъ заняться ими съ усердіемъ культурнаго садовода?

Вы видите, что и живя въ деревнѣ нѣтъ нужды задыхаться отъ одиночества: стоитъ *захотѣть*—и «мертвый» міръ кругомъ васъ зацвѣтетъ и взыграетъ жизнью, именно тою жизнью, какая вамъ нужна. И то, что доступно сельскому учителю, неменѣе доступно средней руки помѣщику или любому осѣдлому интеллигенту; еще болѣе оно доступно священнику въ силу его призванія. Поразительно, до какой степени мы не умѣемъ пользоваться своими средствами, дочего привыкли мы искать разрѣшенія нашихъ нуждъ извнѣ, за тридевять земель. Если-бы захолустная интеллигенція попробовала привести въ дѣйствіе свои неподвижные умственные механизмы, она была-бы поражена массой плодотворнѣйшихъ результатовъ. Но, къ несчастію, образованіе и умъ въ головѣ интеллигента, застрявшаго въ глуши, лежатъ совершенно безъ употребленія, какъ хитрые англійскіе плуги и вѣялки въ сараѣ неумѣлаго помѣщика: машины есть, а пашутъ чуть не деревянною сохой И конечно, послѣдствія отъ такого «паханья» получаются первобытныя и плачевныя.

Я говорю здѣсь о пользѣ сближенія съ народомъ исключительно для самаго захолустнаго интеллигента; но и для народа болѣе современное, общечеловѣческое просвѣщеніе было-бы крайне полезно. Выросшая и остающаяся въ деревнѣ простонародная интеллигенція, не имѣющая сословнаго и профессіональнаго отчужденія отъ народнои массы—развѣ она не нужна народу? Нѣкоторые видѣли въ ней прямо спасеніе Россіи, хотя и невѣрно полагали, что такая интеллигенція можетъ создаться путемъ переселенія образованныхъ людей «на землю». Переселеніе изъ городовъ едва-ли возможно въ замѣтныхъ

размѣрахъ, и я думаю, если образуется народная интеллигенція, то лишь указаннымъ выше путемъ: она выростетъ изъ самого крестьянства, около школы или отдѣльныхъ просвѣтителей. Только такимъ путемъ возможенъ духовный расцвѣтъ народа,—и развѣ не счастье чувствовать себя доброю закваскои этого народнаго возрожденія?

IX.

Итакъ, даже въ дремучемъ деревенскомъ захолустьѣ есть возможность окружить себя друзьями, небольшимъ кругомъ существъ подобныхъ вамъ и созвучныхъ вашей душѣ. Я даже думаю, что въ деревнѣ это сдѣлать легче, нежели въ городѣ, и разъ устроенное общество въ глуши несравненно крѣпче, чѣмъ въ центрахъ. Въ деревнѣ вашимъ усиліямъ помогаетъ весь строй сельскои жизни, сближающій людей, — васъ сплачиваетъ съ людьми своего рода атмосферное давленіе. Въ городѣ вамъ приходится преодолѣвать противоположную, разъединяющую людей силу, о которои я писалъ выше. Въ городѣ люди являются уже законченными, выработавшимися, и ихъ, какъ взрослыя деревья, очень трудно пересаживать къ себѣ ближе, выпрямлять и прививать извѣстныя настроенія. Въ деревнѣ легко воспитать нужную вамъ породу людей, — въ городѣ при всеобщеи разсыпанности это трудно. Въ городскоіи сутолокѣ, какъ въ омутѣ, невозможна тихая и правильная душевная построика: ее безпрерывно размываетъ перекрестными теченіями или заноситъ мусоромъ. Юноша, имѣющій несчастіе расти въ городѣ, впитываетъ въ себя, вмѣстѣ съ нечистыми испареніями помоіныхъ ямъ, еще болѣе грязные психическіе миазмы—на бульварахъ, въ ресторанахъ, публичныхъ гуляньяхъ, въ уличной печати и т. п. Бороться со всѣми этими вліяніями трудно. Однако, если судьба послала вамъ печальный удѣлъ — жить въ городѣ, необходимо и

возможно составить себѣ хорошее общество и здѣсь. Только не слѣдуетъ предоставлять этотъ важнѣйшій вопросъ счастья слѣпому случаю, а нужно работать надъ нимъ сознательно и неутомимо.

При всѣхъ невыгодахъ городской жизни, въ ней есть и свои благопріятныя условія для выбора друзей. Въ столицахъ, по крайней мѣрѣ, процентъ талантливыхъ, выдающихся людей больше, чѣмъ въ деревнѣ. Но эти выдающіеся люди, скажете вы, недоступны,—вы хотѣли-бы съ ними познакомиться, да не можете: нужно цѣлыми годами ждать случая, что-бы васъ «представили», да и затѣмъ еще требуется много времени, чтобы сблизиться съ такимъ случайнымъ знакомымъ. Никто навязчивымъ быть не желаетъ и никто не любитъ чужой навязчивости. Все это правда, но это препятствіе, мнѣ кажется, одолимое. Частичка истины, заключающаяся въ этикетѣ, безобразно преувеличивается, и побѣдивъ въ себѣ ложную скромность (то униженіе, которое паче гордости), всегда можно подойти къ человѣку «прямо» и просить его знакомства. Дурные люди вамъ откажутъ въ немъ, но зачѣмъ-же вамъ идти къ дурнымъ людямъ? Ищите хорошихъ, убѣдитесь, что человѣкъ уменъ и добръ, и невѣроятно, чтобы онъ отказалъ вамъ во вниманіи, если вы ужь не слишкомъ грубо вторгнетесь въ его гнѣздо. Въ этомъ отношеніи замѣчательно ведутъ себя люди новаго христіанскаго движенія въ Европѣ. Отрѣшившись отъ преградъ происхожденія, званія, сословія, богатства, славы, признавъ въ себѣ высшее изъ званій—человѣческое достоинство, эти люди безъ всякихъ рекомендацій идутъ къ человѣку, съ которымъ ищутъ знакомства, все равно, будь это крестьянинъ или сенаторъ, свѣтская барышня или знаменитый писатель. Старые квакеры—тѣ еще послѣдовательнѣе, тѣ обращались со всѣми на «ты» какъ съ родными братьями, и не снимали шляпы даже предъ королями. Немножко этой возвышенной, патріархальной простоты не мѣшало-бы нашему окитаившемуся въ це-

ремоніяхъ обществу. Всѣ мы дѣти Великаго Отца, благословенные Имъ въ день зачатія; всѣ мы различаемся во второстепенныхъ и третьестепенныхъ отношеніяхъ, въ верховномъ-же санѣ мы равны, и никто не долженъ достоинство своего божественнаго происхожденія ставить ниже человѣческихъ жалкихъ отличій. Ничто такъ не мѣшаетъ счастью, какъ эти призрачныя условныя отличія, и всякая благородная душа должна быть свободна отъ нихъ. Надо имѣть *мужество* признать въ себѣ *человѣка*, родного брата всѣмъ людямъ, и тогда не трудно перешагнуть всѣ перегородки, отдѣляющія васъ отъ хорошихъ людей, которыхъ вы желаете имѣть друзьями.

Конечно, для великой задачи созданія вокругъ себя нужнаго общества—мало одного желанія, недостаточно мужества Необходимо еще имѣть въ себѣ достаточно *любви* къ людямъ. Чтобы сосредоточить вокругъ себя жизнь и радость, необходимо самому стать привлекательнымъ. Мало пойти къ людямъ и просить дружбы,—нужно, чтобы и людей тянуло къ вамъ, и чтобы у васъ всегда было что дать имъ. Нельзя брать что-нибудь, не давая. Поэтому основное условіе пересозданія общества—собственное пересозданіе. Будьте совершенны, и къ вамъ, какъ къ солнцу, потянется все живое. Человѣкъ возвышенный и свѣтлый духомъ—явленіе столь рѣдкое, столь прекрасное, что одинъ видъ его покоряетъ; какъ идущій въ толпѣ полубогъ, онъ всѣмъ замѣтенъ, и всѣ жаждутъ къ нему прикоснуться. Всякій рожденъ сыномъ Божіимъ и *можетъ* быть имъ, если захочетъ. Всякій можетъ сдѣлаться центромъ притяженія, а не отталкиванія, если только захочетъ быть добрымъ, благороднымъ, великодушнымъ. Вѣдь святымъ недаромъ молятся цѣлыя тысячелѣтія послѣ ихъ смерти· даже одинъ мыслимый образъ *настоящаго* человѣка имѣетъ непобѣдимое очарованіе.

Народъ.

I.

Я говорилъ о тоскѣ людей одинокихъ, покинутыхъ въ своей семьѣ или въ своемъ обществѣ. Но есть и другія тягостныя отчужденія, дѣлающія жизнь пустою и холодной: отчужденіе отъ великой семьи своего народа, своей цивилизаціи, отъ всемірной семьи Природы и Отца ея. Незамѣтно для себя вы, рожденные для глубокихъ и нѣжныхъ отношеній со всѣми этими родными существованьями, забиваетесь въ какія-то ущелья жизни, темныя и глухія норы, часто не подозрѣвая близкаго присутствія совсѣмъ иного, торжественнаго міра Божьяго... «Непомнящій родства»—самое горькое состояніе человѣка; оно внушаетъ ужасъ и недаромъ приравнивается къ преступленью.

Нѣтъ, часъ не пробилъ примиренья!
И снова бродимъ мы съ тѣхъ поръ
Безъ родины и безъ прощенья!

— говорилъ когда-то Некрасовъ о дворянствѣ. Потеря родства съ народомъ, разобщенность съ нимъ—историческое несчастье русскаго общества. Нигдѣ въ свѣтѣ нѣтъ интеллигенціи болѣе демократической по происхожденію и болѣе отошедшей отъ своего источника. На Западѣ или въ Китаѣ высшій классъ есть потомство завоевателей, особая раса, и тѣмъ не менѣе тамъ нѣтъ той культурной пропасти между народными верхами и низами, какъ у насъ. Тамъ культура слагалась въ самомъ народѣ, постепенно, органически и втеченіе вѣковъ

сближала всѣ слои въ одно цѣлое, создавала одну *общую* душу, у насъ-же высшіи слои при Петрѣ I былъ внезапно оторванъ отъ народа, и ему была привита чужая, иноземная душа—чахлая и хворая, какъ все искусственно привитое къ живому тѣлу. Что значитъ *родство* съ своимъ народомъ—русскіе образованные люди лишь смутно догадываются, а иные не имѣютъ объ этомъ и понятія. Слово «патріотизмъ» у насъ звучитъ фальшиво; слово «отечество», «отечественный», «русскіи обычаи» и т. п. произносятся чаще всего иронически. Заслуживаетъ этого отечество или нѣтъ, во всякомъ случаѣ эта холодность къ нему—несчастье. Только война, пробуждающая, помимо любви къ родинѣ, много азартныхъ чувствъ, въ состояніи расшевелить нашъ патріотизмъ. Въ массѣ интеллигенціи преобладаетъ недовольство своей страной, иногда горячее, но чаще равнодушное, а иногда даже презрительное. Похвалить что-нибудь свое, русское, у образованнаго русскаго человѣка языкъ не поворачивается; это ему кажется измѣной чему-то высшему и болѣе дорогому. Намъ какъ-будто нечѣмъ гордиться, нечѣмъ похвастаться передъ сосѣдями; родное, «наше» кажется такимъ жалкимъ передъ тѣмъ, чѣмъ владѣетъ Европа, «страна святыхъ чудесъ». И это, я думаю, не отъ дѣйствительной нашей духовной бѣдности. Возьмите, напримѣръ, Болгарію, Румынію, Венгрію, даже какую-нибудь Арменію — эти крошечныя страны вложили въ «сокровищницу цивилизаціи», конечно, не больше Россіи,—однако поговорите-ка съ болгариномъ, румыномъ, армяниномъ объ ихъ родинѣ. Какое-то святое безуміе охватываетъ вашего собесѣдника, онъ преображается, онъ горитъ на вашихъ глазахъ. Все, все рѣшительно въ Арменіи прекрасно: земля, языкъ, народъ, вѣра, исторія. Какой-нибудь Теръ-Абрамянцъ въ Эрзерумѣ оказывается великимъ поэтомъ, равнымъ Шекспиру, или великимъ политическимъ дѣятелемъ, до котораго куда Гамбеттѣ или Гладстону. Н. С. Лѣсковъ разсказывалъ мнѣ, какъ однажды онъ бесѣдовалъ съ однимъ чехомъ.

«Скажите пожалуйста, есть-ли въ Чехіи такіе поэты какъ, напримѣръ, у насъ Пушкинъ, Лермонтовъ?» Чехъ, не моргнувъ глазомъ, отвѣчаетъ—«О, мнуство» (множество). — «Ну, а музыканты вродѣ Глинки?» Чехъ не задумывается «Такіе какъ Глинка? О, мнуство». Убѣжденіе, что ихъ родина — больше чудо среди народовъ, до такой степени вѣрю я въ эти народины, что превратилось въ спокойное, естественное состояніе. Куда-бы ни забросила судьба венгра, армянина, грека, они всюду носятъ въ своемъ сердцѣ дорогія картины милой родины, они видятъ сны о ней, они грезятъ ею наяву. Помните разговоръ Инсарова съ Еленой «Вы сейчасъ спрашивали, люблю-ли я свою родину? говоритъ Инсаровъ.—Что-же другое можно любить на землѣ? Что одно неизмѣнно, но что выше всѣхъ сомнѣній, чему нельзя не вѣрить послѣ Бога? И когда эта родина нуждается въ тебѣ.. Замѣтьте: послѣдній мужикъ, послѣдній нищій въ Болгаріи и я,—мы желаемъ одного и того-же. У всѣхъ у насъ общая цѣль. Поймите, какую это даетъ увѣренность и крѣпость». Вотъ этой-то *вѣры* въ свой народъ «выше всѣхъ сомнѣній», этой «увѣренности и крѣпости» русское общество и не знаетъ. И не только у маленькихъ народовъ,—не менѣе проченъ этотъ мирный патріотизмъ у французовъ, нѣмцевъ, англичанъ, даже американцевъ, несмотря на кровное ихъ племя и языковъ. Не чуждъ этотъ мирный патріотизмъ и нашему простому народу и близкимъ къ народу слоямъ, хотя въ послѣднюю четверть вѣка въ деревнѣ и совершается какой-то недобрый психическій переворотъ. Народъ нашъ, при всей его забитости и нищенствѣ, смотритъ на себя все-же съ несравненно большей гордостью, нежели интеллигенція на себя. Народъ еще не совсѣмъ извѣрился въ себѣ, не считаетъ себя хуже нѣмцевъ, англичанъ, французовъ,—скорѣе наоборотъ, склоненъ подтрунить надъ ними, тогда-какъ интеллигенція русская считаетъ и *не можетъ не считать* себя хуже западныхъ интеллигенціи, а народъ свой—хуже

западныхъ народовъ Сознавать это—большое несчастіе, хотя въ немъ интеллигенція русская не совсѣмъ виновна. Она не добровольно разобщилась съ народомъ, не умышленно оторвалась отъ его сердца

II

Отчужденіе высшаго класса отъ народа — продуктъ новѣйшаго, петербургскаго періода и особенно послѣдняго столѣтія. Въ прежніе вѣка хотя дворянство и было строго замкнуто въ своихъ преимуществахъ, но духовный складъ его былъ совершенно народный. Бояре вѣрили одинаково искренно, какъ и чернь, въ того-же Господа и его святыхъ, одинаково молились, чтили тѣ-же праздники, посты, обряды и уставы, вѣрили одинаково и въ сотвореніе міра, и въ конецъ его: у бояръ и смердовъ былъ тотъ-же Потопъ въ прошломъ, тотъ-же Страшный Судъ въ будущемъ, бояре говорили тѣмъ-же самымъ языкомъ, какъ и крестьяне, носили ту-же одежду (только побогаче), ѣли ту-же пищу и пили тѣ-же напитки (только пообильнѣе), пѣли тѣ-же пѣсни, слушали тѣ-же сказки и былины, вѣрили одинаково въ домовыхъ, лѣшихъ, оборотней, въ заговоры и примѣты. И суевѣрія, и *знанія* были одни и тѣ-же, какъ практическія, такъ и книжныя, — наконецъ, было одно и то-же политическое міросозерцаніе. Даже въ своемъ жизненномъ трудѣ дворянство имѣло съ народомъ много общаго. Огромное большинство дворянъ сидѣло по помѣстьямъ и вотчинамъ; будучи скудно одѣлено землею (щедрая раздача земель и крестьянъ относится къ петербургскому періоду, къ концу XVIII-го столѣтія), оно вынуждено было нетолько вникать въ хозяйство, но и самолично браться за соху, какъ это и теперь водится въ заглохшихъ углахъ Бѣлоруссіи. Живя въ деревнѣ безвыѣздно, ожидая «третьяго указа», чтобы явиться когда нужно на службу, дворяне прежняго времени были тѣ-же въ сущности крестьяне, только болѣе

зажиточные и власные. Поэтому, пріѣзжая ко двору, выдвигаясь въ знать, они несли съ собою стихію народности, они являлись хотя и не выборными, но вѣрными представителями народа; если-бы они и хотѣли, они не могли-бы думать и говорить иначе, чѣмъ думалъ и говорилъ народъ. Этою *простонародною* стихіей строилось государство въ самыя тяжкія времена; великое чиновничье «средостѣніе» установилось не раньше, чѣмъ забрала силу табель о рангахъ, т.-е. къ концу прошлаго и началу нынѣшняго вѣка. Постоянный притокъ хотя и варварскаго и во многомъ темнаго народнаго міросозерцанія освѣжалъ верхи общества доподлинной народной волей, народнымъ здравымъ пониманіемъ дѣйствительности и коренныхъ нуждъ, онъ соединялъ эти верхи и роднилъ ихъ съ землею. И у городовъ, и у деревень была одна культура Все, чѣмъ жилъ тогдашній человѣкъ въ городѣ, — было деревенское; города были тѣми-же, только болѣе крупными, деревнями, гдѣ держалась та-же простота, просторъ, и первобытность, какъ и въ деревняхъ. Горожане имѣли свои сады, огороды, выгоны, поля, усадьбы, они ходили въ лѣсъ за ягодами и грибами, водили на улицахъ хороводы, ѣздили ловить рыбу, катались со снѣговыхъ горъ и пр. и пр. Вся обстановка быта и этикетъ жизни были тѣми-же, какъ у ближняго боярина, такъ и у простого мужика: все было *общенародно*. Родиться въ столь дружной, тѣсно-сжившейся средѣ, чувствовать себя кровнымъ членомъ огромной народной семьи—представляетъ большое счастье. Его можно не замѣчать, какъ здоровье,— но лишеніе его, какъ болѣзнь, сразу даетъ чувствовать цѣну того незамѣнимаго блага, когда можешь сказать съ поэтомъ:

Я иду съ народомъ въ храмъ
И съ нимъ молюсь однимъ богамъ.

Нынѣшняя русская интеллигенція сказать этого уже не можетъ, и даже не одна интеллигенція, а и всѣ подъинтеллигентные слои: мелкое чиновничество, духовенство,

полу-образованное купечество, разночинцы всѣхъ сословій, тяготѣющіе къ образованному быту. Насильственное и искусственное введеніе западной культуры со временъ Петра I-го внесло и продолжаетъ вносить печальнѣйшее разстроиство въ народную душу. Этотъ крутой переворотъ принесъ нѣкоторую одностороннюю пользу (безмѣрно преувеличиваемую), но въ то-же время психически расчленилъ Россію, создалъ чуждые другъ другу и органически враждебные классы, враждебныя культуры и міросозерцанія. Онъ порвалъ тѣ пути, по которымъ народная стихія проникла въ правящіе классы. Только этимъ и объясняется совершенный упадокъ стариннаго самоуправленія и участія земли въ дѣлахъ государственныхъ, пышный расцвѣтъ крѣпостничества и бюрократизма въ петербургскій періодъ и такія явленія, какъ бироновщина и аракчеевшина. До тѣхъ поръ, пока дворянство составляло лишь высшій слой крестьянства, порабощеніе народное не могло забрать силы, несмотря на все московское «варварство». Русскіе историки не безъ удивленія замѣчаютъ, что старые новгородскіе и даже московскіе строи въ самыхъ существенныхъ отношеніяхъ были впереди послѣдующаго и стояли почти на уровнѣ государственной жизни тогдашняго Запада. Бояре и воеводы въ старину, насквозь проникнутые народными воззрѣніями, инстинктивно отстаивали извѣстныя начала, отнюдь, конечно, не подозрѣвая, что эти начала потомъ назовутъ либеральными. Съ отчужденіемъ отъ народа дворянства, оно постепенно начало позабывать нравы, обычаи, преданія, одежду, пищу, пѣсни, суевѣрія, народную вѣру, народное знаніе и даже самый языкъ; высшій классъ то онѣмечивался, то офранцуживался, пока не выработался какой-то средній типъ «русскаго европейца», представляющій какъ-бы особую національность — родственную (какъ, напримѣръ, поляки, чехи) русскому народу, но и значительно отчужденную.

III

Въ самомъ дѣлѣ, русскій образованный человѣкъ—настоящій иностранецъ у себя дома. Онъ не связанъ съ своею родиной тѣмъ, что соединяло нѣкогда съ нею ея «лучшихъ людей»—единствомъ культуры и политической жизни Современный русскій «интеллигентъ» одѣвается какъ французъ, ѣстъ какъ англичанинъ, поетъ какъ итальянецъ, думаетъ и чувствуетъ какъ эти иноземцы, взятые вмѣстѣ. *Своими* онъ считаетъ бытъ и нравы далекаго Запада; вальсъ и кадриль, народные танцы французовъ—для него родные танцы, тогда-какъ хороводъ для него—нѣчто чужое, вродѣ качучу. Послѣдніе романъ Зола, Бурже, Додэ—для него необходимыя книги, тогда-какъ Четьи-Минеи онъ и въ глаза не видалъ. Чуть повѣетъ весной, русскаго интеллигента тянетъ заграницу—«отдохнуть», поразвлечься, побыть немножко «дома». Заграницей онъ чувствуетъ себя во многихъ отношеніяхъ больше «дома», нежели въ Россіи. Вѣдь даже тѣ русскіе, которые никогда заграницу не ѣздятъ, живутъ больше иностранною жизнью, нежели домашнею. Поглядите на русскія газеты три-четверти содержанія ихъ заимствовано изъ иностранныхъ источниковъ, обширныя статьи изодня въ день обсуждаютъ политическія дѣла Запада; перепечатываются парламентскія рѣчи, описывается закулисная борьба, даются характеристики и портреты дѣятелей, даже второстепенныхъ, и вся читающая Россія изо-дня въ день держится въ кругу чужихъ вопросовъ, толкуетъ о нихъ и разсуждаетъ, такъ-что они и въ самомъ дѣлѣ становятся *своими* интересами. А много-ли мѣста удѣляется русскимъ политическимъ вопросамъ? И главное, большой-ли интересъ представляетъ то, что о нихъ трактуется? Сухіе канцелярскіе доклады, запоздалыя разсужденія о томъ, что уже совершилось и на что повліять уже нельзя, «намеки тонкіе на то, чего не вѣдаетъ никто».. Даже при искреннемъ желаніи быть полезнымъ

своей странѣ, при развитіи литературныхъ дарованій, русская политическая печать всетаки ничтожна, она представляетъ собою голосъ, очень робко и фальшиво «вопіющій въ пустынѣ». мнѣніе департаментскаго столоначальника значитъ гораздо больше, нежели статья талантливаго публициста. Зная это и памятуя многое другое публицистъ гораздо охотнѣе толкуетъ объ ирландскомъ вопросѣ и о замыслахъ Бисмарка, нежели о причинахъ неурожая. Картину панамскаго процесса онъ рисуетъ самыми яркими красками, не опуская ни малѣйшей характерной черточки, тогда какъ ближайшіе предметы ему приходится изображать въ туманныхъ силуетахъ съ ощущеніемъ именно всего характернаго. Немудрено, что русскій образованный человѣкъ такъ невѣжественъ въ родной политической жизни, онъ имѣетъ о ней извращенныя представленія; самыя дорогія свѣдѣнія доходятъ до него въ видѣ чудовищныхъ сплетенъ, залетающихъ въ провинціальные углы черезъ двадцатыя руки изъ петербургскихъ передднихъ и гостинныхъ. Тѣ общественные центры, гдѣ кипитъ рѣшающая работа, гдѣ вершатся судьбы отечества, не соединены съ сознаніемъ общества никакою связью, никакимъ, даже невидимымъ тяготѣніемъ. свѣтъ изъ этихъ центровъ, какъ отъ отдаленныхъ звѣздъ, доходитъ лишь послѣ многихъ лѣтъ до публики, въ видѣ безтрепетнаго, холоднаго луча: на звѣздѣ кипитъ уже иная жизнь, она горитъ уже инымъ пламенемъ, она меркнетъ или разгорается, но это увидитъ только наше потомство. Какъ мы живемъ теперь, мы узнаемъ изъ «Русской старины» лѣтъ черезъ пятьдесятъ, не раньше . Оттого намъ западная и даже восточная жизнь ближе, нежели собственная. Въ то время какъ, напримѣръ, «Правительственный Вѣстникъ» печатаетъ подробныя и интересныя корреспонденціи изъ Японіи, рисующія ходъ новой государственной жизни, ни одна русская газета ни однимъ словомъ необмолвится о томъ, что говорится въ величественномъ зданіи у Синяго моста: до публики доходятъ лишь край-

кія резолюціи и ни малѣйшихъ мотивовъ къ нимъ. Печать можетъ, конечно, post factum, соглашаться съ резолюціями, одобрять ихъ, но сколько-нибудь всесторонній анализъ ихъ возможенъ лишь въ министерскихъ комиссіяхъ, облеченныхъ глубокой таинои. Печать, поэтому, у насъ не можетъ сближать интеллигенцію съ самою сокровенною, самою интимною жизнью страны— съ ея государственнымъ творчествомъ. Школа? Но наша школа не въ состояніи даже подготовлять къ пониманію государственной жизни. Она съ юныхъ лѣтъ знакомитъ русскаго интеллигента не съ роднымъ народомъ, а съ жизнью дальнихъ и даже исчезнувшихъ народовъ, составляющихъ *подпочву* Запада; въ школѣ гораздо больше времени тратится на изученіе четырехъ западныхъ языковъ, западныхъ исторіи и географіи, нежели на изученіе тѣхъ-же русскихъ курсовъ. Да если-бы школа и давала подготовку къ пониманію русской жизни — развѣ этого достаточно? Для интереса къ этой жизни, необходимо еще хоть нѣкоторое *участіе* въ ней, въ ея теперешней, текущей минутѣ,—участіе въ основныхъ, всеобщихъ явленіяхъ. Русскій-же образованный человѣкъ имѣетъ возможность раздѣлять только незначительные, мелочные интересы вокругъ себя,—лишь въ нихъ онъ призванъ участвовать. Поэтому интеллигентъ стремится заграницу, справедливо разсуждая, что онъ тамъ точно такой-же гражданинъ, какъ и дома. «Право платить налоги мнѣ будетъ предоставлено и во Франціи, и еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ на родинѣ, точно такъ-же какъ и право быть наказаннымъ за преступленіе, если я его совершу». Собственно къ участію въ государственной жизни Запада русскій человѣкъ, какъ сказано выше, уже дома подготовленъ. онъ знаетъ ходъ дѣлъ въ парламентѣ какъ французъ и, пользуясь свободою слова, можетъ, если захочетъ, подавать въ печати свое мнѣніе, разъяснять, убѣждать и пр

IV.

Вольная и невольная отчужденность русской интеллигенціи отъ народа дѣлаетъ ее самою бродячею изъ всѣхъ на свѣтѣ· англичане обыкновенно, путешествуютъ, нѣмцы—переселяются; тѣ и другіе устраиваютъ себѣ маленькую родину гдѣ-бы ни поселились,—русскіе-же *бродятъ* по Европѣ, какъ герои «Дыма», безъ всякой опредѣленной цѣли. И англичанина, и нѣмца, куда-бы они ни заѣхали, не покидаетъ сознаніе своей національности, память о родномъ, прекрасномъ мірѣ, гдѣ только и можно быть вполнѣ англичаниномъ или вполнѣ нѣмцемъ. И тотъ и другой заграницею теряютъ драгоцѣнное право на связь съ судьбами родины и безъ основательной причины не уѣдутъ изъ дому. Русскій-же человѣкъ одинаково далекъ отъ родины дома, какъ и заграницей; уѣхавъ изъ дому, онъ, не теряя правъ, освобождается отъ многихъ обязанностей—не мудрено, что его тянетъ заграницу. Абсентеизмъ помѣщиковъ послѣ крестьянской реформы принялъ страшные размѣры. Съ 1857 по 1877 годъ не вернулось въ Россію болѣе 450,000 русскихъ подданныхъ, ежегодно среднимъ числомъ проживаетъ заграницей свыше 100,000 русскихъ, тратящихъ по самой меньшей мѣрѣ ежегодно 47 милліоновъ руб., и около 60,000 лицъ вновь ежегодно отправляются туда. Таково бродяжничество русской интеллигенціи. Пока еще въ зачаткѣ, но обнаруживается и другое характерное явленіе. захватъ Европою лучшей части русской интеллигенціи. Выдающіеся наши профессора, художники, врачи, артисты начинаютъ получать приглашенія заграницу. Не мало даровитой молодежи русской, юношей и дѣвицъ, обучающихся въ иностранныхъ университетахъ, навсегда остаются заграницей, находя болѣе благодарную почву для приложенія таланта. Жестокая конкурренція, давящая на Западѣ все посредственное, чрезвычаино благопріятствуетъ истиннымъ талантамъ, интеллигентный трудъ тамъ имѣетъ огромный спросъ и опла-

чивается съ щедростью, въ Россіи невозможной. У насъ даже весьма даровитые и заслуженные поэты, на склонѣ лѣтъ, принуждены *служить*, чтобы существовать. «Поэзія меня не прокормила-бы, говорилъ мнѣ Я. П. Полонскій,—это не то что Теннисонъ, которому письма ежедневно носились корзинами отъ поклонниковъ, который бывалъ буквально засыпанъ подарками. Тотъ напишетъ небольшую поэму, — глядишь — имѣніе, черкнетъ балладу—каменный домъ». На Западѣ талантливый литераторъ, артистъ, техникъ, врачъ и проч. въ короткій срокъ наживаютъ себѣ громадныя состоянія, и нѣтъ сомнѣнія, что въ обмѣнъ на бездарностей, которыхъ часто шлетъ къ намъ Западъ и которыя рады и нашимъ нищенскимъ гонорарамъ, намъ придется терять скоро талантливѣйшихъ своихъ дѣятелей, захваченныхъ «міровымъ рынкомъ». Ubi bene, ibi patria.

Если отборная русская интеллигенція тяготѣетъ къ Западу, какъ къ духовной родинѣ и лучшему рынку для приложенія всякаго труда, то интеллигенція средняя стремится къ домашней Европѣ—къ городамъ, къ казеннымъ окладамъ. Крупное дворянство, какъ описываетъ князь Васильчиковъ (въ «Землевладѣніи»), еще при Александрѣ I-мъ эмигрировало ко двору, среднее—ушло на службу. Мелкое-же дворянство особенно хлынуло въ города послѣ отмѣны крѣпостного права. Всѣ тогда бросились на службу, государственную и частную: никогда еще чиновничество не размножалось такъ сильно, какъ въ послѣдующую эпоху; кромѣ бюрократіи казенной, образовалась вольная, цѣлая армія канцеляристовъ банковыхъ, желѣзнодорожныхъ, фабричныхъ и т. п. Увеличеніе нашихъ военныхъ силъ, покореніе новыхъ и укрѣпленіе старыхъ окраинъ потребовало массу чиновниковъ и втянуло въ себя свободный помѣстный классъ, превративъ его изъ сословія сельскихъ хозяевъ въ сословіе служащихъ по найму. Переселившись въ города и мѣстечки, интеллигенція окончательно оторвалась отъ деревенскихъ

гнѣздъ, вышла изъ народной стихіи и потеряла остатки кровной связи съ народомъ. Съ раскрѣпощеніемъ крестьянъ была разорвана хотя и безобразная, но вѣковая *политическая* связь народа съ высшими классами; всадникъ сброшенъ съ коня, оба свободны, но оба уже чужды и не нужны другъ другу. Крѣпостное рабство должно было исчезнуть, но на мѣсто дурного связывавшаго начала нужно было-бы создать хорошее, выгодное для обѣихъ сторонъ; слѣдовало выработать новую форму живого сотрудничества и взаимнаго проникновенія сословій, дабы въ государствѣ былъ одинъ народъ, а не два, одна общая душа, а не двѣ.

Если до-реформенное дворянство, воспитанное въ европейской культурѣ, уже рѣзко отодвинулось отъ народа, то все еще, живя подолгу въ деревнѣ, среди природы и крестьянъ, оно не совсѣмъ теряло свою народность, оно еще понимало народъ и посвоему стояло за него: всѣ горячіе поборники освобожденія выросли въ деревнѣ. Но послѣ реформы, съ переселеніемъ дворянъ въ города, интеллигенція окончательно отошла отъ деревни. Новѣйшія поколѣнія уже рождены въ городахъ; они пріобрѣли свое сознаніе не въ тишинѣ природы, а среди шума мостовыхъ, они вспоены не свѣжей атмосферой лѣсовъ и полей, а смрадомъ многоэтажныхъ домовъ и узкихъ улицъ. Молодыя образованныя поколѣнія, вступающія въ жизнь, уже не росли, какъ это бывало прежде, вмѣстѣ съ народною молодежью на груди общей матери — природы, они не видѣли мужика, не переживали его будничныхъ заботъ и радостей, не знаютъ его труда; мужикъ имъ почти столь-же чуждъ, какъ представитель какого-нибудь рѣдкостнаго народа въ Азіи. Можетъ быть поэтому-то молодежь конца XIX вѣка такъ грустно отличается отъ предшествующихъ, одушевленныхъ и вѣрующихъ поколѣній; можетъ быть въ силу этой полной разобщенности съ народомъ и возобладалъ среди юношества холодный эгоизмъ, карьеризмъ и презрѣніе къ низшимъ классамъ—

качества вполнѣ созрѣвшей бюрократіи. Нынѣшнія молодыя поколѣнія усиленнѣе чѣмъ когда-либо стремятся къ центрамъ власти, но они уже не повлекутъ туда народную стихію; они понесутъ съ собою исключительно свои аппетиты, свое совершенное невѣжество въ народной жизни и полное непониманіе народа, они понесутъ къ верхамъ равнодушіе и пренебреженіе къ своей націи. Высшая школа ничуть не спасаетъ отъ этого пренебреженія: вспомните протопоповское дѣло, гдѣ только-что соскочившій съ университетской скамьи кандидатъ правъ окровавливалъ себѣ руки о «морды» крестьянъ.

V.

«Не всѣ-же, однако, образованные люди сбѣжали въ города, скажетъ читатель: есть-же еще помѣщики въ усадьбахъ, есть служащіе въ земствѣ, учителя, врачи, акцизные и пр.». Есть, это правда, — но ихъ немного и они обыкновенно не вліяютъ своимъ знаніемъ народа на правящіе классы. Да и эти люди далеко не всегда знаютъ и любятъ народъ. «Я встрѣчалъ, говоритъ покойный Энгельгардтъ (въ «Письмахъ изъ деревни»), помѣщиковъ — про барынь уже и не говорю, — которые лѣтъ двадцать живутъ въ деревнѣ, а о бытѣ крестьянъ, о ихъ нравахъ, обычаяхъ, положеніи, нуждахъ никакого понятія не имѣютъ: болѣе скажу, — я встрѣтилъ, можетъ быть, всего только трехъ человѣкъ, которые понимаютъ, что говорятъ крестьяне, и которые говорятъ такъ, что крестьяне ихъ понимаютъ... Сидишь у какого-нибудь богатаго помѣщика, давно уже живущаго въ деревнѣ, разговоръ касается мужицкаго дѣла и быта.. и вдругъ слышишь такія несообразности, такія недѣйствительныя представленія о народѣ, его жизни, что удивляешься только... точно эти люди живутъ не на землѣ, а въ воздухѣ».

Это незнаніе народа—плодъ пренебреженія къ нему—

отразилось и въ нашей литературѣ; очень долгое время писатели-помѣщики изображали русскихъ мужиковъ сентиментальными пейзанами, говорящими языкомъ Бернарденъ де-Сенъ-Пьера, и нуженъ былъ геній Пушкина, Тургенева, Л. Толстого, чтобы вывести на свѣтъ настоящую народную душу. До Савельича, Хоря и Калиныча, до Платона Каратаева мужика не знали, хотя цѣлыми поколѣніями жили на тѣлѣ этихъ самыхъ Савельичей и Каратаевыхъ. Даже не выѣзжая изъ деревни, русскіе образованные люди ухитряются эмигрировать изъ нея. Они закупориваются въ усадьбѣ, окружаютъ себя атмосферою чванства и невниманія къ крестьянамъ, окаменѣваютъ въ позѣ идоловъ, стоящихъ превыше всѣхъ волненій міра, идоловъ глухонѣмыхъ, величественныхъ и праздныхъ. Такіе полубоги, погруженные въ самый водоворотъ деревенской жизни, остаются мертвыми тѣлами, которыя живая среда старается вытѣснить. На пренебреженіе интеллигенціи народъ отвѣчаетъ суровымъ недовѣріемъ, которое, накопляясь вѣками, становится безотчетнымъ. Въ деревнѣ жить тяжело даже тѣмъ отдѣльнымъ образованнымъ людямъ, которые искренно расположены къ народу и желали-бы сойтись съ нимъ. Тотъ-же Энгельгардтъ пишетъ: «Живя въ деревнѣ, хозяничая, находясь въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ мужику, вы постоянно чувствуете это затаенное чувство, и вотъ это-то дѣлаетъ деревенскую жизнь тяжелою до крайности... Согласитесь, что тяжело жить среди общества, всѣ члены котораго если не къ вамъ лично, то къ вамъ, какъ къ пану, относятся непріязненно». Съ поразительною яркостью та-же непріязнь отмѣчена Достоевскимъ въ «Запискахъ изъ Мертваго Дома»: несмотря на всѣ старанія автора этихъ записокъ сойтись со своими товарищами-каторжниками они отвѣчали ему холодною враждою и злорадствомъ. То-же недовѣріе отмѣчено въ «Казакахъ» Л. Н. Толстого, у Глѣба Успенскаго во множествѣ мѣстъ и т. д. Но съ особенною болью и горечью почувствовало образованное.

общество это холодное недовѣріе народное въ великій голодъ 1891 года и холеру. Образованные люди съ опасностью жизни ѣхали кормить и лѣчить народъ, открывали народу горячія объятія—и встрѣчали часто опасливую холодность, а иногда и враждебность. Я говорилъ въ другой книгѣ (см. «Народные заступники»), о невыносимой тоскѣ житья въ деревнѣ среди презираемаго народа, о томъ, какъ эта отвергнутая стихія вытѣсняетъ образованныхъ людей даже изъ райской обстановки душитъ ихъ одиночествомъ необитаемаго острова. И въ безконечныхъ жалобахъ помѣщиковъ, пишущихъ въ газетахъ о томъ, что въ деревнѣ жить нельзя, что народъ не только не почитаетъ дворянъ и не любитъ ихъ, но старается извести ихъ, сжечь усадьбы, разорить,—въ этихъ иногда чудовищныхъ вопляхъ есть одна печальная правда—правда о душевной розни интеллигенціи съ народомъ, о взаимномъ недовѣріи и презрѣніи, *о потерѣ родства* между ними. Неужели возможно счастье, когда чувствуешь этотъ океанъ вражды? Нѣтъ, читатель,—какъ-бы вы ни устроились прекрасно въ своей семьѣ, среди друзей, но если вы совѣстливы и чутки—васъ будетъ мучить этотъ вѣчный холодъ народный, какъ зимняя стужа тяготитъ даже тѣхъ, кто прячется отъ нея въ натопленныхъ комнатахъ. Тепличное существованіе несносно Живой душѣ хочется благодатнаго *климата* любви, родственной атмосферы, чего не даетъ кружокъ друзей и что можетъ дать лишь большой человѣческій міръ, вамъ сочувственный. Безумцы тѣ, кто мечтаетъ о новомъ крѣпостномъ правѣ, хотя-бы «безъ тѣлеснаго наказанія»! Что-же это было-бы за счастье? Если не тѣлесное наказаніе, то тѣлесное *насиліе* неизбѣжно, а на насиліе все живое отвѣчаетъ проклятіемъ. Жить въ атмосферѣ проклятій... Вдыхать въ себя ежеминутно народную ненависть...

VI.

Какъ найти потерянное родство съ народомъ? Какъ изъ иностранцевъ русской земли превратиться въ ея туземцевъ? Я думаю, что это хоть и трудно, но возможно Для этого нужно поступать такъ, какъ вы дѣлали-бы гдѣ-нибудь въ Германіи, если-бы хотѣли натурализоваться. Вы вышли-бы изъ русской колоніи, гдѣ жили, поселились-бы среди нѣмцевъ, приняли-бы ихъ языкъ, вѣру, нравы, привычки, политическія обязанности и права. Только тогда нѣмцы признали-бы васъ за своего. То-же самое нужно сдѣлать, если мы хотимъ породниться съ своимъ народомъ: нужно возвратиться въ его среду, переѣхать въ деревню, войти въ нормы его быта, труда, настроеній, идеаловъ Нужно онародиться, стать въ условія жизненнаго равенства съ мужикомъ Я убѣжденъ, что для этого вовсе не нужно терять своей образованности, а необходимо сохранить ее, и вовсе не нужно погружаться въ мракъ и грязь· нужно только свое хорошее приложить къ народному хорошему. Вѣдь и для того, чтобы сдѣлаться нѣмцемъ, нѣтъ нужды пріобрѣтать дурныя нѣмецкія привычки, заражаться шовинизмомъ, пить до одури пиво и т. п. Только хорошее истинно національно и его достаточно во всякомъ народѣ,—и въ нашемъ. Образованные люди думаютъ, будто ихъ отдѣляетъ отъ простонародья образованіе, такъ что слиться съ народомъ будто-бы нельзя, не потерявъ «человѣческаго образа». Это грубое заблужденіе. Если образованіе истинное (а не новое суевѣріе), оно можетъ только соединять людей, а не раздѣлять, приблизившись къ народу, вы увидите, что и онъ, кромѣ невѣжества, обладаетъ истиннымъ образованіемъ,—и въ степени иногда удивительной! Вы встрѣтите здѣсь утонченную культуру души, характера, ума, воображенія, богатую неписанную литературу, богатую музыку, прекрасно разработанный языкъ, который не могъ-бы быть у необразованнаго народа, вродѣ дикарей, довольствующихся тремя

десятками словъ Вы встрѣтите массу точнѣйшихъ знаній, заимствованныхъ изъ наблюденія природы, знаній иногда древнихъ, облеченныхъ въ іероглифы суевѣрій, ключъ къ которымъ потерянъ. Конечно, вы встрѣтите въ народѣ и совершенное незнакомство съ вашей европейской культурой, но вѣдь и вы—круглый невѣжда въ его народной культурѣ, вѣдь и вы богаты своими суевѣріями и іероглифами знаніи Въ общеніи съ народомъ, однако, вы сейчасъ-же увидите, что ваши самыя дорогія *безспорныя* истины, истины нравственныя, народу понятны и даже суть какъ-бы *его* безспорныя истины, вы увидите, что все великое, благородное, святое, вѣчное народъ только слегка какъ-бы запамятовалъ, но сейчасъ-же, при малѣйшемъ намекѣ, припоминаетъ во всей ясности и часто яснѣе васъ самихъ.

— Но народъ думаетъ, что земля держится на трехъ китахъ...—возражаютъ обыкновенно образованные люди. Ахъ ужъ эти три кита! Вовсе народъ не *думаетъ* о нелѣпыхъ китахъ,—обыкновенно, онъ ничего не думаетъ о томъ, чего не знаетъ, а лишь отдѣльныя, пылкія головы, поэты среди мужиковъ, какъ и въ нашемъ обществѣ, создаютъ образныя, символическія объясненія, ни для кого не обязательныя. «*Говорятъ*, что есть три кита»—вотъ въ какой, всегда неувѣренной, скептической формѣ мужикъ передаетъ вамъ эту легенду, но онъ тотчасъ-же съ удовольствіемъ уступитъ вамъ всѣхъ трехъ китовъ, если вы предложите ему болѣе разумное объясненіе. Надо прибавить, что отдѣльныя суевѣрія не мѣшаютъ общей высокой интеллигентности какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и народа: древніе эллины были суевѣрны не менѣе нашихъ крестьянъ, а это былъ народъ богоподобный по духовному развитію. Аристотель вѣрилъ, что лягушки рождаются изъ грязи. Декартъ думалъ, что въ сердцѣ у человѣка огонь Ньютонъ былъ убѣжденъ, что свѣтъ происходитъ отъ попаданія солнечной матеріи въ наши глаза. Кеплеръ думалъ, что земля есть исполинское животное изъ

породы ракообразныхъ и т. д. Былъ-ли хоть одинъ великій умъ совсѣмъ свободенъ отъ ошибокъ? И народъ отъ нихъ несвободенъ, что не мѣшаетъ ему въ самыхъ серьезныхъ отношеніяхъ быть образованнымъ и интеллигентнымъ. Мы этого не видимъ потому, что мы иностранцы, не понимающіе часто даже языка народа. Вовсе не народное невѣжество отдѣляетъ интеллигенцію отъ народа, а невѣжество интеллигенціи въ народной жизни и нашъ соціальный эгоизмъ. Мы увѣсили себя позолоченными цѣпями привилегій, титуловъ, богатства, которыми столь гордимся, и отъ надменности потеряли разумъ. Нужно—и можно—сбросить съ себя эти цѣпи и хоть до нѣкоторой степени раздѣлить тѣ, которыя народъ носитъ: цѣпи пренебреженія, бѣдности, тяжелаго труда, беззащитности. Только поселившись въ деревнѣ и сдѣлавшись крестьяниномъ (насколько это возможно) образованный человѣкъ искренно пожалѣетъ народъ, только тогда онъ восчувствуетъ въ себѣ народную душу, найдетъ родство съ ней. Это не будетъ смертью интеллигенціи, совсѣмъ напротивъ! Это будетъ ея возрожденіемъ. Вѣдь безсильнѣе того, что она есть теперь, въ отчужденіи отъ народа, и быть нельзя. Наше общество, какъ свидѣтельствуетъ вся изящная и неизящная литература, уже долгія десятилѣтія вырождается; оно переполнено, «лишними людьми», «гамлетиками», «нытиками», «слабняками» — всею тою дрянью, которую столь мастерски рисовалъ Тургеневъ. И это нетолько русское общество, — законъ одинъ и тотъ-же всюду: какъ отломленная вѣтка вянетъ, отщепившіеся отъ народа классы увядаютъ, вырождаются, вспомните аристократіи древнихъ и средневѣковыхъ цивилизацій или нынѣшнюю буржуазію на Западѣ. Чѣмъ дальше сословіе отъ народа, тѣмъ ближе его физическая и психическая гибель. Вымирающій классъ, пополняющійся свѣжими народными соками, можетъ вѣками длить свою агонію; какъ ракъ въ желудкѣ, онъ можетъ иногда истощать

и вести къ смерти все тѣло народное, но что-же это за жизнь! Для возрожденія больного тѣла нужно, чтобы чужая ткань всосалась, растворилась въ здоровыхъ тканяхъ; для нынѣшней интеллигенціи необходимо раствориться въ народномъ тѣлѣ. Какъ *классъ*, она, конечно, при этомъ исчезнетъ, но возродится какъ народъ.

Въ качествѣ *сословія*, интеллигенція не нужна и, можетъ быть, даже вредна: она способна превращаться въ слѣпое орудіе, пригодное для какихъ угодно цѣлей. Интеллигентнаго человѣка (какъ и все сословіе) можно *нанять* для чего угодно: для винокуренія, для фальсификаціи продуктовъ, для сочиненія кляузъ и клеветъ, для фабрикаціи неприличныхъ романовъ и картинъ, для выжиманія соковъ изъ бѣдняка: вѣдь всѣ хищныя предпріятія, фиктивныя компаніи, банки, даже деревенскіе ростовщики дѣйствуютъ у насъ при помощи интеллигенціи. Какъ бѣдные рыцари въ средніе вѣка нанимались у кого угодно и бились съ кѣмъ укажутъ, даже съ земляками, такъ и современные образованные люди: кабатчикъ находитъ профессора химіи для поддѣлки винъ, фабрикантъ—блестящаго публициста для отстаиванья «нормировокъ», темный дѣлецъ—искуснаго адвоката и т. д., и т. д. Въ кипучей соціальной борьбѣ интеллигентные ландскнехты и кондотьеры къ услугамъ тѣхъ, кто щедрѣе платитъ, что мы и видимъ особенно ярко на Западѣ, напримѣръ, въ позорнѣйшемъ панамскомъ процессѣ. Какъ и встарь, продажными оказываются не одни мелкіе подъячіе, а и министры, и это на Западѣ, гдѣ общество тысячами глазъ слѣдитъ за своими дѣятелями. И тутъ уже трудно что-нибудь подѣлать: такова механическая природа всякой спеціальности—быть къ общимъ услугамъ. Другое дѣло, когда образованность не составляетъ спеціальности, когда нѣтъ совершенно отдѣленнаго отъ народа просвѣщеннаго класса, а народъ самъ достаточно просвѣщенъ. Тогда не можетъ быть массоваго подкупа (напр. печати), или найма одного

сословія противъ другого. Образованіе и тогда могло-бы быть орудіемъ дурныхъ цѣлей, но разсѣянное всюду, оно одинаково вооружало-бы и добрыя цѣли. Образованное крестьянство имѣло-бы своихъ адвокатовъ, публицистовъ, техниковъ и т. п., которые-будучи сами крестьянами, придерживались-бы истинно народныхъ интересовъ. Интеллигенція не погибла-бы, а только превратилась-бы изъ простого, мертваго *орудія* въ живой *органъ* народа.

Вселеніе образованнаго класса въ народъ, кромѣ физическаго и духовнаго обновленія, дало-бы этому классу еще одно благо: государственную жизнь, отсутствіе которой столь тягостно теперь. По ходячему мнѣнію, мы, привилегированные классы, еще пользуемся кое-какою политическою ролью, тогда-какъ народъ будто-бы совершенно ея не имѣетъ. Точно плѣненный какимъ-то внутреннимъ завоеваніемъ, онъ лишонъ своей массовой воли, и все, что ему предоставлено, это — покоряться. Я позволю себѣ не согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Я думаю, что народъ имѣетъ, при всей своей приниженности, политическую роль, а мы ея не имѣемъ.

Вѣдь что такое—политическая жизнь? Это—участіе разумомъ и совѣстью въ нравственныхъ интересахъ страны,— не въ будничныхъ мелочахъ, всегда эгоистическихъ,— а въ возвышенныхъ всеобщихъ задачахъ. Это участіе— и долгъ, и счастье гражданина, единственный смыслъ народной независимости, ради которой ведется столько войнъ. Только сливаясь мыслью съ судьбой окружающихъ человѣкъ ощущаетъ полноту души своей, только на высотѣ сознанія общаго блага онъ дѣлается благороднымъ. Политическая жизнь въ нашъ историческій періодъ необходимое условіе счастья человѣка, этого «общественнаго существа». Въ чемъ-же и состоитъ общество, какъ не въ участіи всѣхъ въ общемъ дѣлѣ? Ну вотъ и сравните теперь участіе въ общемъ дѣлѣ нашей интеллигенціи и народа. Интеллигенція состоитъ изъ чиновниковъ, учителей, писателей, техниковъ, врачей, юристовъ и т. д. Чиновникъ—

передаточный механизмъ закона къ населенію. Онъ дѣйствуетъ «согласно §», «по примѣру прежнихъ лѣтъ», «во исполненіе предписанія» и т. д. Чѣмъ онъ автоматичнѣе, чѣмъ исполнительнѣе, тѣмъ лучше. Вкусы чиновника, его взгляды, убѣжденія—излишняя, часто вредная роскошь. На верхахъ служебной лѣстницы есть, конечно, значительный просторъ для иниціативы, но эти верхи — нѣсколько десятковъ ихъ высокопревосходительствъ—уже несовсѣмъ чиновники, а классъ особый. Это—«правящія сферы». На остальныхъ-же ступеняхъ лѣстницы работаютъ только *ноги*, скромныя механическія орудія для движенія «дѣлъ» согласно вовсе не своей волѣ. Участіе безспорно необходимое,—но чисто *механическое*, тогда-какъ политическая жизнь есть *творческое* участіе. Переберите теперь врачей, юристовъ, педагоговъ, техниковъ и т. п., обязанныхъ уже по присягѣ слѣдовать уставамъ и инструкціямъ своихъ профессій. Всѣ они связаны программами, циркулярами, параграфами, всѣ они — чиновники своего дѣла. Какъ чиновникъ, такъ и техникъ, врачъ, юристъ и пр. могутъ позабыть о существованіи государства и быть не менѣе исправными. Въ каждой профессіи человѣкъ свою мысль прилагаетъ къ отдѣльнымъ случаямъ и къ отдѣльнымъ людямъ, а не къ обществу, не къ народу въ его цѣломъ.

Такова природа каждой спеціальности. Увлекшись своими маленькими цѣлями—науки, искусства, техники, администраціи, человѣкъ дѣйствуетъ независимо отъ общихъ интересовъ, по инерціи своего ремесла, онъ постепенно отвыкаетъ отъ мысли объ обществѣ и отъ душевнаго участія въ немъ. Онъ знаетъ, что есть государство, но чѣмъ оно живетъ и куда стремится—это его вовсе не занимаетъ. Этимъ и объясняется поразительное невѣжество иногда отлично-образованныхъ русскихъ людей въ общественныхъ дѣлахъ, поголовная юридическая безпомощность, полное безучастіе всѣхъ даже къ грознымъ явленіямъ обще-народной жизни. Народъ вымираетъ отъ го-

лода, сифилиса, тифа, дифтерита, народъ тысячами гибнетъ въ переселенческомъ потокѣ и т. п.,—въ Петербургѣ образовались общества народнаго здравія, общества переселенцевъ и пр., но дотого дѣйствуютъ вяло, что часто не могутъ устроить даже общаго собранія: не является даже и какихъ-нибудь пятнадцати человѣкъ! И это въ столицѣ, огромнѣйшемъ изъ скопленіи образованныхъ людей. Совершенной отвычкой образованнаго класса отъ общенародныхъ интересовъ объясняется и давній взглядъ на казну, какъ на дойную корову. Всѣ сословія у насъ наперерывъ стремятся попасть на казенные хлѣба: дворяне (о чиновникахъ и говорить нечего), крупные промышленники, фабриканты, земледѣльцы, духовенство, педагоги— всѣ только и ноютъ о субсидіяхъ да увеличеніи оклада, причемъ каждое сословіе готово, кажется, пожертвовать «до послѣдней капли крови»... отечествомъ ради своихъ интересовъ. Въ безконечныхъ сѣтованіяхъ этихъ «потомственныхъ почетныхъ гражданъ», какъ и «благороднаго передового сословія» не замѣчается часто и тѣни истинногражданскаго чувства. Гражданскіе инстинкты у насъ совсѣмъ слабы, ихъ свойства—самопожертвованіе, мужество, достоинство—почти вымерли среди интеллигенціи. Клянчить о подачкахъ—вотъ и вся наша «гражданственность». Обреченная на эгоистическое существованіе, связанная съ родиной лишь своекорыстными интересами, «содержаніемъ»,—все равно, отъ казны или богачей—наша интеллигенція превращается какъ-бы въ государственную приживалку со всѣми качествами этого типа. Отдѣльныя, блестящія исключенія, конечно, есть, но я говорю о средней интеллигентной массѣ.

Простой народъ—совершенно иное политическое существо. Его государственное бытіе солиднѣе и крѣпче, чѣмъ у интеллигенціи. Я уже говорилъ, съ какимъ уваженіемъ смотритъ на себя народъ, съ какою увѣренностью въ себѣ, даже среди крайнихъ бѣдствій,—и онъ не обманывается. Въ немъ хранится взглядъ древняго,

гордаго племени, инстинктивно чувствующаго себя хозяиномъ въ своихъ предѣлахъ. Мужикъ сознаетъ свое невѣжество, но сознаетъ и свое знаніе, намъ невѣдомое, свою внутреннюю культуру, нами отрицаемую. «Мужикъ сѣръ, но не чортъ у него умъ съѣлъ». Мужикъ себя не презираетъ: слово «мужикъ» въ его устахъ не ругательное, какъ въ нашихъ. Видя вокругъ себя и куда-бы ни пошолъ необозримое море народное, море деревень, хуторовъ, поселковъ, среди которыхъ только вкраплены рѣдкія усадьбы и города съ чужимъ для него населеніемъ, крестьянинъ невольно привыкаетъ считать себя правиломъ, а все остальное исключеніемъ. Хотя и смутно, стихійно, онъ чувствуетъ свое коренное, первостепенное значеніе въ государствѣ, чувствуетъ, что онъ и есть государство, а остальныя сословія имѣютъ смыслъ лишь какъ служебные механизмы. Живя въ природѣ, у источника таинственныхъ откровеній, народъ ближе къ правдѣ жизни, къ ея вѣчнымъ нормамъ. Поэтому народъ чувствуетъ свое достоинство; ослѣпленный иногда мишурными «чудесами прогресса» — желѣзными дорогами, гигантскими сооруженіями, онъ помнитъ о присутствіи неизмѣримо болѣе загадочныхъ чудесъ природы и остается въ ихъ наитіи. Человѣкъ въ народѣ еще не спеціализировался въ машину, онъ еще не на содержаніи, онъ не чужими руками, а самъ беретъ у Бога свой хлѣбъ насущный. Это личное общеніе съ первозданными стихіями кладетъ печать торжественности и святости на трудъ мужика, и онъ это чувствуетъ. Все это сливается въ настроеніе гордое и спокойное, какого никогда не встрѣтите у интеллигента (я не говорю о мужикахъ въ конецъ разоренныхъ: то уже рабы). Крестьянинъ платитъ подати не за страхъ только, а и за совѣсть: онъ, какъ государственный корень, сознаетъ, что повинности необходимы,—въ какомъ размѣрѣ—неизвѣстно, но безъ нихъ нельзя. И платитъ. Иначе, однимъ страхомъ, нельзя объяснить его удивительной покорности государ-

ству. Онъ можетъ сѣтовать—и сѣтуетъ—на недобросовѣстность тіуновъ, но въ общественномъ принципѣ нисколько не сомнѣвается. Ни одинъ народъ, формально не обращенный въ рабство, не теряетъ политическаго сознанія: есть нравственныя права, которыя связаны съ обязанностями и потому не отчуждаемы. И какъ ни скромны эти права, все-же они больше, чѣмъ у безпочвенной интеллигенціи, «служащей по наиму». Деревенскій житель чувствуетъ себя какъ-бы «штатнымъ» членомъ общества, гражданиномъ, несущимъ службу въ этомъ званіи и отвѣтственнымъ за все окружающее. Нето въ городѣ, гдѣ побылъ да и уѣхалъ, гдѣ десятками лѣтъ или и во всю жизнь не знаешь ни своего судьи, ни своего гласнаго, ни присяжнаго засѣдателя, не нуждаешься въ своей больницѣ или своей школѣ. Сегодня въ Петербургѣ, завтра въ Москвѣ, на дачѣ, заграницей: большинство городского образованнаго населенія — кочевое. Нельзя быть гражданиномъ десятка мѣстъ, гдѣ бываешь по-временамъ. Настоящее гражданство требуетъ осѣдлости Только слившись съ народомъ, интеллигенція получила-бы осѣдлость, свое прочное мѣсто въ мірѣ, гдѣ стоитъ устраиваться надолго и которое стоитъ отстаивать и защищать. Только вселясь въ крестьянство, образованный классъ могъ-бы возвратить себѣ творческое участіе въ народной жизни Я не говорю уже о такихъ вещахъ, какъ просвѣщеніе народа, оборона его отъ мелкихъ хищниковъ, культурно-техническое его воспитаніе и т. д. Все это очень нужно и важно; народу до крайности нужны учителя, врачи, агрономы, техники, юристы и т. п. Но интеллигенція, слившаяся съ крестьянствомъ, могла-бы сослужить и другую великую службу. Она могла-бы быть истиннымъ государственнымъ представителемъ народа. Теперь она на это не имѣетъ нравственнаго права, такъ-какъ она не народъ, и представителями послѣдняго являются случаиные самозванцы. Если-бы и была возможность подать иногда голосъ, народъ не съумѣетъ этого сдѣ-

лать: голосъ выходитъ не народный, а подьяческій, купеческій, кулацкій, мелкопомѣстный. Современные «выразители» народныхъ нуждъ чаще всего извращаютъ желанія народныя до неузнаваемости. Образованный классъ, такъ, какъ онъ есть, отдѣленный отъ народа, разрозненный, наемный, разнорѣчивый — какой-же онъ можетъ имѣть голосъ? Этотъ голосъ не имѣетъ ни серьезности, ни вѣса. Другое дѣло, если-бы интеллигентное сознаніе принадлежало самому народу. Тутъ было-бы обезпечено должное достоинство.

Я увѣренъ, что и тѣ слабыя формы представительства, какія у насъ въ ходу, — безконечно выиграли-бы отъ сліянія образованнаго класса съ народомъ. И печать, и наши ученыя и другія общества, гдѣ затрогиваются общественные вопросы—всѣ наши съѣзды профессіональныхъ и ученыхъ дѣятелеи—все это не только не заглохло-бы, но расцвѣло-бы. Возьмемте печать. Ея права теперь ограничены, но она не пользуется и малою долей этихъ правъ. Значительная часть газетъ не внушаютъ даже расположенному къ гласности человѣку никакого къ нимъ уваженія. Такая печать представительствуетъ не лучше, а хуже истинкты въ обществѣ, компрометируя важнѣйшіе вопросы легковѣснымъ отношеніемъ къ нимъ. Не умѣя возбудить добрыхъ чувствъ, печать этого сорта умышленно разжигаетъ дурныя страсти, потѣшаетъ читателя жалкимъ шутовствомъ, опорочиваетъ всѣхъ и вся, инсинуируетъ, доноситъ, клевещетъ. Никто такъ не унижаетъ печать, какъ сама она. Если есть въ обществѣ благородные элементы—а они должны-же быть,—ихъ нравственный долгъ прихлынуть къ печати; сердце народа должно двинуть къ ослабѣвшему мозгу свѣжія волны горячей крови. Рѣшительно необходимо, чтобы изъ редакцій были вытѣснены низкіе и грубые элементы, и замѣнены другими. И если-бы печать изъ шумной толпы превратилась въ группу серьезныхъ и строгихъ къ себѣ органовъ, съ очевидною авторитетностью знанія, совѣсти

и таланта, то ради этой авторитетности была-бы, можетъ быть, уважена та смѣлость мысли, которую многіе считаютъ теперь опасной въ рукахъ полушутовской прессы. Вліяніе истиннаго благородства неотразимо; соединяя съ талантомъ и знаніемъ нравственную безупречность, печать могла-бы пріобрѣсти несравненно болѣе достоинства, чѣмъ теперь, мѣсто въ русской жизни. Нынѣшняя интеллигенція, очевидно, неспособна на такое дѣло; сословію *наемному*, ей не такъ ужъ близки къ сердцу *хозяйскіе*, народные интересы; въ огромномъ большинствѣ она къ нимъ равнодушна. Поэтому въ дурной печати группируется больше талантовъ, нежели въ хорошей: серьезныя изданія чаще всего скучны и недаровиты (объ отдѣльныхъ исключеніяхъ я не говорю). Таланты продажны, они приспособляются къ требованіямъ тѣхъ, кто можетъ лучше платить. Нето было-бы, если-бы самъ народъ обладалъ *своею* интеллигенціей: она въ печати, я думаю, заговорила-бы съ достоинствомъ и увѣренностью, о которыхъ теперь едва имѣютъ понятіе. Уже и теперь лучшіе наши публицисты—деревенскіе хозяева. Эти онародившіеся таланты дышутъ трезвостью и простотой самой природы, отъ нихъ вѣетъ правдой и *убѣжденіемъ*—тѣмъ, чего не достаетъ избоченившимся около своего ремесла городскимъ писателямъ. Природа и народъ всегда подсказывали генію самыя счастливыя мысли. Деревня — и только она — могла-бы переродить печать, сдѣлать ее изъ прижившейся партіи сильнымъ *народнымъ* учрежденіемъ.

То-же самое и съ другими видами культурнаго представительства *теперь* они хирѣютъ, *тогда*—могли-бы расцвѣсть. Возьмите наши ученыя и благотворительныя общества: они имѣютъ, въ извѣстной степени политическій характеръ, такъ какъ занимаются общественными вопросами и программы ихъ очень широки. Это тѣ-же комиссіи свѣдущихъ людей для предварительной разработки законодательныхъ мѣръ, только комиссіи безсмѣнныя и доступныя для участія каждаго. Какую серьезную

помощь могли-бы получить центральные органы отъ постояннаго притока свѣжихъ мнѣній, полныхъ знанія дѣйствительности, и какъ все это могло-бы оживить всѣхъ тяготящую «канцелярскую мертвечину»! Для самого столичнаго общества—какое это было-бы прекрасное приложеніе своего досуга и знаній! Вся столичная интеллигенція (а ея считается до сотни тысячъ) могла-бы, распредѣлившись по обществамъ, составить родъ вѣча, мнѣнія котораго, конечно, необязательны, но *вліять* могли-бы несомнѣнно. Въ дѣйствительности—ничего подобнаго нѣтъ; всѣ общества отличаются или своею безжизненностью, дотого, что, *годовыя* собранія иногда не могутъ состояться за неприбытіемъ даже четвертой части всѣхъ членовъ, — или поражаютъ своею вздорностью, неописуемыми распрями, перебранками, инсинуаціями, скандалами, доходящими до вмѣшательства полиціи и разброда правленій. Чѣмъ объяснить такое безсиліе и безобразіе? Люди снисходительные къ себѣ объясняютъ ихъ малымъ вниманіемъ, которое обращается въ правящихъ сферахъ на труды этихъ обществъ. Случалось, что итоги многихъ лѣтъ упорной работы нѣкоторыхъ обществъ погребались навсегда въ министерскихъ архивахъ, вмѣстѣ съ «трудами» казенныхъ комиссій. Это невольно расхолаживаетъ серьезныхъ дѣятелей въ обществахъ, и они бросаютъ работать. Допустимъ, что это бываетъ, но несправедливо было-бы утверждать, что министерства вовсе не пользуются трудами обществъ: если труды серьезные, то канцеляріи имъ очень рады, и если не всегда примѣняютъ къ дѣлу, то не отъ недостатка желанія. Вѣдь и своими собственными изысканіями министерства рѣдко въ состояніи пользоваться въ полной мѣрѣ. Наконецъ, помимо прямыхъ послѣдствій, работа въ обществахъ представляетъ живое, интересное дѣло, воспитывающее публику, образовывающее самихъ дѣятелей, вносящее свѣтъ и въ тѣ сферы, гдѣ вершатся большіе вопросы. Названныя общества при

иномъ отношеніи къ нимъ могли-бы быть узлами новой общественной ткани, школою гражданственности, которой намъ недостаетъ. Я думаю, если видные люди не участвуютъ въ обществахъ, то чаще по иной, болѣе простой причинѣ: потому, что для нихъ дѣло общественное—не нужное и чужое. Городская интеллигенція—узкіе спеціалисты, они плохо знаютъ народъ, втайнѣ презираютъ его, иногда безсознательно. Какъ актеръ въ «Гамлетѣ», они могутъ съ рыданіями продекламировать о «меньшомъ братѣ», но сойдя со сцены совершенно о немъ забываютъ. Чтобы искренно, нелицемѣрно тревожиться за народное счастье, нужно быть самому народомъ, а городская интеллигенція не народъ. Другое дѣло деревенская интеллигенція, образованное крестьянство; оно знало-бы, что дѣлать въ обществахъ, оно не полѣнилось-бы внести и въ общественные вопросы тотъ-же трудъ, туже «страду», какіе вноситъ въ хозяйство. Почему не участвовать въ политическихъ учрежденіяхъ, живя въ деревнѣ? Вѣдь и теперь провинціальные члены ихъ — самые интересные и живые члены, вносящіе съ собою доподлинное знаніе дѣла. Общества собираются теперь разъ шесть, десять въ годъ, собираются неподготовленныя, не зная, о чемъ пойдетъ рѣчь· приходится слушать мертвые доклады комитета и ревизіонной комиссіи, изъ которыхъ никогда и ничего полезнаго не узнаешь. Сравните съ этими собраніями «съѣзды» хотя-бы обществъ врачей, естествоиспытателей и т. п. Какъ ни плохо они организованы, все-же несравненно живѣе и содержательнѣе «общихъ собраній». По типу съѣздовъ должны сложиться и названныя общества, если не желаютъ быть призраками. Теперь они хирѣютъ, потому-что не имѣютъ связи съ землей, непрерывнаго обновленія народною стихіей.

Свѣжесть и творчество, присущія землѣ, необходимы не одной печати и политическимъ обществамъ: въ нихъ нуждается и наука, и искусство, и философія. Наука, слишкомъ специализировавшаяся, всегда дѣлается

схоластикой, только кровная связь съ землеи удерживаетъ ее въ жизненныхъ предѣлахъ. Отданная интеллигенціи, какъ *сословію*, наука превращается въ какое-то волхвованіе, какъ религія, отданная одному классу—въ жречество. Этимъ и объясняется великое множество ненужнаго въ наукѣ, безжизненнаго, предвзятаго. Не имѣя постояннаго внушенія изъ народа о томъ, что нужно естественной жизни, наука, какъ мозгъ соннаго человѣка, начинаетъ грезить; само тѣло съ его органами чувствъ не даетъ необходимаго корректива и не возвращаетъ поминутно къ дѣйствительности. Сколько энергіи, самой благородной, истрачивается напрасно на эти грезы! Въ какія заблужденія и бѣдствія онѣ ввергаютъ! То-же и съ искусствомъ: оторвавшись отъ народной почвы, оно превращается въ ремесленность, педантство, окаменѣваетъ въ условныхъ манерахъ. Всѣ наши великіе писатели, великіе художники, великіе композиторы обязаны своими вдохновеніями народу, всѣ они учились творчеству у него. То-же животворное вліяніе народъ оказываетъ и на государственную жизнь, пока она не слишкомъ отграничивается отъ него. Народъ — носитель вѣчной правды, а не случайной, — онъ не партія, не классъ, онъ сама страна. Какъ органическое существо, берущее жизнь у природы, онъ уравновѣшенъ земною тягой. онъ истинно-консервативенъ и истинно-либераленъ въ одно и то-же время. Народъ — геній земли; у него инстинкты міровые, на которые государство можетъ прочно положиться. Такъ и народъ себя понимаетъ: «Голосъ народа—голосъ Божій». Отступничество отъ истинно-народныхъ началъ есть измѣна природѣ, она влечетъ за собою рядъ неизлѣчимыхъ бѣдъ въ исторіи. Наоборотъ: какъ быстро расцвѣтали страны, когда онѣ возвращались къ народнымъ основамъ!

Возвращеніе къ своему народу должно сдѣлаться завѣтною цѣлью интеллигенціи; это взаимное спасеніе—если не жизни, то счастья ихъ обоихъ. Вѣдь и народъ ужас-

но страдаетъ отъ этого разобщенія; чуть заведется въ деревнѣ даровитый, сильный человѣкъ, онъ тотчасъ-же уходитъ изъ нея, стремится въ купцы, въ чиновники, и добившись «благородства» цѣною часто страшной подлости, растериваетъ свою душу, вырождается въ ближайшемъ потомствѣ; нуженъ новый и новый притокъ для обновленія чахнущаго сословія. Точно какому-то Молоху приносится въ жертву все молодое, свѣжее, сильное, столь нужное самой деревнѣ. Въ другой книгѣ я говорилъ о непрерывной двойной тягѣ изъ деревни въ городъ, тягѣ матеріальнаго богатства и лучшихъ народныхъ элементовъ (см. «Народные заступники»). Все лучшее идетъ изъ деревни и назадъ не возвращается. Это, истощеніе деревни долго длиться не можетъ. Пора установиться обратному теченію — изъ городовъ въ деревни, пора нашей лучшей интеллигенціи, если она не «рабъ лукавый», возвратить ввѣренные ей народомъ таланты.

— Неужели вы вѣрите, воскликнетъ читатель,—что такое переселеніе интеллигенціи въ деревню возможно? Неужели мыслимо, чтобы образованное общество добровольно сдѣлалось «образованнымъ крестьянствомъ»? На это я воскликну въ свою очередь —Неужели-же навѣки установилось неравенство между народомъ и образованными классами? Неужели навсегда мы обречены на теперешній культурный расколъ, на два разныхъ народа, на два міросознанія? Нѣтъ, это невозможно. Я ничего не предсказываю, но думаю, что всѣ классы, сословія, раздѣленія между людьми явленія несовершенныя и временныя. Человѣчество стремится къ сліянію, а не къ обособленію, и мы, если желаемъ счастья, то не должны противустоять своею жизнью этому міровому закону. Я не вѣрю, конечно, чтобы вся масса теперешней интеллигенціи была способна на возвращеніе къ народу,—большинство образованнаго общества слишкомъ испорчено для какого-нибудь великаго движенія. Какъ евреямъ, развращеннымъ въ Египтѣ, современному поколѣнію пришлось-бы стран-

ствовать долгіе годы въ пустынѣ, и развѣ будущая молодежь увидѣла-бы Ханаанъ. Но есть-же, хоть и немного, людей, которые могли-бы быть левитами этого исхода. Есть-же добрые, есть честные, есть чистые среди интеллигенціи, которые тоскуютъ о народѣ и «какъ олень у потока водъ» жаждутъ освѣженія жизни. Вотъ для нихъ этотъ исходъ возможенъ: вѣдь онъ такъ легокъ! Этотъ исходъ, я думаю, уже начался;—соглядатаи разнаго рода и наименованія уже проникаютъ въ «землю отцовъ». Пусть многіе изъ нихъ разочаровываются, возвращаются трусливо «на городскіе заработки», — это явленіе неизбѣжное; зато

...чьи мысли неподкупны,
Чьи цѣломудренны мечты,—

—тѣ обрѣтутъ то, чего ищутъ, радость изгнанниковъ, нашедшихъ, наконецъ, свою родину, примиренныхъ съ нею.

Природа.

I

Верховный законъ счастья — равновѣсіе человѣка съ міромъ. Созданіе природы, человѣкъ каждое мгновеніе прикасается къ ней всѣми своими атомами Втеченіе тысячелѣтій онъ выработался такъ, чтобы во всѣхъ точкахъ уравновѣшивать давленіе на него міра, и если мы сами не устроимъ себѣ иного, искусственнаго міра съ инымъ давленіемъ, или если сами не измѣнимъ себя, то сохранить равновѣсіе съ міромъ легко. Существуетъ постоянное, вполнѣ опредѣленное отношеніе естественнаго человѣка къ естественной природѣ, и это отношеніе не тягостно, а пріятно. Оно становится невыносимымъ, когда или міръ, или мы мѣняемся и когда образуются совсѣмъ иныя давленія. Но міръ самъ по себѣ для каждаго человѣка постоянен. Его необъятныя колебанія не вмѣщаются нетолько въ ничтожный мигъ человѣческой жизни, но даже и въ воображеніе человѣка. Для насъ небо—неподвижная твердь, если на самомъ дѣлѣ цѣлые міры и тьмы міровъ мчатся тамъ съ быстротою невыразимой, то вся эта быстрота и жизнь незамѣтны для насъ. Мы глядимъ на вселенную, какъ боги изъ предѣловъ вѣчности: потоки міровъ кажутся намъ сіяющимъ прахомъ, вродѣ пыли, играющей въ солнечномъ лучѣ Міръ въ своей неизмѣнности *вѣренъ* человѣку; даже земная природа сама по себѣ удивительно постоянна. Наши желѣзныя дороги и

каналы освѣщаетъ то-же солнце, что свѣтило при постройкѣ пирамидъ и тотъ-же «блѣдноликій мѣсяцъ, что таинственно мерцалъ въ садахъ Семирамиды». Отъ созданія міра тѣ-же стихіи волнуются кругомъ насъ. Такимъ образомъ, не природа нарушаетъ свое отношеніе къ человѣку, а онъ къ ней, и если бы онъ хотѣлъ сохранить равновѣсіе съ міромъ, то и могъ-бы. Но, къ сожалѣнію, человѣкъ надѣленъ не только разумомъ, но и безумiемъ. Изъ всѣхъ живыхъ существъ человѣкъ наиболѣе склоненъ къ сумасшествію, къ созданію ложныхъ представленій Подъ дурными внушеніями, накопляющимися вѣка, человѣкъ выходитъ изъ естественнаго міра и создаетъ себѣ иной, искусственный міръ, въ безпрерывномъ крушеніи котораго и самъ гибнетъ. Онъ создаетъ себѣ смрадную атмосферу городовъ, вырубаетъ тѣнистые лѣса, превращаетъ благоуханную степь въ пустыню; онъ истребляетъ и рыбъ морскихъ, и птицъ небесныхъ, и всякую живую душу, данную для утѣшенія человѣка. Если бы можно было, человѣкъ, кажется, похитилъ-бы небесныя свѣтила, чтобы превратить ихъ въ золото Опустошенный и извращенный міръ, міръ какъ-бы пересозданный, обнажаетъ человѣка совершенно инымъ давленіемъ, равновѣсіе исчезаетъ, и человѣкъ задыхается подъ тяжестью, которую самъ на себя обрушилъ.

Всякое существо счастливо въ своей стихіи: птица въ воздухѣ, рыба—въ водѣ, черви—въ почвѣ. И для человѣка существуетъ сочетаніе условій, составляющее его стихію. Эта стихія создана не человѣкомъ, а дана природой, иначе человѣчество не могло-бы и появиться. Задолго до нашей образованности выработался въ полномъ совершенствѣ человѣческій типъ теперь уже трудно найти столь могучія, красивыя и интеллигентныя расы, какими были древніе эллины или аріи. Древніе варвары неоспоримо были сильнѣе и красивѣе насъ; тѣ богатырскія характеристики, какими, напримѣръ, Тацитъ надѣлилъ славянъ, никакъ уже не подходятъ къ совре-

менному ихъ потомству Но не только тѣло, а и самый духъ человѣка вполнѣ сложился до начала исторіи. Безпрерывнымъ многовѣковымъ упражненіемъ мозга при разнообразнѣйшихъ столкновеніяхъ съ природой варвары выработали могучую и утонченную душу, способную не только къ военному, но и мирному благородству. На просторѣ степи, среди лѣсовъ и горъ или на уединенныхъ островахъ океана иногда слагались удивительно разумныя отношенія человѣка къ природѣ и истинно-гуманныя отношенія его къ своимъ ближнимъ. слагалась высокая и *умственная* и *нравственная культура*, дававшая здоровое, не отравленное счастье Затерянное среди природы племя не имѣло ни науки, ни даже письменности, но обладало множествомъ свѣдѣній, взятыхъ изъ живой дѣйствительности, обладало чуткою интеллигентною душою, которая откликалась радостно на всѣ впечатлѣнья бытія. Свѣжая, мощная раса отдавалась нетяжелому, живительному труду; люди были свободны, беззаботны и великодушны, ихъ взаимность слагалась въ союзы братства и нѣжнаго береженія всѣми всѣхъ.

Рѣдко встрѣчались въ исторіи такія явленія, однако, встрѣчались, и хотя-бы безъ письменности, но такіе укклады жизни мнѣ кажутся высшими культурами какія возможны. Такимъ безпорочнымъ народамъ природа внушала великія познанія и безъ письменности Ученые, вникая въ вѣрованія и поэзію древнихъ арійцевъ, поражаются возвышенностью ихъ духа; судя по остаткамъ ихъ эпоса и культа, имъ были доступны высочайшія откровенія чувства и мысли, до какихъ только гиперешняя многоученая цивилизація едва добирается. Припомните чудесный расцвѣтъ древне-эллинской культуры: не имѣя ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ, ни журналистики, не имѣя даже понятія объ электричествѣ, не зная нетолько химіи, физики, астрономіи, но даже алгебры и геометріи, будучи съ современной точки зрѣнія на научномъ уровнѣ сельской школы и зная

лишь своего Гомера, греки дали поколѣніе величайшихъ мыслителей, поэтовъ и художниковъ, какихъ только знаетъ исторія. Простымъ умозрѣніемъ, цѣломудреннымъ и могучимъ, древніе постигали истины, къ которымъ современная наука приходитъ ощупью, долгимъ, кропотливымъ процессомъ. Человѣкъ, выросшій среди стихіи и неизувѣченныи больною культурои, обладаетъ своего рода *ясновидѣніемъ* природы: какъ младенецъ у сосцовъ матери, онъ подмѣчаетъ тайны, которыя для постороннихъ скрыты. Эта природная, не школьная интеллигентность есть высшій даръ человѣку и основной фондъ истинной культуры. Постепенно дѣлаясь все болѣе ученою и сложной, отходя отъ земной почвы, всякая цивилизація изнуряетъ и тѣло и духъ человѣка, она дѣлается анархичною, полною излишествъ и нѣжностей, разстраивающихъ нѣжную ткань счастья.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ самыхъ нѣдрахъ природы, на зарѣ образованности, человѣкъ иногда во всѣхъ отношеніяхъ достигалъ совершенства: и въ физическомъ, и въ умственномъ, и нравственномъ. И даже теперь, если вы хотите встрѣтить образцы человѣческой силы, богоподобной красоты, душевнаго мужества и величія, вамъ придется искать ихъ не въ центрахъ цивилизаціи, не на парижскихъ бульварахъ, а гдѣ-нибудь на Востокѣ въ Сиріи, Аравіи, въ Албаніи, въ нашихъ Донскихъ степяхъ, гдѣ встрѣтилъ такіе образцы Уоллесъ, или въ глухихъ алтайскихъ колоніяхъ, которыя описываетъ Глѣбъ Успенскій. Въ глуши природы, гдѣ естественныя условія сохранены, гдѣ достаточно земли, воды и лѣса, всюду вы встрѣчаете породу богатыреи. Если на лонѣ природы и встрѣчаются жалкіе дикари, то вопреки ходячему взгляду, это породы не первобытныя, а выродившіяся — послѣдніе, погасающіе остатки когда-то мощныхъ варваровъ. Загнанные воинами, потопами, землетрясеніями и т. п. во вредныя для жизни естественныя условія—въ пояса крайняго жара или холода, въ области скуднаго питанія,

богатыри изнемогли въ борьбѣ съ этими условіями и выродились въ жалкихъ эскимосовъ или папуасовъ, которые на нашихъ глазахъ окончательно исчезаютъ. Ученые напрасно ищутъ какихъ-то особенныхъ причинъ для вымиранія дикарей: наша эпоха уже застала ихъ вырождающимися, и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ живутъ дикари, человѣкъ-варваръ не можетъ не вырождаться. Даже привилегированные европейцы съ могучими средствами для умѣренія крайностей тепла и холода — и тѣ вымираютъ подъ тропиками и въ арктическихъ областяхъ. То что дикари обладаютъ бо́льшимъ черепомъ, чѣмъ требуетъ ихъ крайне бѣдная психика, а также остатки преданій, говорящихъ объ иной родинѣ, иной несравненно болѣе богатой культурѣ, доказываютъ, что дикари не первозданный человѣческій типъ, а выродки, декаденты, продуктъ крайней порчи человѣческой породы. Первозданный типъ—это варваръ, вродѣ древняго грека, перса, еврея, галла, германца, славянина, которые на зарѣ исторіи всѣ являются породами исполинскими. Только въ отклоненіи отъ естественныхъ условій эти породы вырождаются въ дикарей, которые вымираютъ окончательно, какъ растеніе умѣреннаго пояса, перенесенное слишкомъ къ сѣверу или югу. Въ мірѣ животныхъ и растеній есть такіе-же дикари: вспомните уродливыхъ млекопитающихъ полярныхъ странъ или полярные виды березы и сосны. Жизнь, которой принципъ—равновѣсіе, мѣра, достигаетъ своей полноты лишь въ умѣренныхъ странахъ и изъ нихъ тамъ лишь, гдѣ естественное равновѣсіе природы не нарушено, гдѣ всѣ царства ея, проникая другъ друга, взаимно поддерживаютъ и питаютъ огонь жизни.

Для современнаго человѣчества вовсе не исчезла опасность естественнаго одичанія, опасность для нѣкоторыхъ народовъ зачахнуть въ слишкомъ жаркомъ, слишкомъ холодномъ или слишкомъ сухомъ климатѣ. Особенно эта опасность близка къ русскому племени, оттѣсненному еще

въ доисторическія времена въ самыя суровыя страны, въ сосѣдство полярныхъ дикарей. Но, кромѣ естественной опасности одичанія и вырожденія, наша нездоровая цивилизація создаетъ еще и искусственную, еще болѣе грозную. Внутри умѣренныхъ странъ, среди жизнеобильной природы, создаются условія для жизни вредныя, куда и загоняются милліоны народа, обреченные на перерожденіе въ дикарей и постепенное вымираніе. Къ удивленію антропологовъ, занявшихся этимъ вопросомъ, въ наиболѣе цивилизованныхъ центрахъ, въ Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ открыты нѣтыя расы вырожденія — малорослые, длинноухіе, узколобые, худосочные заморыши, и одинаково какъ въ рабочемъ классѣ, такъ и среди кровной аристократіи. Здоровые, нормальные люди въ большихъ городахъ всегда оказываются или провинціалами, или дѣтьми провинціаловъ: въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ человѣческій типъ въ этихъ центрахъ истощается и мельчаетъ.

II.

Стихія человѣка—*деревенская* природа. Основное несчастье современныхъ людей — отчужденіе ихъ отъ природы, удаленіе изъ естественной стихіи, гдѣ они могли-бы развиваться и жить полною жизнью. Особенно страдаютъ образованные классы: выдѣлившъ себя изъ семьи народной, они выселяются и изъ народнаго дома—Природы. Жизнь устраивается внѣ стихіи, какъ-бы за предѣлами міра. У горожанъ свой особый міръ, своя искусственная почва въ видѣ мостовыхъ, своя, хотя и удушливая, атмосфера; въ каменныхъ домахъ свой искусственный климатъ; газъ и электричество часто замѣняютъ небесныя свѣтила; водопроводныя трубы замѣняютъ ручьи и водопады; есть даже свой маленькій вѣтеръ—вентиляція... Все это механическое и мертвое, мертвящее человѣка при

каждомъ прикосновеніи. Надъ большимъ городомъ стоитъ постоянная мгла, которая издали кажется облакомъ дыма; еще издалека, подъѣзжая къ городу, вы слышите смутный гулъ, въ которомъ смѣшивается грохотъ экипажей со свистомъ паровыхъ трубъ, лязгомъ желѣза на заводахъ, звономъ колоколовъ и говоромъ сотенъ тысячъ людей. Тѣснота, шумъ и смрадъ сначала ошеломляютъ провинціала, но онъ привозитъ съ собою внушеніе, что городъ прекрасенъ, что въ немъ сосредоточены чудеса человѣческаго генія колоссальные храмы и дворцы, блестящія улицы, монументы, театры, музеи,—все, что есть въ мірѣ рѣдкаго и богатаго. Въ городѣ живутъ люди образованія и таланта, люди власти, въ городѣ идетъ вѣчный праздникъ и нѣтъ фантастическаго желанія, какое вы не могли-бы осуществить за деньги Какъ-же не ѣхать въ городъ? Тамъ дѣлается карьера, именно тамъ можно добиться богатства, извѣстности, вліянія. И вотъ, какъ на огонь маяка летятъ цѣлыя стаи птицъ, разбивающихся до смерти объ его стекло,—на блескъ городовъ ежегодно стремятся тысячи и десятки тысячъ провинціаловъ, не подозрѣвая объ ожидающей ихъ гибели. Съ тѣхъ поръ какъ отъ городовъ протянулись во всѣ углы желѣзныя дороги, города-чудовища желѣзными щупальцами втягиваютъ въ себя населеніе цѣлыхъ уѣздовъ и губерній. Даже у насъ ростъ городовъ за послѣднее пятидесятилѣтіе поразителенъ: города юга растутъ и множатся со сказочною быстротою, на Западѣ-же города втянули въ себя до половины, а мѣстами даже до двухъ-третей всего населенія, и это обезлюдѣніе деревень все продолжается. Идолопоклонники нынѣшней культуры радуются этому явленію, на самомъ-же дѣлѣ оно ужасно. Отчужденіе отъ природы, какъ это всегда бывало въ древности, влечетъ за собою упадокъ цивилизаціи и глубокое разстройство въ человѣчествѣ. Выселеніе изъ міра естественныхъ условій въ міръ искусственный есть медленное массовое самоубійство: въ городахъ подтачивается физическое и психическое здоровье расы.

Человѣчество выросло въ океанѣ вѣчно свѣжаго воздуха, вспоено кислородомъ лѣсовъ и степей, въ городахъ оно погружается точно въ смрадныя ямы, наполненныя углекислотой и дымомъ. Съ каждымъ вздохомъ деревенскій житель вливаетъ себѣ въ грудь здоровье и силу,—городской житель—отраву и безсиліе Изгнавъ себя добровольно изъ безграничнаго храма съ лазурнымъ куполомъ, городскіе люди забились въ тѣсныя норы; скученные въ каменныхъ многоэтажныхъ пещерахъ, пропитанныхъ отъ подземелья до чердаковъ общими испареніями, жители даже блестящихъ столицъ захлебываются нечистотами, растворенными въ водѣ и воздухѣ. Корысть и тщеславіе заставили ихъ заключить себя въ роскошную тюрьму, лишить себя простора и тишины природы, присутствія милыхъ картинъ неба, солнца, стелющихся полей, шумящихъ лѣсовъ, серебристыхъ озеръ и рѣкъ—тѣхъ впечатлѣній, которыя входили въ самый организмъ души и дѣлали жизнь живой идилліей, живой поэмой. Теперь душа людей, не говоря объ изможденномъ тѣлѣ, строится изъ другихъ матеріаловъ: изъ впечатлѣній канцеляріи, фабрики, конторы, мостовыхъ и конокъ, изъ мертваго шума и вѣчной суеты. Молодыя поколѣнія растутъ, не зная, откуда появляется и куда исчезаетъ солнце, не видя, кромѣ узенькой полоски, небеснаго свода, не подозрѣвая, что существуютъ лѣса, долины, рѣки и горы, волшебные по разнообразію міры живыхъ существъ—бѣгающихъ, парящихъ въ воздухѣ, ползающихъ, лазящихъ, хоры поющихъ птицъ, царства цвѣтовъ и весь этотъ неизъяснимо-дивный, огромный міръ Божій, полный безконечнаго трепета жизни. Для городского жителя міръ страшно узокъ—не шире улицы, онъ безжизненъ и бездушенъ, лишенъ всѣхъ своихъ чудесныхъ украшеній: горожанинъ ихъ никогда не видитъ. Человѣкъ въ городѣ точно слѣпнетъ въ отношеніи лучшаго что даетъ жизнь, и въ такой слѣпотѣ растутъ цѣлыя поколѣнія. Одинъ учитель отобралъ недавно у нѣсколькихъ

сотъ городскихъ школяровъ свѣдѣнія о природѣ огромное большинство ихъ не видѣло ни восхода солнца, ни заката, не видѣло рѣки, не знаю, что такое озеро и лѣсъ. Эти школяры могутъ знать алгебру и исторію, но если они не знаютъ такихъ элементовъ міра, какъ солнце и лѣсъ, они психически ниже дикарей: вѣдь картинное представленіе міра входитъ въ самую ткань сознанія, образуя *основу*, на которой затѣмъ держатся всѣ настроенія и узоры мысли. Отсутствіе личнаго, непосредственнаго знакомства съ природой — грубѣйшее изъ всѣхъ невѣжествъ, оно нарушаетъ *органическія* требованія человѣческаго духа и ведетъ къ душевному вымиранію. Забившись въ ущелья своихъ улицъ и переулковъ, человѣкъ нарушилъ коренныя, вѣчныя условія своего типа: вообразите орла, который былъ-бы вынужденъ вести жизнь крота. Безразсудною рукою человѣкъ оборвалъ свои живые корни, артеріи и нервы, связывавшіе его съ нѣдрами природы, и тѣмъ лишилъ себя источниковъ обновленія; добровольный выкидышъ изъ нея, онъ хиреетъ и вымираетъ. Несмотря на гигіеническія санитарныя мѣры, обширнѣйшую медицинскую помощи, чистоту улицъ и отхожихъ мѣстъ, населеніе городовъ быстро вымерло-бы, если-бы не было безпрерывнаго притока свѣжихъ соковъ деревни. Города, говоритъ Максъ Нордау, въ гигіеническомъ отношеніи тѣ-же болота, жители неизбѣжно вымираютъ отъ малярійнаго отравленія.

III.

Поглядите на городскую публику гдѣ-нибудь въ театрѣ, на бульварахъ, въ вагонѣ: какія блѣдныя, дряблыя, больныя лица! Какое малокровіе и измятость нервовъ! Всѣ семь смертныхъ грѣховъ просвѣчиваютъ сквозь выцвѣтшіе глаза; въ сѣти преждевременныхъ морщинъ,

этихъ руническихъ надписей жизни, вы читаете длинную повѣсть пресыщенія и переутомленія, обвинительный актъ природы—а часто и *приговоръ* ея, скрѣпленный зловѣщею красною печатью на щекахъ. Поразительно, до какой степени раззорено тѣло современнаго горожанина Столичные доктора ежегодно отправляютъ на воды цѣлыя арміи неврастениковъ, напоминающія арміи преступниковъ, посылаемыхъ въ изгнаніе. Больницы—тѣ-же тюрьмы, для людей нарушившихъ не нравственные, но столь-же святые физическіе законы природы. Упадокъ, вѣнь, на лицо. общая слабость, плохой аппетитъ, плохой сонъ, плохое самочувствіе, катарръ желудка, катарръ горла, катарръ носа, катарръ мочевого пузыря; и камни въ печени, и почка блуждаетъ—нѣтъ, кажется, ни одной здоровой клѣточки, не нуждающейся въ спеціальномъ лѣченіи При такой заржавленности организма, мудрено-ли, что жизнь, этотъ «даръ мгновенный, даръ прекрасный», обращается въ нѣчто случайное и напрасное, въ медленную «казнь», по словамъ поэта? И эта казнь заслужена. Въ первоисточникѣ всѣхъ нашихъ бѣдъ лежитъ преступленіе противъ природы, наслѣдственное или личное. Современный пессимистъ—а огромное большинство образованныхъ людей тайные пессимисты—самъ не знаетъ, отчего онъ несчастенъ, онъ среди роскоши и комфорта изнываетъ, душевно гнетъ и разлагается. Стоитъ, однако, подойти ему къ зеркалу, чтобы объяснить себѣ эти угрызенія они—тревога физической совѣсти человѣка. Изъ зеркала выглянетъ на него съ укоромъ заморышъ, въ растлѣнномъ тѣлѣ котораго увязла истасканная душа Въ тощемъ, сутуловатомъ корпусѣ съ впалой грудью, висящихъ, какъ плети, конечностяхъ, въ пергаментной кожѣ, плохо скрывающей черепъ, въ старчески-жидкихъ глазахъ и синихъ губахъ—во всѣхъ чертахъ рисуется почти типическій портретъ выродка, uomo delinquente, какимъ его рисуетъ Ломброзо. Какія-же права на счастье имѣетъ этотъ расхитив-

щи себя безумецъ? Медленный, безсознательный самоубійца, онъ превращается часто въ сплошную язву: природѣ изъ милосердія остается убрать эту живую заразу, и если несчастный имѣетъ хоть немного совѣсти, онъ благословляетъ смерть. Часто онъ самъ становится своимъ палачемъ...

Городскіе люди несчастны потому, что органъ счастья—тѣло ихъ—испорченно, и еслибы они попали въ райскую обстановку, они уже или не чувствовали-бы ее, или она была-бы имъ противна, какъ дорогое вино на больной языкъ. Блескъ солнца рѣзалъ-бы имъ усталые глаза, вѣтеръ не освѣжалъ-бы ихъ, а простуживалъ, тишина деревни угнетала-бы ихъ нервы, привыкшіе къ грохоту. Для безповоротно испорченныхъ организмовъ, какъ для слишкомъ разбитыхъ инструментовъ, лучшая участь—пойти въ ломъ. Но тѣ, кто еще способенъ къ жизни и кто желаетъ счастья дѣтямъ, должны знать, что первая, верховная заповѣдь счастья—здоровье, а здоровье внѣ природы, невозможно. Органъ счастья—тѣло—должно обладать совершеннѣйшими аппаратами: сильными нервами, заряженными электричествомъ, горячей, насыщенной желѣзомъ кровью, упругими мускулами. Развѣ не счастье—обладать отличными, какъ дорогіе механизмы, органами чувствъ, не требующими ни очковъ, ни слуховыхъ трубокъ, ни вставныхъ челюстей? Развѣ не счастье — обладать свѣжимъ и дѣятельнымъ мозгомъ, могучимъ желудкомъ, неутомимымъ сердцемъ? Вспомните, какъ умиралъ отъ язвы въ горлѣ всѣми любимый императоръ сильнѣйшей въ свѣтѣ страны. Не былъ-ли безконечно счастливѣе его послѣдній изъ его подданныхъ, какой-нибудь бѣдный пастухъ въ живописныхъ горахъ Тюрингіи, повелитель нѣсколькихъ козъ да своей собаки? Фридрихъ III охотно, конечно, уступилъ-бы свою корону, лишь-бы имѣть возможность, какъ этотъ бѣднякъ, перекликнуться съ горнымъ эхомъ здоровой грудью, вздохнуть сладко и безпечно, хотя-бы въ сумкѣ его

была всего краюха хлѣба. А развѣ не счастье—тѣлесная красота, этотъ «образъ Божій», неотразимый и властный, неизмѣнно сопутствующій здоровью? Высшее благо—спокойная совѣсть и ясный умъ—обитаетъ въ нисшемъ, въ безупречномъ тѣлѣ, какъ божество въ храмѣ, алтари котораго не осквернены. Человѣкъ непорочный, вооруженный всѣми приборами счастья, бываетъ счастливъ безчисленными способами и во всякое мгновеніе, смотря по тому, какъ его объемлетъ міръ. Онъ счастливъ и въ ощущеніи природы, и въ общеніи съ людьми, онъ счастливъ и въ трудѣ, и въ отдыхѣ, и въ мысли, и въ чувствѣ, и на-яву, и даже во снѣ: безпорочность, какъ ангелъ свѣта, отгоняетъ отъ его ложа самыя тѣни бѣдствій. А если и нагрянетъ на такого человѣка случайная бѣда, онъ имѣетъ счастье преодолѣть ее, противопоставить ей необоримое нравственное мужество, безстрашное предъ самой смертью: для героя и смерть обращается въ счастье. Душа здороваго человѣка—какъ Эолова арфа какой-бы и откуда вѣтеръ ни подулъ, она встрѣчаетъ его гармоническими аккордами — бурѣ жизни она отвѣчаетъ бурею прекрасныхъ звуковъ. Но если струны души вашей распущены, разстроены, заржавлены и порваны—какіе зефиры извлекутъ для васъ хотя одинъ звукъ счастья? И не былъ-ли бы такой одинокій звукъ слишкомъ печаленъ?

IV.

Нормальная жизнь возможна только въ деревнѣ, среди чистыхъ, незагрязненныхъ стихій. Проф. Гильти говоритъ, что недалеко время, когда образованные люди побѣгутъ изъ городовъ, откажутся отъ растлѣвающаго комфорта, отъ убійственной механической дѣятельности въ канцеляріяхъ и заводахъ, пойдутъ въ лѣсистыя, заглохшія мѣста и будутъ находить счастье расчищать ихъ собственными руками, строить себѣ бѣдныя жилища и создавать,

какъ это бывало въ далекія, счастливыя времена заокеанской колонизаціи, — свой маленькій «новый міръ». Есть что-то невыразимо-плѣнительное въ созданіи такой жизни «въ пустынѣ»: недаромъ «Робинзонъ» и особенно «Швейцарскій Робинзонъ» читаются дѣтьми, пока они не утратили еще чутья истинной жизни, съ такимъ восторгомъ. Недаромъ «прекрасная мать-пустыня» такъ влекла къ себѣ лучшую часть народа, создавала странничество, монашество и разбойничество. Недаромъ, наконецъ, вѣка переселеній у всѣхъ народовъ представляютъ героическую эпоху, къ которой относятся лучшія, завѣтныя воспоминанія, на цѣлыя тысячелѣтія передаваемыя въ сказкахъ и сагахъ. Я увѣренъ, что въ современномъ переселенческомъ движеніи играетъ роль не одинъ «экономическій разсчетъ», а также и внутренній инстинктъ великаго народа, заставляющій его вырабатывать себѣ *истинную* культуру. Тоска по природѣ и ея простору, стремленіе къ идилліи, грезы о широкихъ рѣкахъ и буйныхъ степяхъ — все это смутныя исканія жизненной культуры, потребность укрѣпить расшатанныя основы счастья. Народъ отъ природы неотдѣлимъ; онъ — часть ея, и она входитъ въ него органическою стихіей,—поэтому всякое покушеніе на природу есть покушеніе и на народную жизнь. Въ прежніе вѣка, какъ ни грубы были соціальныя отношенія, какъ ни порабощенъ былъ народъ, все-же основныя стихіи—воздухъ, вода, почва, лѣсъ были за нимъ обезпечены и онъ чувствовалъ, что жить еще можно. Но въ послѣднее столѣтіе, съ возобладаніемъ городской культуры, съ перестройкою Россіи по западному, промышленному типу, съ сосредоточеніемъ огромной площади земли въ рукахъ малочисленнаго класса, — въ условіяхъ народной жизни совершился глубокій и важный переворотъ: народъ постепенно лишается природы, своего дома. Совершается хищническій, стремительный, нигдѣ въ свѣтѣ небывалый разгромъ природы, истребленіе лѣсовъ, садовъ и рощъ,

истребленіе степи, засореніе и высыханіе водъ, уничтоженіе всякой живой твари, населявшей нашу флору. Изъ прекраснаго, кипѣвшаго дикой жизнью міра наша русская природа превратилась мѣстами въ мертвую пустыню; нарушено чудное, вѣками слагавшееся сочетаніе стихій и органическихъ царствъ, отношеніе растительнаго покрова къ почвѣ и влагѣ, отношеніе міра четвероногихъ и пернатыхъ къ насѣкомымъ и паразитамъ. Человѣкъ-промышленникъ вторгся въ природу какъ разбойникъ и обобралъ ее, внеся глубокое, мѣстами на-вѣки непоправимое разстройство въ ея жизнеобмѣнъ. Даже тамъ, гдѣ на мѣстѣ лѣсовъ и степи явились безконечныя плантаціи, природа уже не даетъ прежней радости: превратившись изъ «храма» въ «мастерскую», по мечтѣ матеріалистовъ, природа деревни сдѣлалась огромнымъ заводомъ, гдѣ народъ, превращенный въ «рабочаго», фабрикуетъ «сырые продукты»: *хлѣбъ* потерялъ уже прежнее, священное значеніе дара Божьяго, онъ — хозяйскій товаръ, спѣшно сбываемый за границу и обмѣниваемый тамъ на шампанское да резиновыя шины. Крестьянскіе надѣлы давно не въ состояніи вмѣстить въ себя народъ; нарождающіяся поколѣнія — а они каждыя 10 лѣтъ даютъ по 15 милліоновъ новыхъ душъ—уже оказываются внѣ природы, имъ нѣтъ почвы, нѣтъ своей воды, своей атмосферы. Имъ приходится жить на чужой землѣ, приниженными въ Божьемъ мірѣ... Инстинктъ великаго племени видимо встревоженъ этою долей; онъ чувствуетъ въ будущемъ неизбѣжное рабство (работу не на себя, а на другихъ), и вотъ въ массахъ идетъ броженіе, напоминающее эпоху за полторы тысячи лѣтъ назадъ. Задыхающееся въ тѣснотѣ населеніе поднимается и стихійнымъ потокомъ стремится въ пустыни, на поиски стараго, вѣчно новаго фонда жизни—природы.

V.

Вѣренъ-ли этотъ народный инстинктъ? Вмѣсто того, чтобы идти въ лѣса и степи и заводить тамъ тѣ-же сѣрыя деревни, что и на родинѣ, не лучше-ли было-бы народу прихлынуть къ городамъ, къ фабрикамъ, заводамъ, промысламъ и поскорѣе перестроить Россію въ сплошной Манчестеръ? Это сдѣлало-бы Россію похожей на самую передовую страну въ свѣтѣ и утвердило-бы въ ней настоящую, т.-е. городскую культуру. Это былъ-бы «прогрессъ», введеніе «цивилизаціи». Такъ обыкновенно и полагаетъ большинство образованныхъ людей. О деревнѣ думаютъ, что она совсѣмъ не культурна. Всѣ заботы сосредоточены на томъ, чтобы «цивилизовать» ее на городской ладъ, внести въ нее комфортъ, нравы и занятія города. Городъ—просвѣтитель, именно онъ даетъ образцы общественной и личной жизни, онъ вырабатываетъ истинную культуру... Тяготѣніе народа къ природѣ—ошибка невѣжества.

Эта общераспространенная мысль на самомъ дѣлѣ есть великая и пагубная ложь. Истинно живая культура вырабатывается не въ городѣ, а въ деревнѣ; тоска народа по природѣ и землѣ, мечты о степномъ и лѣсномъ привольѣ есть не капризъ воображенія, а самое серьезное требованіе жизни. Не прихоть—эта жажда свѣжихъ, не загрязненныхъ стихій, поиски *свободнаго*, самостоятельнаго труда, хотя-бы и мало производительнаго. Народъ глубокимъ инстинктомъ чувствуетъ, что большой производительности и не надо, что истинное счастье человѣка не требуетъ многихъ искусственныхъ вещей, но зато требуетъ не многихъ—естественныхъ. Для истиннаго счастья не нужно почти все то, что производитъ городъ, но необходимо то, что даетъ деревня: необходима чистая атмосфера, солнце, зелень, міръ живыхъ существъ, необходима свѣжая пища, нуженъ хотя и не легкій, но правильно распредѣленный трудъ на себя, трудъ живой и осмысленный, какъ источ-

никъ радости и здоровья. Народъ смотритъ на счастье какъ тысячелѣтній мудрецъ, избѣгая сумасшедшихъ крайностей богатства, ненасытнаго знанія, неукротимаго честолюбія: онъ знаетъ, что каждая здоровая потребность можетъ сдѣлаться тяжелой страстью, и что удовлетвореніе маніи невозможно. Народъ знаетъ, что послѣ здоровья, основное условіе счастья — беззаботность, и его даетъ именно деревня, тогда-какъ городская жизнь есть сплошная, безвыходная забота. Ничто такъ не раззоряетъ человѣческаго организма, какъ нервный страхъ за свою судьбу, который всегда тревожитъ людей городской культуры: страхъ бѣдности и униженія, страхъ быть раздавленнымъ въ кромѣшной свалкѣ, называемой *свободною* конкуренціей. Самые богатые, властные, — казалось-бы, обезпеченные люди изнуряютъ здоровье и сокращаютъ жизнь мучительнымъ желаніемъ протолкаться впередъ, не замѣчая, что дорога къ верхамъ жизни есть, въ сущности, наклонная плоскость, увлекающая человѣка внизъ всѣмъ вѣсомъ достигнутаго положенія. Гораздо легче удержаться на средней ступени и еще легче на низшей, нежели на верхнихъ, и тѣмъ тягостнѣе усилія достичь конца—обыкновенно воображаемаго и потому недостижимаго. Забота—истинный бичъ счастья; какими-бы чудными дарами ни надѣлили человѣка добрыя феи, достаточно, какъ въ сказкѣ, одного коварнаго подарка—заботы, чтобы отравить всю радость человѣка. Забота высшихъ классовъ передается среднимъ и даже низшимъ, гдѣ они не уединены; мишурныя преимущества, блестящая *поверхность* жизни соблазняютъ бѣдняковъ, они тянутся кверху, хотя-бы на недосягаемыхъ высяхъ царилъ лишь холодъ и безплодіе: горныя вершины такъ плѣнительны издалека. Лишь немногіе доходятъ до вершинъ, чтобы убѣдиться въ безжизненности ихъ: огромное большинство умираетъ отъ усталости, не достигнувъ и средины пути...

Трудъ.

I.

«Умираютъ отъ усталости»... Это не фраза, это ужасный фактъ, дѣлающіися все болѣе и болѣе обыденнымъ. Цѣлыи рядъ блестящихъ дѣятелей сошелъ со сцены отъ переутомленія: врачи устанавливаютъ новую болѣзнь, *усталость* сердца. О переутомленіи кричитъ печать и общество; переутомляются школьники, переутомляются учителя, журналисты, доктора, чиновники, торговцы, офицеры, ученые, министры... Нѣтъ профессіи, въ которои-бы честный труженикъ не былъ отравленъ «ядомъ усталости», опаснѣйшимъ изъ ядовъ. Въ городахъ душитъ людей не только гнилая атмосфера, нетолько изнуряетъ гнилая пища и отсутствіе жизни природы, но еще и неестественный, крайне напряженный въ одномъ направленіи трудъ, причемъ сосредоточеніе мозга на узкой спеціальности неизбѣжно принимаетъ истерическія, маньяческія формы. Въ деревнѣ трудъ—даже умственный не меньше, а скорѣе больше, чѣмъ въ городѣ; живое общеніе съ природой требуетъ неослабнаго вниманія, но это вниманіе распредѣлено на большей площади, на всѣхъ участкахъ мозга, а не на одной спеціальной способности, и въ силу этого работа переносится легко. Эйфелева башня, благодаря широкому основанію, давитъ на каждый квадратный дюймъ не тяжелѣе, чѣмъ ножка стула,

но если-бы всю ея тяжесть сосредоточить на одномъ квадратномъ дюймѣ, ее не выдержала-бы никакая почва.

Въ городской культурѣ, основанной на спеціализаціи труда, такія катастрофы неизбѣжны: профессіональные труженики падаютъ, раздавленные одностороннею и напряженной работой; погибая сами, они и потомству передаютъ хроническую усталость, истерію, неирастенію. Профессоръ Эрбъ, авторитетъ по нервнымъ болѣзнямъ, заявляетъ, что «человѣчество можетъ жестоко пострадать, благодаря нѣкоторымъ вліяніямъ современнаго культурнаго развитія... Нервность, говоритъ онъ, чрезмѣрно увеличилась къ концу 19-го столѣтія — вмѣстѣ съ душевными болѣзнями... *Нужны спеціальныя мѣры, дабы отстоять нашу культуру и даже самое существованіе цивилизованныхъ народовъ*». Эрбъ спрашиваетъ: «Существуютъ-ли еще народности, обладающія свѣжими душевными силами и здоровой нервной организаціей?» Профессоръ зоветъ современное общество и правительства «къ борьбѣ съ этимъ настоящимъ бичемъ нашихъ дней» и заканчиваетъ рѣчь * указаніемъ еще разъ на «*громадную опасность*», которая, въ видѣ усиливающагося нервнаго разстройства, «грозитъ современному прогрессу и даже *дальнѣйшему существованію культурныхъ европейскихъ народовъ*» Другой ученый, извѣстный соціологъ Летурно, разбирая основы современнаго прогресса, находитъ, что этотъ прогрессъ ведетъ не только къ физическому, но и *психическому* вырожденію: къ страшному развитію эгоизма въ обществѣ и небывалой алчности къ наживѣ. Летурно полагаетъ, что эта темная страсть погубитъ европейскую цивилизацію, послѣдней угрожаетъ «самая безславная смерть—смерть отъ денегъ»...

«Насъ ждетъ столѣтіе, полное сильнѣйшей лжи, и признаки наступленія его уже замѣтны», говоритъ бернскій профессоръ Гильти, намекая на чрезмѣрную лѣя-

* На актѣ Гейдельбергскаго университета

тельность нашего вѣка, на слишкомъ торопливое пользованіе своими силами, на удручающую и въ сущности ненужную суету, и какъ на результатъ всего этого—*переутомленіе*—истинный бичъ «конца вѣка». Максъ Нордау въ своей извѣстной книгѣ («Вырожденіе») посвящаетъ переутомленію цѣлую главу; итальянскій ученый Моссо составилъ о томъ-же цѣлую книгу («La Fatica»); о переутомленіи говоритъ и Крафтъ-Эбингъ въ книгѣ «Нашъ нервный вѣкъ», и цѣлый рядъ другихъ выдающихся авторовъ и ученыхъ. Переутомленіе сдѣлалось злобой дня въ педагогіи. Повсюду требуютъ уменьшенія числа учебныхъ часовъ, облегченія занятій, установленія отдыха — и не только для школьниковъ, но и для взрослыхъ, занятія которыхъ слишкомъ продолжительны: прикащиковъ, почтовыхъ чиновниковъ, наборщиковъ и т. п. Во всемъ свѣтѣ лозунгомъ рабочаго движенія выставлено ограниченіе труда для взрослыхъ до 8-часовой нормы. Къ ученымъ физіологамъ, трактующимъ о вредѣ чрезмѣрнаго труда, присоединяются философы, и еще недавно мы были свидѣтелями блестящаго спора о трудѣ между Зола, Дюма, Л. Н. Толстымъ и многими выдающимися мыслителями на Западѣ. Теорія «недѣланія» тѣснѣйшимъ образомъ связана съ ограниченіемъ труда, съ освобожденіемъ человѣка отъ массы ненужныхъ, несносныхъ и вредныхъ хлопотъ, столь загромождающихъ теченіе жизни. Во всѣхъ сферахъ чувствуется гнетъ вслѣдствіе чрезмѣрнаго напряженія человѣческой энергіи. Выступающая на общественную сцену молодежь съ ужасомъ видитъ, какъ предшествующее, слишкомъ заработавшееся поколѣніе умираетъ отъ модной болѣзни—нервнаго переутомленія едва переступивъ границы зрѣлаго возраста, а иногда и не достигнувъ его; первая половина жизни является могилою для второй.

«Населеніе Европы, говоритъ Максъ Нордау, даже не удвоилось втеченіе послѣдняго пятидесятилѣтія, а его трудъ увеличился въ десять, а иногда и въ пятьдесятъ

разъ». Членъ цивилизованнаго общества работаетъ теперь отъ пяти до двадцати-пяти разъ больше, чѣмъ полъ-вѣка тому назадъ *, и параллельно съ этимъ быстро умножаются преступленія, помѣшательства, самоубійства, явились новыя нервныя болѣзни, какъ прямое послѣдствіе новыхъ культурныхъ условій. Западные врачи говорятъ о спеціальномъ «желѣзнодорожномъ разстройствѣ» спинного и головного мозга (railway spine, railway brain). Утомленіе организма требуетъ возбуждающихъ средствъ—отсюда страшный ростъ потребленія наркотиковъ, спиртныхъ напитковъ, табаку, что отравляетъ организмъ и ведетъ къ вырожденію. Въ четырехлѣтіе съ 1859 по 1863 годъ въ Англіи умерло отъ болѣзней сердца 92,000 человѣкъ, а въ четырехлѣтіе 1884—1888 г. умерло 224,000. Отъ нервныхъ болѣзней умерло съ 1864—1868 г. 196,000 человѣкъ, а съ 1884—1888 г.—260,500 человѣкъ: такъ выросла смертность отъ утомленія всего за 20—25 лѣтъ. Чрезмѣрный трудъ прежде всего поражаетъ нервы и сердце. Проф. Критчонъ-Браунъ утверждаетъ, что мужчины и женщины старѣются теперь раньше времени.

* Въ 1840 году Европа имѣла желѣзнодорожную сѣть въ 3,000 верстъ, а въ 1891 году 218 тысячъ верстъ, т. е въ 33 раза больше. Тогда число пассажировъ въ Германіи, Франціи и Англіи не превышало 2½ милліоновъ, а въ 1891 году ихъ насчитывалось 614 милліоновъ. Въ 1840 году почта доставляла во Франціи 94 милл. писемъ, въ Англіи—277 милл., въ 1881 году—595 и 1299 милл. Международная корреспонденція всѣхъ странъ составляла въ 1840 г.—92 милл., въ 1889 г.—2,759 милл. Въ 1840 г. выходило газетъ въ Германіи 305, во Франціи 776, въ Англіи 551, а въ 1891 г. соотвѣтственныя цифры составляли 6,800, 5,182 и 2,255. Новыхъ книгъ появилось въ Германіи въ 1840 г. 1100, а въ 1891 г. 18,700. Международные торговые обороты увеличились съ 28 до 74 милліардовъ марокъ, вмѣстимость судовъ, прибывшихъ въ англійскія гавани—съ 9⅓ до 74⅓ милліоновъ тоннъ и пр. пр. „Какая-нибудь кухарка (рѣчь идетъ, конечно, о нѣмецкой кухаркѣ) посылаетъ и получаетъ теперь больше писемъ, чѣмъ въ прежнее время профессоръ, и какой-нибудь мелкій торговецъ путешествуетъ и видитъ больше, чѣмъ въ прежнее время коронованная особа", говоритъ Нордау.

Старость захватываетъ собой часть цвѣтущаго возраста. Люди умираютъ теперь отъ старческаго истощенія въ возрастѣ 45—55 лѣтъ Распространяется въ страшной прогрессіи слабость зрѣнія, порча зубовъ, плѣшивость и раннее посѣдѣніе — признаки утомленія и истощенія. Переутомленіе, порождающее истеричность и нейрастенію, признается учеными главною причиною вырожденія. Истерія есть прямое послѣдствіе утомленія; въ обоихъ случаяхъ наблюдается одинаковая симметричность движеній, раздражительность и т. п. «Утомляя здороваго человѣка, говоритъ Фере, можно превратить его въ истеричнаго. Всѣ причины, вызывающія истерію, могутъ быть сведены къ одному физіологическому процессу: къ утомленію, къ пониженію жизнедѣятельности».

II.

Зарабатываясь, современный человѣкъ не только надрываетъ физическія основы организма, но въ равной степени и психическія. Множество недостатковъ душевныхъ, отравляющихъ счастье и самого человѣка и ближнихъ, объясняется хроническою усталостью Человѣкъ вялъ, невпечатлителенъ, лѣнивъ, онъ неспособенъ ни къ чему, онъ раздражителенъ и унылъ. Можно подумать, что онъ плохо одаренъ отъ природы, но очень часто это не такъ: стоитъ человѣку хорошенько отдохнуть—и куда дѣвается его лѣнь и умственная спячка! Онъ дѣлается энергичнымъ, умнымъ, веселымъ и добрымъ, т.-е. какъ-бы нравственно перерождается. Послѣднимъ результатомъ нашей суетливой и жадной цивилизаціи является всеобщая усталость, а усталость, по изслѣдованіямъ ученыхъ, есть *отравленіе*. Работа мозга и остальныхъ тканей неизбѣжно сопровождается тратой ихъ и разрушеніемъ; продукты этого разрушенія представляютъ сильнѣйшіе яды (такъ-называемые *лейкомаины*). Организмъ спасается отъ нихъ тѣмъ, что или сжигаетъ ихъ въ кислородѣ крови, или

обезвреживаетъ въ особомъ аппаратѣ—печени и выводитъ вонъ почками. При усиленной работѣ продукты распаденія тканей быстро накопляются въ крови, и мы чувствуемъ утомленіе, а когда количество ихъ переступаетъ физіологическую норму— мы дѣлаемся больными. Выдѣленія работающихъ клѣтокъ загрязняютъ кровь и, орошая мозгъ и нервы, отравляютъ ихъ. Итальянскій ученый Моссо производилъ систематическія наблюденія надъ мышечною усталостью при помощи такъ называемаго эргографа. Оказалось, что работа, производимая утомленной мышцей, гораздо больше вредитъ ей, чѣмъ болѣе значительная работа, но произведенная мышцей неутомленной. Для каждой мышцы требуется точно опредѣленный промежутокъ времени для полнаго отдыха. Если уменьшать время отдыха—мышца соотвѣтственно оказывается менѣе способною къ работѣ. Выяснилась чрезвычайная важность не доводить работающаго органа до послѣдняго предѣла усталости. Мышца утомляется гораздо меньше и способна производить въ два слишкомъ раза большее количество работы въ сравненіи съ тѣмъ, какъ если ее довести до полной усталости, а затѣмъ дать болѣе полный отдыхъ; такъ-что необыкновенно важно почаще отдыхать, хотя и понемногу. «При усталости, говоритъ Моссо, даже незначительное количество механической работы уже гибельно». Объясняютъ это тѣмъ, что въ началѣ работы мышца питается еще чистою, не зараженною кровью въ сравненіи съ послѣдними ея минутами. Возстановленіе силы идетъ гораздо быстрѣе, если не доводить усилія до усталости. Умственная работа подчиняется тѣмъ-же законамъ. Она есть какъ-бы постоянная смѣна сна и бодрствованія; каждый разъ, какъ обращено вниманіе на что-нибудь, соотвѣтствующія клѣтки мозга какъ-бы просыпаются, и лишь только онѣ засыпаютъ, вниманіе обращается въ другую сторону. Въ случаяхъ особенной усталости — все равно, физической или умственной,—говоритъ Моссо, мы становимся раздражительными, и даже болѣе того: усталость, повидимому,

уничтожаетъ въ насъ все благородное, именно тѣ качества, которыми отличается цивилизованный мозгъ отъ варварскаго. Усталый человѣкъ теряетъ способность управлять собою, и здравый разсудокъ уже не въ состояніи регулировать собою страсти. Мы оказываемся какъ-будто спустившимися на нѣсколько ступеней въ соціальной іерархіи. Моссо при помощи эргографа производилъ наблюденія надъ собой и товарищами-профессорами и убѣдился, что источникъ всякой энергіи въ человѣкѣ общій. Излишняя мышечная работа оставляетъ мало силъ для умственной дѣятельности, и наоборотъ: мозговое напряженіе (напр., послѣ экзаменовъ и лекціи) ослабляетъ мышечную дѣятельность; при помощи эргографа онъ даже измѣрилъ это ослабленіе. Недомоганіе и изнеможеніе, которыя сопровождаютъ умственную усталость, зависятъ отъ того, что головной мозгъ вынуждается посылать болѣе сильныя возбужденія мышцамъ, чтобы дѣйствовать ими. Истощеніе нервной силы бываетъ и центральное, и периферическое. Примѣровъ гибели множества выдающихся людей, подавленныхъ чрезмѣрностью работы,—приводить не нужно. Замѣчаемый въ послѣднія десятилѣтія во всей Европѣ упадокъ душевной дѣятельности, пониженіе литературы, науки, философіи и искусствъ имѣетъ, повидимому, тѣсную связь съ общимъ утомленіемъ образованныхъ классовъ. Даже если изъ болѣе свѣжихъ народныхъ нѣдръ и выйдетъ талантливый человѣкъ, то онъ попадаетъ въ омутъ чрезмѣрной работы и, невольно усваивая ея пріемы, скоро устаетъ; благороднѣйшія свойства его души утомляются, и онъ дѣлается живою машиной, ремесленникомъ науки или искусства. Всякое творчество есть продуктъ накопленной и бережно истрачиваемой энергіи, нынѣшніе-же дѣятели, которые «жить торопятся и чувствовать спѣшатъ», открываютъ своей энергіи сразу всѣ выходы, жгутъ свѣчу съ обоихъ концовъ и сгораютъ, не давая ни спокойнаго, ни даже яркаго свѣта.

III.

Отъ народнаго сознанія не могла укрыться страшная тягость городской культуры—плодъ ея искусственности. Городскіе виды счастья — комфортъ, богатство, слава, власть — нетолько противны нравственному чувству, нетолько призрачны, но и чрезмѣрно дороги: за пріобрѣтеніе ихъ приходится отдавать дьяволу, какъ въ народной легендѣ, свою душу, свою молодость и свѣжесть, лучшіе соки мозга и сердца. Народъ чувствуетъ, что «труждающіеся и обремененные» обременены напрасно, что есть иное «иго», которое «благо»; иное бремя, которое легко. У неиспорченной городомъ массы есть инстинктъ, подсказывающій, что истинное счастье всѣмъ и легко доступно. Оно въ томъ, чтобы слиться съ природой, довольствоваться малымъ, не насиловать себя и жить играючи, наслаждаясь красотою міра, превзойти которую цивилизація не можетъ Счастье—въ свѣжести и аппетитѣ нервовъ, а аппетитъ этотъ у всѣхъ одинаково насыщается: только пресыщаемся мы различнымъ образомъ. Никто не можетъ быть счастливѣе другого, если не говорить о наслажденіяхъ болѣзненныхъ и безумныхъ, и всякій здоровый человѣкъ можетъ быть счастливъ въ высшей возможной степени для этого нужны, какъ говоритъ Пушкинъ, лишь двѣ вещи. «покой и воля». Народъ безсознательно тянется къ природѣ, чувствуя, что только она можетъ дать покой и волю. Истинная культура та, которая обезпечиваетъ эти блага—и ихъ обезпечиваетъ только деревенская культура Жизнь невозможна безъ труда, но трудъ даетъ только тогда радость, когда онъ есть творчество, т.-е. свободная, желанная работа. Свобода возможна лишь въ томъ случаѣ, когда человѣкъ не задается большими цѣлями, превышающими его силы. Для полноты счастья человѣкъ долженъ быть властнымъ, а такимъ онъ можетъ быть лишь около себя, около своей семьи и маленькаго хозяйства. Творчество, власть, сво-

бода — синонимы по внутреннему значенію — возможны лишь въ очень тѣсныхъ предѣлахъ, и переходя эти предѣлы теряютъ свою живую сущность, мертвѣютъ; лично можно повелѣвать, распоряжаться, создавать только около себя, въ горизонтѣ зрѣнія: повелѣніе заочное, какъ и созданіе по приказу, чужими руками, уже не даютъ настоящей радости. Участіе отдаленное въ общемъ дѣлѣ есть всегда мертвое участіе. Человѣкъ—образъ и подобіе Творца—долженъ самъ быть творцомъ своего крошечнаго мірка, ввѣреннаго ему Богомъ, онъ долженъ быть около себя безгранично-властнымъ хозяиномъ. Этому основному, вѣчному условію счастья каждаго человѣка противорѣчитъ городская культура, вся основанная на порабощеніи членовъ общества другъ-другу, на взаимномъ рабствѣ, называемомъ «раздѣленіемъ труда».

При «раздѣленіи труда» (въ его теперешнемъ, крайнемъ мѣрѣ), каждый дѣлаетъ чужое дѣло и потребляетъ чужой трудъ; счастье дѣлать *свое* дѣло и *для себя* уже неизвѣстно. Бросая свое бѣдное, но полное творчества и власти деревенское хозяйство, мужикъ идетъ на фабрику, гдѣ его инициатива съуживается до нуля, гдѣ онъ самъ превращается въ инструментъ или станокъ для инструмента. То-же дѣлаетъ и образованный человѣкъ, прикованный къ своему письменному столу или служащій на «мѣстѣ». Для современнаго общества, конечно, такое раздѣленіе труда необходимо; отдѣльные люди, сословія классы—должны играть роль спеціальныхъ частей машины для того, чтобы общество представляло машину. Но я думаю, что черезчуръ омашиненное общество уже враждебно человѣческому благу. Огромное живое чудовище живетъ своей, для насъ загадочной и чуждой жизнью, оно насильственно приспособляетъ насъ къ своимъ цѣлямъ; какъ клѣточки въ тѣлѣ, мы спеціализируемся въ нынѣшнемъ обществѣ до уродливости, совершенно теряя первоначальный типъ человѣка. «Человѣкъ» просто, самъ для себя живущій и себѣ довлѣющій, уже неизвѣстенъ

всѣ мы или чиновники, или доктора, или офицеры, писатели, столяры, сапожники, и внѣ ремесла мы - никто Высшая организація требуетъ крайней степени раздѣленія физіологическаго труда между органами и тканями, а это возможно лишь при совершенной специализаціи клѣтокъ. «Но чѣмъ специализированнѣе клѣтка,—говорятъ ученые,—чѣмъ болѣе одно какое-либо свойство развито насчетъ остальныхъ, тѣмъ значительнѣе она уклоняется отъ своего прототипа — зародышевой клѣтки, и тѣмъ менѣе сохраняется въ ней жизненная дѣятельность». Специальная работа поглощаетъ общую жизнеспособность. Простѣйшее, одноклѣточное существо выполняетъ всѣ основныя нужды безъ посредства особыхъ органовъ, и потому быстро возстановляетъ разрушенныя части. Такая клѣтка почти безсмертна. ее можно крошить, и изъ каждой частички ея выростаетъ новый организмъ, совершенно тождественный съ первымъ. У низшихъ *многоклѣточныхъ* животныхъ и у растеній начинается специализація клѣтокъ и способность возстановленія понижается; наконецъ, въ животномъ, гдѣ раздѣленіе труда клѣтокъ всего рѣзче, возобновленіе разрушенныхъ частей совсѣмъ ослабѣваетъ. отдѣльныя клѣтки, приспособленныя къ мельчайшимъ цѣлямъ, утрачиваютъ общую цѣль жизни творчество ихъ изсякаетъ, они мертвѣютъ, а съ нимъ мертвѣетъ и все тѣло. Организмъ умираетъ, постепенно превращается въ механизмъ, въ машину: все отличіе послѣдней отъ живого тѣла въ томъ, что она состоитъ изъ мертвыхъ частичекъ, не способныхъ возстановляться.

Такъ объясняется старость и смерть организма. Если общество, выработавшееся въ организмъ, продолжаетъ специализироваться, оно должно знать грозящую ему участь насилуя своихъ членовъ, вливая ихъ души, чтобы создать свою, общество подготовляетъ себѣ и имъ гибель. Таково конечное развитіе всѣхъ городскихъ культуръ, начиная съ древняго Вавилона Стихія народная

сторонится отъ этой опасной формы общества, она ищетъ такой культуры, гдѣ общество было-бы слабо организовано и не душило живой человѣческой личности, гдѣ каждый человѣкъ имѣлъ-бы свой маленькій престолъ въ жизни, свой болѣе или менѣе независимый удѣлъ. Современная общественность, страдая переразвитіемъ въ политикѣ и промышленности, явно стремится къ механическому идеалу она слишкомъ подчиняетъ человѣка обществу Человѣкъ не только омашинивается въ своей профессіи, но и до крайности запутывается въ партійныхъ раздѣленіяхъ· зажатый въ той или иной толпѣ, онъ можетъ не знать и не любить окружающихъ, но шелохнуться не можетъ. Человѣкъ теряетъ въ сложномъ обществѣ всякую свободу, сливая свою волю съ нѣкоей общей, ему чуждой. Всего рѣзче выражено это въ странахъ Востока, но и Западъ, переживающій послѣ переворота свою вторую юность, стремится къ восточному типу культуры. Для свободы личности (коренное условіе счастья) нужно, чтобы общество было по возможности просто, чтобы личность создавала общество, а не сама имъ создавалась. Огромное большинство современныхъ «общественныхъ интересовъ», требующихъ дѣйствительно крайне сложной организаціи, явилось искусственно, въ силу омертвѣнія личности и потери ею собственнаго творчества. Вообразите идеальное общество, гдѣ человѣкъ *живъ* душою: тамъ становятся излишними многія самыя серьезныя общественныя функціи Идеальному обществу (напримѣръ, древнимъ христіанамъ) не нужно войска, такъ какъ у добрыхъ людей не можетъ быть враговъ,—не нуженъ судъ, такъ какъ каждый человѣкъ самъ свой неусыпный судья и первый стремится исправить свою ошибку или грѣхъ, въ идеальномъ обществѣ не нужна та насильственная взаимопомощь, которая осуществляется теперь посредствомъ податей и налоговъ· каждый истинно-живой человѣкъ самъ спѣшитъ на помощь туда, гдѣ замѣтитъ въ ней ну-

жду. Въ такой маленькой общинѣ, въ кругу друзей, безъ участія государства, строются пріюты, больницы, школы, библіотеки, ибо «у всѣхъ одно тѣло и одна душа». Необходимость крайне сложнаго и тяжелаго общественнаго организма съ цѣлыми архивами законовъ, предусматривающихъ,—точнѣе, пытающихся предусмотрѣть каждый шагъ личности, съ арміями чиновниковъ, сословіями, корпораціями, дорогими учрежденіями—эта необходимость явилась лишь тогда, когда отдѣльная личность оказалась ненадежной, когда ея власть надъ собой, ея совѣсть изсякла. Такъ какъ безъ правды жить нельзя, то люди и создали государство въ видѣ постороннеи совѣсти, которая принуждала бы каждаго дѣлать то, что онъ обязанъ дѣлать по доброй волѣ. Но въ итогѣ исторической жизни оказалось, что совѣсть—предметъ неотдѣлимый отъ человѣка, что никакая внѣшняя организація не можетъ вполнѣ замѣнить ее, разъ она исчезла въ отдѣльныхъ людяхъ. Современное государство въ наиболѣе развитыхъ странахъ Запада оказывается безсильнымъ въ своихъ основныхъ функціяхъ. Въ верховномъ святилищѣ законовъ самой передовой и гордой изъ культурныхъ странъ, гдѣ употреблено столько усилій, чтобы законъ былъ лучшею совѣстью народа,—явился человѣкъ съ динамитной бомбой и бросилъ ее въ законодателей. Никакое государство—до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ—не въ силахъ вполнѣ обезпечить людямъ безопасность и оградить ихъ отъ злой воли другъ друга. Поводы и способы зла безчисленны. Современная культура вооружаетъ злую волю всѣми средствами знанія, и за всякимъ злымъ умысломъ усмѣлить нельзя. Да и въ какую тюрьму обратилась-бы жизнь, если-бы къ каждому члену общества приставить по полицейскому чину (да и гдѣ взять такую армію чиновъ, которые тоже люди, способные на зло). Поэтому всѣ мудрые правители, съ глубокой древности, знали тщету законовъ, писанныхъ только на бумагѣ, а не въ сердцѣ человѣка: они не столько заботились о сочи-

нении и кодификации законовъ, сколько объ улучшеніи нравовъ, усиленіи чувства долга, нравственнаго сознанія въ гражданахъ, о возстановленіи въ каждой отдѣльной душѣ ея совѣсти, ея высшей власти надъ собою. Въ подъемѣ личности, въ развитіи способности ея управлять собою — цѣль государственнаго воспитанія; идеалъ закона — упраздненіе закона за ненадобностью. Но этотъ идеалъ отрицается самою природою городской культуры, гдѣ живая душа человѣка порабощена механическому идолу—толпѣ. Только въ деревнѣ, на просторѣ и въ тишинѣ природы, при органическомъ сростаніи съ землею, при культурѣ бѣдной и скромной, возможно возстановленіе души человѣка и ея власти.

IV.

Я говорю не о современной русской деревнѣ: она далека, конечно, отъ истинной, живой культуры. Нынѣшняя деревня уже не та старинная деревня, которая напоминала библейскія времена по простотѣ и строгости жизни. Развѣ только въ глуши, гдѣ-нибудь въ раскольничьихъ селахъ, въ дальнихъ лѣсныхъ поселкахъ или въ степныхъ станицахъ можно встрѣтить еще первобытную чистоту нравовъ, глубокую религіозность, нравственную дисциплину и поэзію, неизмѣнно сопутствующія цѣломудренной жизни. Нынѣшняя деревня большею частью уже отравлена проказою городской культуры, раззорена и развращена въ ней, какъ и въ старину, нѣтъ еще школы и церкви, но уже есть кабакъ или нѣсколько кабаковъ, часто трактиръ, есть лавочки съ помадой и одеколономъ, есть гуляющія бабы, живущія отъ мимолетныхъ связей. Деревенскій парень, потолкавшійся нѣсколько лѣтъ въ Питерѣ или Москвѣ, не признаетъ уже ни постовъ, ни молитвы («вѣдь господа умнѣе насъ»—не постятся и не молятся); онъ, какъ и дѣдъ его не заглядываетъ въ Евангеліе, но въ карманѣ его найдется колода картъ, а то пачка скабрезныхъ «фотографій». Съ папироской въ зубахъ, деревенская барышня,

прошедшая городскую «образованность», завивает себѣ капульчикъ на лбу и пытается ходить подъ зонтикомъ. Воображеніе ея засорено пошлостью любовныхъ куплетовъ, чувство стыдливости, семейности, сладкой мечты о домашнемъ уголкѣ исчезло· вытравленіе плода, сифилисъ, пьянство среди женщинъ дѣлаются явленіемъ слишкомъ частымъ...

На этомъ, какъ ни больно, стоитъ остановиться, чтобы уразумѣть зловѣщее значеніе городской культуры для счастья. Нога въ ногу съ раззореніемъ русской природы, съ истребленіемъ широкошумныхъ, величественныхъ лѣсовъ съ ихъ пернатыми хорами шло и раззореніе души народной: истребленіе хотя и дремучихъ, темныхъ, но полныхъ живой поэзіи обычаевъ и настроеній. Конечно, въ чащѣ лѣсной водились дикіе звѣри, иногда огромные и страшные; съ истребленіемъ лѣсовъ исчезли и эти великаны, но зато неимовѣрно размножились еще болѣе вредныя, хотя и мелкія насѣкомыя. Съ истребленіемъ народныхъ суевѣрій, т. е. точнѣе, народной поэзіи, — до извѣстной степени смягчились нравы. слишкомъ бурные и грозные характеры повыродились — для прежняго разбойничества, напримѣръ, уже не найдешь натуръ, — но крупно-жестокіе нравы смѣнились мелочно-жестокими. Быть можетъ, если продолжить сравненіе, вмѣстѣ съ старинным народнымъ міросозерцаніемъ исчезли не только крупные пороки, но и крупныя добродѣтели, какъ вмѣстѣ съ медвѣдями исчезли и крупныя мирныя животныя. Несомнѣнно, въ старину водились сильные характеры, самоотверженные, героическіе,—стоитъ вспомнить расколъ или казачество. Нынче о такихъ характерахъ что-то мало слышно: при теперешней сравнительной гласности они сейчасъ-же обнаружились-бы. Гораздо замѣтнѣе нравственное народное измельчаніе, можетъ быть, только временное. Ужь слишкомъ замѣтно много въ народѣ слабыхъ, неустойчивыхъ, быстро поддающихся пьянству и распутству, слишкомъ

горячій порывъ къ дешевой городской роскоши, спѣшкомъ поспѣшная готовность разстаться съ вѣрой прадѣдовъ и промѣнять ее на веселенькое безвѣріе. Крестьянская молодежь безъ сожалѣнія покидаетъ не только древнюю одежду, утварь, типъ жилищъ и т. п., но и древнюю поэзію, древній языкъ, ужъ никто не скажетъ больше какъ при Петрѣ—«рѣжь мою голову, не дамъ мою бороду»; современный молодой крестьянинъ только и мечтаетъ что о ливреѣ швейцара или фракѣ лакея Все это, мнѣ кажется, очень печальные признаки: признаки психическаго вырожденія, разваливанья характеровъ. Какъ-бы ни было дико и мрачно свое родное (а въ нашемъ *народѣ* оно вовсе не было такъ ужъ дико и такъ мрачно), все-же сильная душа крѣпко любитъ это родное и дешево не продастъ его: продастъ за что-нибудь великое, а не за лакейскую ливрею. Сильная душа, восчувствовавшая грѣхи родины—свои грѣхи—начинаетъ ихъ страстно ненавидѣть, т. е. любить униженныя грѣхами идеалъ, и эта любовь-ненависть выражается въ какомъ-либо новомъ могучемъ явленіи. У насъ этого незамѣтно: большая часть крестьянства жалко поддается соблазну, какъ дикари за бусы и водку, мужики и бабы готовы продать все самое завѣтное. Есть, конечно, и сильныя, устойчивыя натуры (даже въ большемъ числѣ, нежели среди интеллигенціи), но они огажены городскимъ вліяніемъ. Вмѣсто того, чтобы «силу всю души великую» направить на какое-нибудь благородное, святое дѣло, на спасеніе слабыхъ, на устройство лучшей жизни, — деревенскіе сильные люди почти поголовно превращаются въ міроѣдовъ, кулаковъ, доканчивающихъ гибель погибающихъ. Всѣ эти сильные, часто съ неукротимой энергіей, имѣютъ разоренную совѣсть и уже тянутся къ городамъ, къ социальной и политической власти, къ суетѣ и порокамъ горожанъ. Міроѣдъ—потомственный мужикъ—ненавидитъ свое мужицкое происхожденіе и презираетъ народъ; онъ готовъ предать его за одинъ палецъ руки, протянутый городомъ.

V.

Разореніе старой души народной идетъ нога въ ногу съ стремительнымъ ростомъ городовъ и развитіемъ сообщеній. Простонародье всюду, вслѣдствіе безземелья и воинской повинности, вынуждено или переселяться въ города, или проходить чрезъ нихъ почти всею массою молодежи. Цѣлыя арміи рабочихъ, плотниковъ, каменьщиковъ, штукатуровъ, маляровъ, извощиковъ, разнощиковъ, дворниковъ, лакеевъ, купцовъ, приказчиковъ, кухарокъ, нянекъ, горничныхъ, швей и пр. и пр., вынуждены проживать въ городахъ болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Почти три четверти населенія столицъ—крестьяне Свѣжая кровь народная притекаетъ къ городамъ, неся съ собою кислородъ лѣсовъ, и въ городскихъ подвалахъ и чердакахъ разлагается, насыщается душевной грязью и въ виду мутнаго, венознаго потока возвращается въ деревню, неся заразу порочныхъ привычекъ, пьянства, сифилиса въ самое сердце природы. Чѣмъ встрѣчаетъ городъ деревенскаго варвара, патріархальнаго и простодушнаго? Въ лучшемъ случаѣ его ожидаетъ фабрика и казарма—два народныхъ «института», двѣ школы, ужасно дорого обходящихся народу. Еще казарма менѣе опасна; проникнутый дисциплиной строй казарменной жизни имѣетъ надъ собою нравственный надзоръ; самый трудъ казарменный — безпрерывная гимнастика на свѣжемъ воздухѣ—сравнительно безвреденъ. Въ общемъ на многія неустойчивыя натуры правильный солдатскій режимъ дѣйствуетъ иногда укрѣпляюще. Но все-же огромное, искусственное скопленіе молодежи, едва вышедшей изъ юношескаго возраста, въ опасномъ періодѣ полового созрѣванія, молодежи, не установившейся, не имѣющей жизненнаго опыта, повергаетъ ее всей свободѣ порока внѣ казармы. Утомительная монотонная служба, отвычка отъ производительной работы, тоска по родинѣ и новизна впечатлѣній тянутъ солдата за стѣны казармы, и тутъ

его, какъ и рабочаго, принимаютъ въ объятія кабаки и притоны. Городъ прикасается къ деревенской эмиграціи не университетами, не библіотеками, не музеями, а кабаками да публичными домами. До сихъ поръ иныхъ народныхъ развлеченій почти не существуетъ. Даже единственныя доступныя народу нравственныя учрежденія—храмы—закрыты именно въ то время, когда создать ихъ рабочіе гуляютъ, тогда-какъ десятки и сотни опьяняющихъ и другихъ вертеповъ открыты. Черезъ эту школу подонковъ, послѣдними курсами которой нерѣдко является участокъ, острогъ, сифилитическая больница проходитъ огромное большинство народной молодежи, стремящейся въ городъ какъ въ какую-то Колхиду. Для развращенія народа сама собою сложилась прочная и стройная система «учрежденій», самая могущественная коммерческая организація, дѣлающая обороты на многія сотни милліоновъ рублей въ годъ (ежедневно русскій народъ пропиваетъ по крайней мѣрѣ по милліону рублей),—тогда какъ организація просвѣтительныхъ и нравственныхъ учрежденій едва въ зародышѣ и развивается крайне медленно. Но если-бы какимъ-нибудь чудомъ и появились эти добрыя учрежденія, они принесли-бы немного пользы въ самомъ существѣ городской работы, и черной, и интеллигентной лежитъ разлагающее начало. Отхожіе промыслы, о развитіи которыхъ такъ ратуютъ другіе публицисты, явленіе опасное для народной жизни. Они систематически развращаютъ населеніе, разстраиваютъ ткань семейной, патріархальной культуры, создаютъ бродячій, деморализованный классъ, потерявшій подъ собою почву. Фабрики, гдѣ пристроился этотъ классъ, давно признаны какъ центры гніенія народа. Около фабрикъ уже и теперь, едва лишь мы вступили въ фабричный періодъ, народъ начинаетъ вырождаться, давая поколѣнія чахлыя, больныя, зараженныя сифилисомъ, алкоголизмомъ, страдающія переутомленіемъ. Несомнѣнно, что мы не застрахованы ни въ малой степени отъ тѣхъ соціальныхъ затрудненій, какія

выдвигаетъ на Западѣ рабочій вопросъ, вѣдь у насъ столько приложено труда начиная съ Петра I-го, для насажденія промышленности и капитализма. Западъ несравненно сильнѣе насъ, но и его жизнь до-нельзя разстроена торжествомъ городской культуры, крайней соціальной неравномѣрностью, отсутствіемъ общественнаго равновѣсія. Города превратились въ какія-то чудовищныя пирамиды богатства, но какъ пирамиды, они требуютъ египетской работы цѣлыхъ поколѣній и въ концѣ концовъ являются могилами своихъ виновниковъ.

VI.

Нынче столько говорятъ объ анархіи, трепещутъ этого новаго дракона, выползающаго изъ городскихъ подземелій. И я думаю, что на Западѣ нѣтъ явленія болѣе страшнаго по своей злобѣ и безумію. Гордый и роскошный Западъ, помѣшанный на своемъ величіи, вдругъ видитъ подъ своими ногами развергающійся адъ. Тупые буржуазные публицисты не теряютъ надежды, что анархія—не больше какъ секта, временное наваожденіе, и достаточно противъ бомбы выставить гильотину, чтобы кошмаръ скрылся. Но я думаю, это пониманіе грядущаго ужаса—слишкомъ мелкое. На самомъ дѣлѣ явленіе анархіи гораздо серьезнѣе и гнѣздится глубже, чѣмъ кажется, она—не наносная сыпь, а «конституціонная болѣзнь» всего западнаго строя, всей городской разошедшейся съ природою культуры. Анархія, какъ разрушеніе элементарныхъ *основъ:* свободы, собственности, семьи, общественности, вѣры въ Бога—кроется *въ самой формулѣ* жизни Запада. Человѣкъ (въ крайнемъ развитіи этой формулы) превращается въ машину, въ фабричнаго раба, народъ—въ стадо бездомныхъ нищихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какая-же у парижскаго, напримѣръ, рабочаго «семья»? Не выше, чѣмъ у обезьянъ, и даже ниже. Каждая обезьяна у себя въ лѣсу въ состояніи

имѣть дѣтей, ощущать лучшую на свѣтѣ радость—возиться съ крошечными существами, такъ забавно на нее похожими. Рабочи «конца вѣка» очень часто уже лишонъ этои радости: вмѣсто жены у него проститутка, дѣтеи не полагается или они забрасываются въ воспитательные дома. А если и не забрасываются, то гніютъ въ подвалахъ, заморенные, желтые. Гуляя по тротуару, загляните въ низенькія оконца вровень съ мостовои: часто вы увидите тамъ крохотную дѣтскую головку у вашихъ ногъ, тянущуюся къ свѣту какъ жалкии бѣдныи отросточекъ; надъ этои грязной и больнои головкои поднимается громада пяти этажей, какъ-бы придавливающая всею тяжестью это маленькое существо. «Семья» въ подвалѣ, семья въ углу, тѣснящаяся около одной грязной кровати... «Къ коечнику, разсказываетъ одинъ наблюдатель дома, гдѣ ютится голь,—къ коечнику зачастую приходитъ ночевать жена, или женщину, снимающую ничѣмъ не отгороженныи, незавѣшенныи уголъ, навѣщаетъ ея сожитель. Беременная родитъ тутъ-же, на глазахъ всѣхъ, при самои суровои обстановкѣ. На работу она ходитъ почти до самыхъ родовъ; докторская, акушерская помощь ей совершенно недоступна... И въ этои трущобѣ однихъ дѣтеи живетъ около 240». Возможна-ли при такихъ условіяхъ жизни семья, эта крѣпчайшая изъ основъ общества?

Не въ лучшемъ положеніи и другія *основы*, напримѣръ собственность. Какая у рабочаго собственность? То, что онъ дѣлаетъ, все сплошь чужое, какъ и то, что онъ ѣстъ. Предокъ этого раба, крестьянинъ на землѣ, хотя-бы самыи бѣдныи, имѣлъ недвижимое хозяйство, имѣлъ маленькую территорію, гдѣ пользовался самодержавными правами: самъ создавалъ для себя законы труда и добровольно ихъ выполнялъ, самъ рѣшалъ судьбу своего крохотнаго царства, и имѣя свое поле, хату, колодецъ, лошади, скотъ, бороны, сохи—все *свое* и самимъ созданное, этотъ бѣднякъ чувствовалъ себя владѣтельною особои, «воево-

дой на своемъ огородѣ», по польской пословицѣ. Нето фабричный, у котораго все чужое городъ: гдѣ онъ живетъ, фабрика, станокъ, сверло, матеріалъ для работы, цѣль работы, рисунокъ, планъ, количество и качество его—все постороннее, не имъ выбранное, ему лично не милое и не нужное. Онъ дѣлаетъ, что прикажутъ и какъ прикажутъ, и трудъ его сейчасъ же исчезаетъ у него изъ глазъ навсегда. Живетъ рабочій не «дома» (гдѣ онъ, этотъ «отчій домъ», преданіе старой поэзіи?),—а живетъ на «квартирѣ», т. е. въ чужомъ помѣщеніи, гдѣ онъ не смѣетъ вбить лишняго гвоздя и откуда его могутъ завтра выселить. Даже птица имѣетъ *свое* гнѣздо, звѣрь—*свою* нору, рабочій-же незнаетъ, что такое *свое* жилище; ему и въ отдаленной степени незнакомо счастье чувствовать себя въ *своей* хатѣ, гордость англичанина, говорящаго «my house—my castle». Вся обстановка, утварь и одежда рабочаго приготовлены не имъ самимъ, какъ бывало когда-то въ деревнѣ, и хотя онъ ихъ потребляетъ, но уже не чувствуетъ той душевной близости къ нимъ, какъ человѣкъ, самъ для себя сотворившій эти вещи или видѣвшій ихъ созданіе руками милыхъ и близкихъ существъ жены, ткавшей полотно, дочери, прявшей нити для полотна, и т. д. Инстинктъ собственности въ его чистой, благородной формѣ, доступенъ только человѣку, выдѣлывающему предметы собственности для себя, а не покупающему ихъ за деньги,—человѣку, который самъ задумалъ бытіе вещи, самъ собралъ нужные элементы ея и вдунулъ часть своего духа въ безформенный хаосъ. Кусокъ хлѣба изъ ржи, которую самъ засѣялъ, сжалъ, свезъ, обмолотилъ, смололъ, испекъ, кажется совсѣмъ не тѣмъ, какъ если купить его въ лавочкѣ, и сапоги, сшитые самимъ, не то что купленные въ магазинѣ, и книга, написанная самимъ не то, что купленная за деньги, и пьеса, сыгранная самимъ, не то, что услышанная изъ чужихъ рукъ. Только та вещь истинно *своя*, въ которую вложена часть самого

себя, купить-же такой вещи нельзя. Городскіе классы — и рабочіе и иные (въ сущности—всѣ рабочіе)—сами не производятъ вещей для себя и не испытываютъ счастья настоящей собственности. Ихъ чувство владѣнія вещью холодно, не родственно, безсердечно, оно, въ сущности, безнравственно, какъ всякая холодная связь По этой причинѣ городской человѣкъ равнодушно мѣняетъ одну износившуюся вещь на другую, мѣняетъ квартиру, одежду, мебель и т. п., хотя-бы они были роскошны сами по себѣ,—тогда какъ мужику сердечно жаль своей курной избы, хотя-бы и съ ея сажей и тараканами; онъ самъ или отецъ его построилъ хату, вырубилъ лавки и полати, сложилъ печь; онъ выросъ въ хатѣ какъ *своей* и она сдѣлалась частью его существа. Вотъ это чувство собственности настоящее, какъ одна изъ *основъ* счастья, и его лишонъ человѣкъ городской культуры.

Въ условіяхъ городской культуры отмираетъ и сама *общественность*. Истинная общественность есть живое, дружеское, свободное общеніе членовъ данной группы, гдѣ каждый—par inter pares, гдѣ все основано на внутреннемъ, ненасильственномъ согласіи. Деревенскія культуры, о которыхъ я упоминалъ, нѣкоторыя религіозныя общины, колоніи и т. п., наконецъ наша сельская община, гдѣ она не испорчена, давали образцы истинной общественности. Не то въ городской культурѣ съ ея общественнымъ переразвитіемъ и порабощеніемъ отдѣльныхъ членовъ. Живая общественность держится на нравственномъ единеніи, а городская жизнь ведетъ къ нравственному разрыву· возможна-ли любовь, гдѣ все основано на конкурренціи, гдѣ связью служитъ кредитный знакъ? Въ городѣ нѣтъ взаимнаго обмѣна услугъ, а есть обмѣнъ лишь денегъ, безъ всякаго признака душевнаго проникновенія въ интересы другъ друга. Городская жизнь развиваетъ страшный эгоизмъ, жажду наживы, которая и въ отдѣльныхъ людяхъ, и въ цѣлыхъ сословіяхъ, и даже въ народахъ, гдѣ городъ возобла-

далъ—переходитъ въ манію. Такъ пастушескія племена Ханаана, высѣвшись къ морю, въ города, превратились въ торговый народъ, который, какъ и всѣ торговые народы, жилъ недолго.

Не въ меньшей мѣрѣ городская культура истощаетъ и умственную силу расы, какъ я уже замѣтилъ выше. Городскіе классы потому лишь кажутся умнѣе деревенскихъ, что они—сливки изъ народа и доживаютъ остатки своей деревенской интеллигентности. На самомъ-же дѣлѣ городская мертвая, монотонная суета убійственно дѣйствуетъ на душу и держитъ горожанина въ грубѣйшемъ невѣжествѣ относительно міровой жизни. Даже дикарь работаетъ мозгомъ больше, чѣмъ фабричный или мелкій конторщикъ. Дикарю, чтобы обезпечить себѣ дневное пропитаніе, необходимо постоянно напрягать все свое вниманіе, изощрять изобрѣтательность, хитрость, ловкость. То-же и земледѣлецъ: несмотря на кажущуюся простоту его труда, онъ вынужденъ постоянно упражнять свое соображеніе, причемъ надъ нимъ дѣйствуетъ непрерывный контроль природы: каждая невѣрная мысль тотчасъ-же сказывается очевидною ошибкой, которая непремѣнно должна быть исправлена: огромное преимущество, напримѣръ, предъ «интеллигентной» работой, гдѣ невѣрная мысль или даже ихъ нагроможденіе не имѣютъ реальной провѣрки, такъ что иногда чудовищные результаты трудно опровергнуть: онъ логиченъ. Постоянный надзоръ природы надъ мыслью варвара заставляетъ его быть разсудительнымъ и трезвымъ и пріучаетъ употреблять въ дѣло только зрѣлыя, надежныя соображенія, согласованныя съ натурою вещей. Вотъ этого-то разнообразія мозговой дѣятельности, разносторонней гимнастики духа и нѣтъ въ условіяхъ городской работы: именно самыя-то дорогія, творческія способности и не упражняются, а практикуется какая-либо одна, механическая. Чтобы обтачивать винтикъ или переписывать бумагу нужно меньше ума, чѣмъ у обезьяны, и весь избытокъ души, за ненужностью, отмираетъ.

Перейдемъ къ высочайшей *основѣ* счастья: вѣрѣ въ Бога. Я совсѣмъ не понимаю полнаго безвѣрія, которымъ хвастаютъ на Западѣ (и у насъ) милліоны людей, и хвастаютъ едва-ли искренне. Я допускаю сомнѣніе въ томъ или иномъ культѣ, въ способахъ богообщенія, но навсегда отречься отъ самой надежды на Міровой Смыслъ,—этого я не могу вмѣстить. Я думаю, что истинная вѣра, самимъ человѣкомъ изъ нѣдръ души своей созданная, составляетъ завершеніе земного счастья, преображеніе личной жизни во всеобщую, вѣчную. Обезпечено-ли это высшее благо въ городской культурѣ? Вѣра въ Бога можетъ держаться лишь тамъ, гдѣ человѣкъ не покидаетъ великаго храма Божьяго — Природы, гдѣ онъ всегда находится въ обаяніи неразгаданныхъ чудесъ, въ наитіи вѣчныхъ картинъ ея; вѣра крѣпка лишь тамъ, гдѣ въ судьбу человѣка входятъ воля солнца, неба, воды и вѣтра, жизнь животныхъ и растеній, участіе всѣхъ стихій и тайнъ міра. Вѣра въ Бога возможна лишь тамъ, гдѣ человѣкъ прикасается къ Нему ежемгновенно, гдѣ человѣкъ—духовно могучъ, свободенъ и равенъ окружающимъ братьямъ, — гдѣ онъ, въ силу собственности, не рабъ, гдѣ онъ, какъ библейскій патріархъ, чувствуетъ себя достойнымъ говорить съ Богомъ. Вѣра—явленіе деревенское; всѣ истинныя религіи зародились въ деревнѣ, въ пустыняхъ, въ нѣдрахъ простого, неиспорченнаго народа: въ городахъ процвѣтали только развратные культы, и въ нихъ даже истинныя религіи теряли свою первобытную чистоту, мертвѣли. Въ деревнѣ живая душа полна вѣры, какъ-бы льющейся съ неба, — нето на фабрикахъ, среди городскихъ, пыльныхъ улицъ, многоэтажныхъ домовъ и лѣса дымовыхъ трубъ. Рабочій никогда не видитъ ни солнца, ни звѣздъ, ни молніи, не слышитъ вѣтра, не слышитъ даже громовъ небесныхъ за грохотомъ машинъ. Онъ видитъ кругомъ себя только стѣны и станки, стачки и стѣны... Религіозное чувство не можетъ воспитываться среди лязга и шума машинъ,

на крошечномъ, однообразномъ какъ смерть дѣлѣ, на обтачиваніи булавочной головки или нарѣзѣ винтика. Земледѣлецъ — тотъ окруженъ безконечнымъ разнообразіемъ жизни, цѣлыми хорами явленій, сливающихся въ общій гимнъ. Крестьянинъ у своей сохи каждую минуту можетъ пасть на землю, какъ во храмѣ, предъ голубою, сверкающею вѣчностью и вознестись душою къ Господу. Природа располагаетъ къ молитвѣ,— него фабрика, напоминающая адъ съ его огнемъ и грохотомъ. Парижскій рабочій живетъ безъ Бога: Провидѣніе для него—хозяинъ завода, молиться приходится старшему мастеру и ставить ему—не свѣчи, а стаканы водки. Человѣкъ на фабрикѣ весь въ рукахъ человѣка, который весь въ рукахъ своего старшаго и т. д., вплоть до главнаго хозяина, который весь въ рукахъ рынка или биржи, существа слѣпого и жаднаго, и какъ все мертвое — неумолимаго. Всѣ поставлены въ желѣзную зависимость другъ отъ друга, а не отъ Высшей воли. Эта крайняя связанность человѣка съ человѣкомъ, лишая всѣхъ свободы, лишаетъ и вѣры, дѣлающейся призрачней.

Вы видите, что въ самомъ существѣ городской культуры лежатъ вліянія, подтачивающія «собственность», «семью», «вѣру», всѣ *основы* истиннаго общества. Опасны безумцы, вооруженные бомбами, но еще опаснѣе жизнь, ихъ плодящая; не Равашоли анархизируютъ западное общество, а оно ихъ анархизируетъ. Несомнѣнно, сама западная культура—торгашеская, хищная, помѣшанная на наживѣ—подтачиваетъ основы вѣчнаго порядка жизни, вводитъ соціальный хаосъ, ведущій къ переутомленію и вырожденію цѣлыхъ классовъ общества — низшихъ и высшихъ одинаково. Сознаніе гибельности нѣкоторыхъ сторонъ этой культуры уже пробуждается и на нее указываютъ многіе серьезные мыслители. Необходимо всѣмъ людямъ вникнуть въ этотъ роковой процессъ, который истощаетъ самую почву счастья. Городская цивилизація еще все ростетъ, но кризисъ уже недалекъ: «близятся

сроки», дальше которыхъ не можетъ идти разрушительная работа. Въ острои болѣзни современнаго человѣчества должна наступить реакція. Я хочу вѣрить въ то, что когда-нибудь — и не въ отдаленномъ будущемъ—въ изнуренномъ человѣчествѣ среди каменныхъ стѣнъ загорится жгучая тоска по природѣ, покинутой когда-то матери,—вспыхнетъ влеченіе къ незапятнанному дымомъ небу, къ зеленому приволью полей, къ божественной тишинѣ тои природы, гдѣ когда-то совершилось зачатіе человѣка. Вся суета человѣческаго творенія міра покажется жалкой предъ вѣчнымъ творчествомъ Бога. Постепенно, захватывая лучшіе умы и сердца, возникнетъ поворотъ къ старой, истинной, ~~деревенской~~ *цивилизаціи*,—конечно, — съ новымъ содержаніемъ ея, но на древнихъ началахъ, которыя даны отъ вѣка. Самыя важныя и святыя права и тѣла и души требуютъ этого поворота, и я думаю, что это грядущее движеніе, какъ героическое, будетъ полно дивной поэзіи. Оно будетъ, можетъ быть, предвѣстіемъ наступленія царства правды, намъ обѣщаннаго.

Цивилизація.

I.

Мысль, что истинная цивилизація возможна только въ деревнѣ, многимъ покажется странной. Какая тамъ цивилизація! Въ деревнѣ вы потонете среди улицы, а въ избѣ васъ заѣдятъ насѣкомыя; деревня накормитъ васъ хлѣбомъ изъ березовой коры и напоитъ сивухой; она— если васъ тифъ схватитъ — накинетъ вамъ горшокъ на животъ и отправитъ долѣчиваться ad patres. Ѣхать въ деревню значитъ не искать цивилизаціи, а отказаться отъ нея, — отказаться отъ всего, что съ такимъ трудомъ и долгими вѣками завоевано человѣчествомъ: отъ комфорта, гдѣ въ каждую складку мебели, въ каждый рисунокъ паркета вложенъ столѣтіями накопленный вкусъ, отказаться отъ теплоты и свѣта, отъ сытости и досуга, отъ наслажденія науками и искусствами. Ѣхать изъ городовъ, гдѣ сосредоточены драгоцѣнныя галлереи, библіотеки, музеи, оперы, театры, школы, гдѣ душа человѣка вооружена всемогущими средствами знанія и чувства.. Нѣтъ! Это было-бы изгнаніемъ себя изъ цивилизаціи, добровольною ссылкою въ пустыню...

Такъ обыкновенно разсуждаютъ образованные люди, и разсуждаютъ невѣрно. Ѣхать въ деревню вовсе не значитъ обрекать себя ея теперешней крайней нищетѣ,

ся невѣжеству и грубости. Не только самый скромный достатокъ, но даже бѣдность избавляетъ васъ и отъ грязи среди улицы, и отъ насѣкомыхъ въ избѣ, и отъ пушного хлѣба. Нищета есть вовсе не органическое, а случайное явленіе деревни, она есть слѣдствіе нарушенія естественнаго строя деревенской жизни городскими воздѣйствіями. Поглядите, какъ зажиточны и опрятны нѣмецкія, голландскія, швейцарскія деревни — или хотя-бы наши сибирскія села, до которыхъ городъ еще не дошолъ, или селенія колонистовъ, которыя онъ обошолъ. Естественное состояніе деревни — зажиточность, никогда не переходящая ни въ нищету, ни въ богатство· богатства и ненужно, чтобы жить вполнѣ комфортабельной жизнью. Я думаю комфортъ — это не только троттуары, мягкіе диваны, газъ, водопроводъ и т. п., и если комфортъ даже это только, то вѣдь и въ деревняхъ все это возможно, и даже все это есть — въ зажиточныхъ заграничныхъ деревняхъ: тамъ мѣстами вы встрѣтите въ деревнѣ и телеграфъ, и телефонъ, и электрическое освѣщеніе при помощи силы сосѣдняго водопада, и почтовую контору, и магазины. Есть въ Америкѣ деревни даже съ своею газетой. Все, что въ городѣ есть цѣннаго, доступно и въ деревнѣ, но въ деревнѣ сверхъ того есть удобства недостижимыя въ городѣ. Чистый воздухъ — океанъ кислорода, льющагося вамъ въ грудь — развѣ это не комфортъ? Отсутствіе шума на улицѣ, ласкающая тишина садовъ и полей — развѣ это не комфортъ? Простота жизни, возможность одѣваться какъ угодно, не оскорбляя ничьего глаза—развѣ это не удобство? Переберите обстановку, одежду, пищу—всѣ основныя условія гигіены, и вы увидите, что въ деревнѣ несравненно легче ихъ осуществить, а иныя въ деревнѣ только и возможны.

Необходимѣйшее изъ условій комфорта—опрятность—въ деревнѣ еще доступнѣе, нежели въ городѣ. Комнату какого-нибудь школьнаго учителя съ его простою ме-

бѣлью можно освѣжить въ четверть часа такъ, что въ ней не будетъ и пылинки, а чего стоитъ выгнать пыль и моль изъ дорогихъ квартиръ, обитыхъ гобеленами или штофомъ, съ ихъ тяжелыми коврами, мягкими диванами, бархатными драпировками, картинами въ фигурныхъ рамахъ, статуями, статуэтками, вазами, цвѣтами! Какъ ни трудятся лакеи, каждое утро вытирая, метя, выколачивая, провѣтривая эти жилища—они какъ склепы полны пыли и затхлаго воздуха; дорогія матеріи и вещи—а въ такихъ квартирахъ всѣ вещи — художественныя произведенія — нельзя мыть еженедѣльно, какъ ситцевые чехлы въ квартирѣ священника: вычистить эти вещи часто значитъ ихъ испортить. Тоже и съ пищей: въ деревнѣ несравненно легче, чѣмъ въ городѣ имѣть свѣжую, не поддѣланную пищу, если, конечно, посчастливится въ деревнѣ осѣдло и завести правильное хозяйство. Тому, кто пріѣзжаетъ въ деревню въ качествѣ *чужого* ей и празднаго человѣка,— тому жить, конечно, труднѣе.

Деревенская цивилизація отличается тѣмъ, что состоитъ изъ благъ немногихъ, но необходимыхъ и легко доступныхъ, тогда какъ городская состоитъ изъ множества благъ искусственныхъ, условныхъ, ненужныхъ и доступныхъ лишь съ большимъ трудомъ. Роскошная лампа въ городѣ стоитъ годового заработка рабочаго, но солнце въ деревнѣ свѣтитъ даромъ (нето въ городѣ съ квартирами на «солнечной сторонѣ»). Роскошная картина стоитъ бюджета всей жизни крестьянина, но крестьянинъ имѣетъ еще болѣе роскошныя картины — въ самой природѣ — даромъ. Утонченный обѣдъ, съ дорогими винами, заморскими фруктами и проч. доступенъ очень немногимъ,—въ деревнѣ-же хлѣбъ и вода доступны всѣмъ (пока городъ не вырываетъ и ихъ у бѣдняка). Флаконъ духовъ съ наперстокъ величиной стоитъ цѣлой десятины, но всѣ благоуханія весны, вся чистота атмосферы даются крестьянину даромъ. Чего стоитъ пріобрѣсти горожанину такія блага, какъ богатство, извѣстность, титулъ и т. п.

Лишь немногіе цѣною часто жизни достигаютъ этихъ «благъ»,—мужику-же даромъ дается высшее изъ званій—*человѣческое*. Жизнь въ деревнѣ — пока ея не коснется городъ—естественно обезпечена во всемъ необходимомъ и свободна отъ ненужнаго.

— А красоту обстановки вы ни во что не цѣните? возразятъ мнѣ:—напримѣръ, картину Маккарта на стѣнѣ или какой-нибудь причудливый и драгоцѣнный фонарь, привезенный съ Востока?

Я лично, дѣйствительно, мало цѣню подобную «красоту»: къ ней очень быстро привыкаешь и затѣмъ уже не замѣчаешь ея. Но что-же намъ говорить о красотѣ обстановки; вѣдь бѣдный человѣкъ и въ городѣ лишонъ картинъ Маккарта, а тѣ, кто питаетъ манію къ ненужнымъ вещамъ и имѣютъ средства — заведутъ, конечно, ихъ и въ деревнѣ. Богатыя усадьбы наши хотя и стоятъ среди гнилыхъ избушекъ, крытыхъ соломой, но убраны не хуже дворцовъ. Пусть-бы говорили о наслажденіяхъ роскоши, наукъ и искусствъ люди наслѣдственно праздные, огромное-же большинство интеллигенціи и въ городѣ не пользуется этими наслажденіями: неначто и некогда. Опера, театръ — многіе-ли «наслаждаются» ими? Для этого нужны значительныя средства и свободное время; нужно часто посѣщать театры и сидѣть въ дорогихъ мѣстахъ, нужно изучать искусства и т. д. Тѣ образованные люди, которые имѣютъ непритворную страсть къ искусствамъ, конечно, и при скромныхъ средствахъ въ городѣ удовлетворяютъ эту страсть, но такихъ людей крайне мало, и они могутъ при тѣхъ-же средствахъ и въ деревнѣ насыщать себя искусствами.

Развѣ въ деревенской образованной семьѣ и теперь не занимаются музыкой, не рисуютъ, не устраиваютъ спектаклей? Домашніе спектакли нельзя давать часто, но тѣмъ они интереснѣе. При удачѣ домашній спектакль даетъ ничуть не меньше удовольствія, чѣмъ настоящая сцена. А если вы сами участвуете въ игрѣ, то никакой

театръ не дастъ вамъ подобной радости. — Въ деревнѣ невозможны великіе артисты, возразятъ мнѣ — Правда, но *великіе* артисты крайняя рѣдкость и въ городахъ: даже въ столицахъ они большая рѣдкость, и часто цѣлыя десятилѣтія проходятъ для сцены въ какихъ-то сумеркахъ, неосвѣщенныя ни однимъ яркимъ талантомъ. Надо замѣтить, что для большинства небогатой интеллигенціи великіе артисты и въ городахъ недоступны. Всѣ-ли петербуржцы слушали хоть разъ Мазини? Большинство слушали его разъ-два, т. е. все равно что вовсе его не слушали. Великіе артисты мало доступны не только для кармана, но и для души средне-образованнаго человѣка. Смотрѣть на нихъ гонитъ не притяженіе таланта, а чаще всего любопытство и тщеславіе, возможность сказать въ обществѣ: «Мы слушали Мазини».

Огромное большинство городской интеллигенціи хотя и толкуетъ о наслажденіяхъ искусства и науки, — говоритъ неправду: на самомъ дѣлѣ большинство совершенно равнодушно къ «сокровищамъ цивилизаціи», находящимся около нихъ. Начнемъ съ науки: многихъ-ли вы встрѣчали петербуржцевъ, изучающихъ, напримѣръ, химію въ часы досуга, изъ любви къ ней? А изучать ее очень удобно въ Петербургѣ: здѣсь живутъ знаменитые химики, есть прекрасныя лабораторіи, химическія и механическія лавки, химическая литература и т. д. Видали-ли вы любителей математики, исторіи, права—любой науки, кромѣ «науки страсти нѣжной, которую воспѣлъ Назонъ»? Если и видали, то до такой степени рѣдко, что не стоитъ и упоминать объ этомъ. Огромное большинство интеллигенціи ничего общаго не имѣетъ съ «наслажденіями науки»: насильственная школа на всю жизнь внушаетъ отвращеніе къ знанію, какъ къ скучной суши, и весь досугъ въ городахъ тратится исключительно на игру въ винтъ, на «свѣтскія развлеченія», и лишь изрѣдка на чтеніе дрянной беллетристики. Нигдѣ такъ мало не читаютъ, какъ въ столицахъ кромѣ спеціальныхъ

книжниковъ, «штудирующихъ» книжки по обязанности, огромное большинство довольствуется газетами и преимущественно — бульварными. Толстые журналы, серьезныя книги—ихъ обыкновенно только перелистываютъ, и ни читаютъ ужь очень излюбленныхъ авторовъ; прочесть журналъ или книгу отъ доски до доски, какъ бываетъ часто въ провинціи,—цѣлое событіе для петербуржца. Настоящіе, заправскіе читатели и теперь деревенскіе читатели: это вамъ скажутъ въ любой редакціи или книжномъ складѣ. Чтобы читать, нуженъ досугъ, уединеніе, тишина, отсутствіе иныхъ развлеченій — именно то, что есть въ деревнѣ и чего нѣтъ въ городѣ. Городской человѣкъ вѣчно занятъ, постоянно окруженъ обществомъ и шумомъ,—тысячи новостей раздергиваютъ его вниманіе и держатъ въ разсѣяніи — гдѣ тутъ сосредоточиться на серьезной книгѣ! Если и соберешься прочесть ее, чтеніе выходитъ болѣзненное, торопливое, похожее на спѣшно проглатываемый обѣдъ на станціи въ ожиданіи третьяго звонка. Зайдите въ публичную библіотеку,—она рѣдко бываетъ полна,—вы поразитесь, какъ мало столичная интеллигенція пользуется ея даровыми сокровищами. Сидятъ здѣсь все больше провинціалы, студенты, студентки, молодые ученые да писатели, учащіеся офицеры—народъ не «наслаждающійся» наукой, а работающій, «готовящійся». Встрѣтить какого-нибудь купца или чиновника въ часы досуга за рѣдкой книгой почти невозможно. Огромные, еще не вполнѣ разобранные, драгоцѣнные отдѣлы библіотеки совершенно пустуютъ; ими рѣшительно никто не пользуется, кромѣ крайне рѣдкихъ и случайныхъ посѣтителей изъ «готовящихся» ученыхъ. Не менѣе пустуютъ и богатыя спеціальныя библіотеки при нѣкоторыхъ министерствахъ: если-бы злой волшебникъ перенесъ потихоньку всѣ эти ученыя хранилища въ Камчатку, петербургская интеллигенція не хватилась-бы ихъ цѣлые годы... Столь-же пустуютъ и музеи, и даже картинныя галлереи. Еще въ зоологическій музей ходятъ кое-кто (преимущественно кухар-

ки) поглядѣть уродовъ, въ специально-же научные музеи почти никто не заглядываетъ, да они такъ и устроены, что о существованіи ихъ мало кто подозрѣваетъ Впрочемъ, какои-же интересъ и ходить въ музеи, разъ съ науками, которымъ они служатъ иллюстраціеи, не имѣешь ничего общаго? Музеи — та-же заграница, которой языка не понимаешь: это тѣло, почти лишенное для васъ души. Казалось-бы, художественныя коллекціи должны привлекать много зрителей, однако и онѣ пустуютъ. Вы можете встрѣтить образованныхъ людеи, живущихъ въ Петербургѣ долгіе годы и *ни разу* не бывшихъ въ Эрмитажѣ; большинство были разъ-два, т. е. хуже, чѣмъ если-бы вовсе не были тамъ, такъ-какъ вмѣсто отсутствія всякаго понятія объ Эрмитажѣ, они вынесли изъ него невѣрное понятіе. Изучить музеи—для этого потребны цѣлые мѣсяцы, если не годы, а одно-два посѣщенія даютъ хаосъ въ головѣ и головную боль. Другой «Эрмитажъ»—загородный ресторанъ—видитъ въ своихъ стѣнахъ въ десятки разъ больше образованныхъ людеи, чѣмъ созданіе Екатерины II. Вообще, «сокровища искусства» въ городахъ являются громкой фразой, самообманомъ. Жители столицъ столь-же легко обходятся безъ наукъ и искусствъ, какъ и жители губернскихъ городовъ, гдѣ нѣтъ ни университетовъ, ни лабораторіи, ни музеевъ. И это нетолько у насъ, а и во всемъ свѣтѣ. Провинціалъ стремится въ столицу, воображая встрѣтить не-вѣсть какія чудеса; по пріѣздѣ онъ быстро ихъ объѣзжаетъ и успокаивается. На самомъ дѣлѣ онъ ничего не увидѣлъ и не узналъ, кромѣ того развѣ, что и узнавать-то ему было нечего. Чудеса чаруютъ не всѣхъ, а лишь тѣхъ, кто способны очаровываться всѣмъ и всюду,—тѣхъ, кто встрѣчаетъ чудеса и въ глухои деревнѣ. Науки и искусства влекутъ къ себѣ заурядныхъ людей лишь издалека: вблизи для обыденнаго, внѣшняго зрѣнія все совершенно просто и неинтересно. Сторожъ сметаетъ пыль съ Венеры Милосскои столь-же равнодушно, какъ подметаетъ полъ. Горожане—

эти своего рода сторожа сокровищъ цивилизаціи—плохо пользуются ими не потому, что добра себѣ не желаютъ, а потому, что на самомъ дѣлѣ «сокровища» имъ ненужны; не въ силахъ утолить духовной жажды, такъ-какъ ея и нѣтъ вовсе. Чтобы «наслаждаться» какъ наукой, такъ и искусствомъ, нужны не они сами, а потребность въ нихъ, и совершенно невѣжественный человѣкъ, разъ онъ имѣетъ эту потребность, наслаждается и наукой, и искусствомъ хотя-бы среди лѣсовъ, имѣя въ своемъ распоряженіи лишь глаза и уши,—наслаждается болѣе, чѣмъ лишенный этой потребности профессоръ среди библіотекъ и музеевъ. Наслажденіе умственное требуетъ собственнаго творчества, и безъ него невозможно.

II

Обширные музеи, библіотеки, галлереи, эти пакгаузы наукъ и искусствъ, сами по себѣ даютъ столь-же ограниченное счастье, какъ и обширные склады, напримѣръ, пищевыхъ продуктовъ для человѣка, чувствующаго голодъ. Громаднѣйшіе запасы пищи нужны голодному небольше, чѣмъ три фунта ея. Тотъ-же самый законъ дѣйствуетъ и въ области психическаго аппетита: для здороваго насыщенія въ обоихъ случаяхъ нужно немного пищи, причемъ пригодна пища самая простая, и даже простая есть самая здоровая. Что-то неестественное и странное чувствуется въ этихъ огромныхъ коллекціяхъ, какою-то чуждою вамъ волею собранныхъ, вы всегда теряетесь среди нихъ, всегда измучиваетесь въ желаніи овладѣть этой массой сокровищъ, и всегда они васъ одолѣваютъ. Одинъ видъ этого страшнаго изобилія пресыщаетъ; уже достаточно взглянуть на безконечную амфиладу комнатъ, заставленныхъ рѣдкими предметами искусства или книгами, чтобы почувствовать переутомленіе. Вы идете въ складъ искусства или науки съ творческимъ вниманіемъ, имѣющимъ ограниченную вмѣстимость, а тутъ въ него вторгается цѣлый

вихрь впечатлѣній, сырыхъ, требующихъ переработки. Даже медленное, систематическое изученіе этихъ сокровищъ не проходитъ безслѣдно: большинство библіотекарей, ученыхъ архиваріусовъ, консерваторовъ музеевъ имѣютъ характерный видъ людей рутинныхъ, какъ-бы пришибленныхъ; ихъ личное творчество залито потопомъ чужихъ знаній, влаги благотворной, но лишь въ нѣкоторомъ ограниченномъ количествѣ, какъ вода для сѣмянъ въ почвѣ. Поэтому, слишкомъ большія хранилища науки и искусства въ столицахъ вовсе не составляютъ преимущества культурной жизни. Всякія коллекціи только тогда имѣютъ смыслъ, когда собраны вами самими, и въ этомъ случаѣ даже маленькій подборъ мыслей, фактовъ, предметовъ природы или искусства дастъ несравненно больше счастія и больше пользы, чѣмъ огромное скопище тѣхъ-же вещей, но не вами собранныхъ. Когда вы собираете коллекцію сами, вы влагаете въ нее свое творчество, свой замыселъ, каждый цвѣтокъ или минералъ напоминаютъ вамъ счастливый часъ ихъ находки. Собирая такія маленькія домашнія коллекціи, во время прогулокъ съ дѣтьми или съ друзьями, вы учитесь, мыслите и живете съ природой и все идейное содержаніе коллекціи внѣдряете въ себя. Каждая деревенская семья можетъ имѣть свой небольшой музей, какъ память о своей научной жизни, какъ повторительную школу для освѣженія знаній. Эти маленькіе музеи связаны съ вами органически и живутъ съ вами, тогда какъ огромные склады чужихъ вещей для васъ мертвы и чужды. Конечно, живя въ деревнѣ, трудно подобрать, напримѣръ, коллекцію старыхъ монетъ, почтовыхъ марокъ всего свѣта или коллекцію мундштуковъ, но что касается вещей не столь нелѣпыхъ, дѣйствительно научныхъ или художественныхъ, — ихъ нетолько не трудно собирать въ деревнѣ, но даже легче, чѣмъ въ городѣ. Попробуйте собрать, живя въ городѣ, гербарій, подборъ минераловъ, насѣкомыхъ и т. п. Вамъ придется ѣхать для этого въ деревню.

Что касается коллекціи искусства, то если у васъ есть средства, эти коллекціи и въ деревнѣ столь-же возможны, какъ и въ городѣ, но, я думаю, онѣ ненужны ни тамъ, ни здѣсь. Великія произведенія дороги, что касается посредственныхъ картинъ и статуй, то онѣ—если есть потребность—должны производиться въ каждой семьѣ. Мы привыкли думать, что науки и художества доступны только особымъ «жрецамъ» и что только «жрецы» могутъ насъ снабжать своимъ пониманіемъ природы. Это самое печальное суевѣріе. Каждый средній человѣкъ способенъ написать недурную картину, вылѣпить статую и т. п. Если онъ не умѣетъ, пусть поучится. Въ ряду поколѣній могутъ встрѣтиться и настоящіе таланты. Образчики этого семейнаго мастерства, картины отца или дѣда, статуэтки сестры или матери имѣли-бы для семьи кромѣ художественной и иную цѣнность—какъ память о жизни милыхъ родныхъ, какъ образъ родной природы, отразившійся въ ихъ душѣ.

Богачи-любители, собирая коллекціи лучшихъ образцовъ искусства и запирая ихъ въ недоступныя ни для кого галлереи, въ сущности похищаютъ эти перлы у общества, извлекаютъ изъ народнаго обращенія умственный капиталъ. Заточенныя, никѣмъ кромѣ сторожей невидимыя, никому не дающія счастья великія произведенія заживо похоронены; они реально не существуютъ для общества. Художники, къ сожалѣнію, охотно подвергаютъ своихъ дѣтищъ этой своего рода «политической смерти». они нетолько продаютъ свои лучшія вещи коллекціонерамъ, но еще прославляютъ ихъ какъ своихъ меценатовъ. Немногіе изъ нихъ догадываются, что эти меценаты — сущіе истребители искусства. Какой-нибудь архи-милліонеръ въ состояніи скупить работу всѣхъ геніевъ своего вѣка и запереть подъ замокъ, какъ дѣлали когда-то папы въ Ватиканскомъ музеѣ. Цѣлыя столѣтія, цѣлыя поколѣнія смѣняли одни другія, не подозрѣвая о существованіи сокровищъ, точно засыпанныхъ пепъ-

ломъ Везувія. Только немногіе коллекціонеры чувствуютъ жестокость подобнаго «покровительства» и въ концѣ концовъ передаютъ свои сокровища въ общественное достояніе. Но даже и въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ искусство продолжаетъ быть въ плѣну единоличнаго хозяина галлереи смѣняетъ хозяинъ-городъ, опредѣленное мѣсто, къ которому музеи привязанъ. Открытая для публики московская галлерея все равно недоступна для всѣхъ городовъ кромѣ Москвы. Предположите, что идеалъ коллекціонеровъ будетъ достигнутъ и всѣ произведенія искусства будутъ собраны въ одно мѣсто. Весь міръ сразу окажется ограбленнымъ въ отношеніи художественныхъ вещей и превратится въ пустыню искусства. Толща народная не можетъ протекать чрезъ одинъ или нѣсколько центровъ, такъ-что отворяйте двери музеевъ и библіотекъ настежь—все равно въ нихъ пойдутъ только мѣстные жители. Скопленія художественныхъ сокровищъ подобны скопленіямъ золота въ подвалахъ капиталистовъ, весь остальной народъ неизбѣжно бѣднѣетъ. Галлереи—такой-же продуктъ человѣческой жадности и тщеславія, какъ и громадные капиталы, латифундіи и т. п. Подобно всякому имуществу искусства и науки должны распредѣляться равномѣрно и обращаться въ массахъ, не застаиваясь въ однѣхъ рукахъ. Вмѣсто одной колоссальной библіотеки или галлереи было-бы полезнѣе имѣть сотню маленькихъ въ разныхъ частяхъ страны. Извѣстный музей въ Петербургѣ обладаетъ, напримѣръ, богатою коллекціей фламандской школы: картинъ этой школы такъ много, что каждый живописецъ представленъ въ цѣломъ рядѣ произеденій, повторяя самого себя. Скучно глядѣть на эти безчисленныя, похожія другъ на друга (въ манерѣ письма) картины, а между тѣмъ въ сотняхъ другихъ городовъ Россіи не найдется ни одного Рембрандта. Тоже съ новѣйшими художниками, что-бы ни написалъ Айвазовскій или Рѣпинъ, тотчасъ является

мешенатъ и закупаетъ вещь «на корню», часто неоконченной; глядишь—она исчезла. Что музеи не въ интересахъ искусства, доказываетъ развивающійся обычай передвижныхъ выставокъ, этихъ прототиповъ будущихъ музеевъ. Я думаю, въ будущемъ систематическіе музеи исчезнутъ система въ искусствѣ, какъ и истинной наукѣ, невозможна, она всегда будетъ условной и спорной, а потому и не нужной. Только великія произведенія интересны, ихъ всегда будетъ немного. Весь остальной хламъ не заслуживаетъ береженья. Я думаю, вмѣсто музеевъ, слѣдовало-бы такъ устроить, чтобы избранные, великіе предметы искусства путешествовали по всѣмъ странамъ свѣта безпрерывно, пока не изобрѣтутъ способа воспроизводить великія картины и статуи такъ-же, какъ книги—въ произвольномъ числѣ экземпляровъ.

III.

Истинное искусство нетолько возможно въ деревнѣ, но даже болѣе возможно, чѣмъ въ городѣ. Художникъ, скульпторъ, музыкантъ, беллетристъ отлично могутъ работать въ деревнѣ, среди красоты природы, столь нужной для всѣхъ художниковъ, среди тишины, всѣмъ имъ столь необходимой, среди естественной красоты народа. Хорошіе художники такъ и дѣлаютъ: матеріала для работы они ищутъ въ путешествіяхъ, они ищутъ природы, и догадливые художники не ѣздятъ для этого далеко. Природа почти вездѣ *бываетъ* хороша, смотря по ея настроенію и по вдохновенію самого художника,—вездѣ, кромѣ городовъ, гдѣ природа извращена до неузнаваемости. Совершенно непостижимо, почему художественныя школы построены на берегахъ Невы и Мойки, въ отдаленной и туманной столицѣ, хотя имъ естественное мѣсто гдѣ-нибудь на Военно-Грузинской дорогѣ, или на Жигуляхъ, или на склонахъ Яйлы—гдѣ-нибудь въ живописныхъ уголкахъ средней или южной Россіи. Разъ вы-

учившись писать, истинный художникъ не нуждается въ городѣ, въ изученіи коллекцій, «школъ» и т. п. Все это предразсудки рутины, ставящей художественное *образованіе* выше *таланта*. Мнѣ кажется, грамотный въ своемъ искусствѣ, овладѣвшій кистью художникъ долженъ подальше держаться отъ коллекцій и старыхъ школъ, чтобы не заразиться подражаніемъ онъ долженъ прямо отдавать себя въ дальнѣйшую выучку самой природѣ, изучая самостоятельно ея вѣчно открытую предъ всѣми книгу. Каждый читаетъ эту великую книгу на особенномъ языкѣ и понимаетъ разно, но это-то именно и драгоцѣнно, искренно высказать, какъ *самъ* понялъ природу. Только это и будетъ ново и неожиданно для всѣхъ, и какъ все новое—важно. Но для этого надо смотрѣть на міръ собственными глазами, а не чрезъ очки своихъ наставниковъ. Въ городѣ художникъ весь обвѣянъ чужими внушеніями, чужимъ творчествомъ; онъ совершенно невольно впадаетъ въ подражанія. Въ деревнѣ онъ независимъ и поневолѣ самъ изъ себя беретъ и цѣль и средства работы, т. е. творитъ самостоятельно. Лучшей студіи, чѣмъ деревня—трудно и придумать, если вспомнить, что она тамъ убрана какъ міръ.

Приглашеніе художниковъ и писателей работать въ деревнѣ, конечно, имъ не понравится. Большинство интеллигентныхъ людей и могутъ работать только при лихорадочно-напряженныхъ нервахъ, среди шума и разсѣянія городской жизни. Въ деревнѣ, говорятъ они, умираешь съ тоски и останавливаешься, какъ машина безъ паровъ. Человѣку умственнаго труда,—писателю, художнику, ученому, — нужны постоянныя возбужденія, электричество шумныхъ собраній, споровъ, зрѣлищъ и т. п. Наконецъ нуженъ рынокъ для сбыта своихъ вещей. Какой-же въ деревнѣ рынокъ?

Я замѣчу на это, что плохъ тотъ художникъ, который нуждается въ болѣзненныхъ возбужденіяхъ, чтобы работать. Истинные художники и мыслители нетолько не

требуютъ городскаго наркоза, но бѣгутъ отъ него: всѣ великія вещи созданы въ уединеніи, въ деревняхъ или въ прежнихъ городахъ, столь походившихъ на деревни, въ отшельничествѣ отъ «міра». Лучшія свои вещи Пушкинъ, Тургеневъ, Толстой и другіе истинные художники писали въ деревнѣ. Если многіе живописцы, поэты, беллетристы «творятъ» обыкновенно между кутежомъ и оргіей, въ взвинченномъ, раздраженномъ состояніи, то я думаю, это просто дурная привычка, и вытрезвись они хорошенько, они писали-бы не хуже, чѣмъ въ пьяномъ видѣ. Если-же хуже, то это доказывало бы лишь то, что, эти господа напрасно обрекаютъ себя служенью музамъ. Если лошадь не везетъ безъ кнута, если небольшой возъ требуетъ напряженія всѣхъ силъ ея, то это не рабочій конь. Истинный художникъ творитъ съ большимъ трудомъ, но безъ искусственныхъ взбадриваній,—онъ вдохновляется извнутри, опьянѣніемъ благородной мысли, подъемомъ чувства, а не изъ горлышка бутылки.

Что касается «рынка» для интеллигентныхъ профессій, то еще вопросъ,—нуженъ-ли онъ. Это только при теперешней промышленной цивилизаціи, когда все продажно,—на рынокъ выносятся, вмѣстѣ съ капустой, и картины, и поэмы, и философскіе трактаты. Нѣтъ святыни, которою-бы не торговали, и къ этому всѣ привыкли, и кажется, что иначе и нельзя. Чѣмъ-же существовать художнику, если не продавать картинъ? Все это такъ, но всего этого не должно быть: мыслитель или художникъ должны какимъ-нибудь инымъ трудомъ добывать себѣ хлѣбъ, напр., какъ апостолы, дѣлавшіе черную работу, шившіе, какъ Павелъ, палатки. Въ божественномъ откровеніи душа должна быть свободна, какъ въ любви: продавать мысль — все равно, что продавать любовь. Человѣкъ продающій зависитъ въ своемъ трудѣ отъ покупающаго, онъ долженъ приспособляться къ чужимъ вкусамъ. Въ физическомъ трудѣ это необходимо, но трудъ психическій долженъ быть свободенъ отъ вся-

каго приспособленія и не имѣть цѣны. Онъ долженъ быть общимъ достояніемъ, а наградой артисту должно быть—то чувство счастія, которое даетъ высокое творчество художнику и публикѣ.

IV.

Истинное искусство, какъ источникъ счастья, должно имѣть народную форму и возможно только въ деревнѣ. Именно въ народѣ искусство не продажно и въ силу этого—свободно Возьмите народную пѣсню, сказку, музыку, народный танецъ, зачатки живописи, архитектуры и скульптуры въ предметахъ домашняго обихода. Всѣ эти искусства не составляютъ особыхъ профессій, а суть общее достояніе, передаваемое отъ поколѣнія къ поколѣнію, отъ одного лица къ другому даромъ. Въ народѣ есть ремесленники, но нѣтъ спеціалистовъ художниковъ или ученыхъ; всѣ крестьяне болѣе или менѣе музыканты, поэты, архитекторы; натуры геніальныя, конечно, и здѣсь выдѣляются, они «славятся», какъ прекрасные разсказчики, пѣвцы, танцоры, музыканты, какъ люди мудрые и знающіе, но они не составляютъ особыхъ сословій и не торгуютъ своими достоинствами. Прекрасный пѣвецъ кормится плотничествомъ или кладетъ печи, мудрецъ или вѣщунъ водитъ пчелъ. Каждый въ народѣ имѣетъ доступъ къ откровеніямъ природы въ мѣру своего дарованія, и каждый счастливъ искусствомъ столько, сколько вмѣщаетъ. Человѣкъ не можетъ поручать даже великому художнику наблюдать за себя природу, подмѣчать ея красоту и тайну; именно въ самомъ процессѣ открытія этой красоты и тайны и заключается счастье, даваемое искусствомъ. И здѣсь приходится повторить то, что сказано выше объ *истинной собственности*: истинная духовная собственность только та, которая *самимъ* человѣкомъ пріобрѣтена. Поэтому, чтобы наслаждаться эстетически, нужно *самому* наблюдать міръ, имѣть не чужія впечат

лѣнія міра, а свои собственныя. Всякій долженъ быть въ мѣру своихъ душевныхъ влеченій музыкантомъ, живописцемъ, скульпторомъ, поэтомъ—достаточно сильнымъ, чтобы въ минуту сближенія съ природой слиться съ ней. Для этого вовсе не нужно быть виртуозомъ въ искусствѣ: было-бы только вдохновеніе, и оно дастъ счастье даже въ плохомъ выраженіи его. Простая пѣсенка, въ которой выливается душа, даетъ больше счастья, нежели «оргія звуковъ» въ какой нибудь пышной оперѣ, выдуманной, загроможденной эффектами и потому неискренней, въ сущности мертвой. Творчество, дающее счастье, часто обходится даже вовсе безъ техники. Если вы тонко подмѣчаете красоту природы, если вы носите въ душѣ ея картины, если душа ваша полна музыкой и гдѣ-бы вы ни были, вы въ состояніи наслаждаться воображеніемъ—развѣ вы не художникъ? Это внутреннее творчество—высшее, какое человѣку нужно; *воображеніе* даетъ счастье не меньшее, чѣмъ *изображеніе*. Въ деревнѣ встрѣчаешь иногда среди крестьянъ тонкихъ любителей природы, наслаждающихся картинами полей и лѣса, приходящихъ въ какое-то упоеніе отъ соловьевъ и т. п. Они не умѣютъ воспроизвести этого очарованія, но они полны имъ, и они художники, и даже болѣе счастливые, чѣмъ профессіональные артисты. Художникъ-техникъ, любующійся природой, невольно критикуетъ ее, ищетъ въ ней того, чего въ ней нѣтъ: онъ припоминаетъ лучшіе виды, онъ недоволенъ избыткомъ или недостаткомъ красокъ, а если натура хороша—онъ старается запомнить ее, не проронить ни одной драгоцѣнной черты, онъ тревожится, что это не удается, онъ *жадничаетъ*—и отдаться непосредственному счастью созерцанія, какъ деревенскій любитель, онъ уже не можетъ. Наблюденіе у такого художника корыстно, оно осложняется соображеніемъ о будущей работѣ, о вкусахъ публики, о выставкахъ и продажѣ, и эта забота отравляетъ счастье естественнаго вдохновенія. Профессіональный художникъ, какъ всякій

спеціалистъ, чувствуетъ глубже, но никогда неудовлетворенъ: имѣя за собой тирана — публику, покупающую его чувство, онъ требуетъ отъ себя все большей и большей остроты ощущеній и доводитъ ихъ до боли. Въ погонѣ за новизною и совершенствомъ впечатлѣнія, художники измучиваютъ себя часто до сумасшествія, и въ результатѣ каторжнаго труда иногда ничего не выходитъ, какъ напр., у Иванова съ его религіозными картинами. Нето истинное, любительское искусство: не будучи профессіей, оно не даетъ профессіональнаго счастья, всегда односторонняго, но даетъ счастье жизненное, органическое. Живя въ деревнѣ, легче, чѣмъ гдѣ-нибудь воспитать въ себѣ любителя природы, ея наблюдателя, а высшая цѣль искусства и есть пониманіе природы въ жизненной полнотѣ ея. Глядите на міръ какъ можно внимательнѣе, говорилъ Флоберъ,—и вы всегда откроете нѣчто новое, чего еще никто до васъ не открывалъ. Въ сущности, творчество есть напряженное вниманіе. Ненужно только тиранить себя дрессировкой, втягиваться въ школу, «штудировать» безъ конца и здѣсь самочувствіе лучшій руководитель. Если работа становится скучной, если не хочется преодолѣвать препятствія—очевидно, вы не талантъ и дальнѣйшія принудительныя упражненія пойдутъ вамъ не въ прокъ. они привьютъ вамъ чужое, механическое воображеніе, которое не откроетъ, а заслонитъ отъ васъ природу, какою она создана для васъ.

V.

Нынѣшняя художественная школа даетъ фабричное, промышленное искусство, готовитъ спеціалистовъ, какъ и всѣ спеціалисты, помѣшанныхъ на техникѣ, на богатствѣ средствъ: средствъ черезчуръ много, а души въ нихъ нѣтъ. Съ раннихъ лѣтъ ребенка заставляютъ долбить на роялѣ всевозможныя экзерциціи и пассажи, выламываютъ

пальцы и достигаютъ того, что онъ дѣйствительно играетъ безукоризненно, «почти какъ Рубинштейнъ»; маменьки кричатъ о мальчикѣ какъ о будущемъ великомъ музыкантѣ, не замѣчая, что онъ еще вовсе не музыкантъ и можетъ быть никогда имъ не будетъ, что онъ только акробатъ рояля, музыкальная машина, механически-отчетливо исполняющая все, что подложатъ подъ глаза. Та лишь и разница, что въ музыкальный ящикъ вставляютъ пластинку съ зубцами, а передъ такимъ музыкантомъ ставятъ ноты. Техника огромная, а музыки нѣтъ. Небольшое дарованіе не развивается, а губится избыткомъ «образованія», безконечнымъ исполненіемъ чужихъ вещей. Рутинная школа подавляетъ въ человѣкѣ непосредственное чутье природы, разобщаетъ съ дѣйствительностью. Въ цѣлыхъ поколѣніяхъ художниковъ укореняются предразсудки учителей: у живописцевъ—неестественные раккурсы, избытокъ тѣла или недостатокъ его, голубая зелень, красный воздухъ и т. п. Заурядный живописецъ рисуетъ всѣхъ лошадей, какъ рисовали въ школѣ, всѣ глаза и всѣ носы—такими, какъ показывалъ учитель. Сущность всякой специальности—въ подражаніи, а подражаніе убиваетъ творчество. Искусство, чтобы соединять человѣка съ природой, а не разобщать, должно быть не специальною школой, не сословнымъ знаніемъ, а предметомъ общаго образованія, которое возможно только въ деревнѣ.

Художественная школа должна научить лишь механизму писанія, тѣмъ секретамъ, которые по преданію передаются въ каждомъ ремеслѣ: какъ держать карандашъ, какъ приготовлять краски, какъ располагать освѣщеніе, строить перспективу и т. п. Школа должна дать лишь средства для таланта, но не указывать ему цѣлей: ихъ найдетъ самъ ученикъ. Школа не должна внушать готовыхъ стилей, чужихъ вдохновеній, чужой души, съ первыхъ-же дней школы ученикъ долженъ копировать не предметы искусства, а живую природу: великіе образцы

чужого творчества должны служить не для подражанія, а лишь для сравненія своего слабаго труда съ возможнымъ совершенствомъ. Художественное внушеніе, конечно, неизбѣжно; вліяніе великихъ мастеровъ облагораживаетъ вкусъ. Оно раскрываетъ въ насъ лучшія, дотолѣ дремавшія стороны таланта. Но внушеніе тѣмъ опасно, что оно всегда односторонне и дѣлаетъ душу неподвижной, лишая ее личности. Можно пріобрѣсть манеру Рафаэля, Рубенса, Рембрандта и т. п., и писать въ ихъ стилѣ, но все-же это будетъ не ваша собственная манера—не раскрытіе вашей собственной природы, а отреченіе отъ нея Еще хуже, конечно, вліяютъ не-великіе мастера, заражающіе своими недостатками, подобно тому какъ великіе заражаютъ достоинствами.

Кромѣ подражательности, органическій недостатокъ теперешней школы—ея жадность въ обученіи. Городское «эстетическое» воспитаніе, съ раннихъ лѣтъ вливая впечатлѣнія въ душу ребенка цѣлымъ потопомъ, разстраиваетъ эту душу: или пресыщаетъ ее, или дѣлаетъ ненасытной, пріучая къ эстетическому распутству. Школа сообразована не съ живою психикой ученика, а съ отвлеченною программою, всегда сочиненною и предвзятою. Школа безлична: она не даетъ условій для развитія каждой души, сообразно ея особенностямъ, а душитъ эти особенности, подгоняя всѣ дарованія подъ одну мѣрку. Разныя школы внѣдряютъ всевозможныя искусственныя манеры, такъ-что человѣкъ потомъ является передъ природой какъ перевоспитанный ребенокъ предъ матерью, которой онъ все дѣтство не видалъ, но о которой много слышалъ и пріученъ «обожать» ее. онъ чуждъ матери, далекъ отъ нея, хотя и продѣлываетъ жесты заученной почтительности. Него истинно-художественное счастье оно требуетъ, чтобы человѣкъ прильнулъ къ природѣ, какъ ребенокъ къ матери, безъ всякихъ условныхъ пріемовъ и чужой помощи, а такъ, какъ онъ самъ умѣетъ и хочетъ.

VI.

Счастье истиннаго искусства нуждается въ свѣжихъ, неизнѣженныхъ нервахъ, въ аппетитѣ-чувствъ—въ томъ, что даетъ бѣдная деревенская культура. Городскіе жители, которымъ «доступны всѣ сокровища» художествъ, часто именно отъ избытка ихъ и страдаютъ, какъ физически страдаютъ отъ избытка матеріальнаго богатства. Подобно тому какъ для физическаго счастья необходимо испытывать нѣкоторыя лишенія—нѣкоторый голодъ, холодъ, усталость и т. п., такъ и для психическаго счастья нужно лишь самое умѣренное его удовлетвореніе. Лишенія, не переходящія мѣры, даютъ отдыхъ изнѣженнымъ, пресыщеннымъ органамъ, освѣжаютъ ихъ, закаляютъ, дѣлаютъ энергичными. Энергія воспитывается работою. устранять личную работу въ психикѣ значитъ уничтожать самыи источникъ ея. · Въ этомъ смыслѣ нѣтъ ничего опаснѣе именно городскихъ «сокровищъ», въ томъ числѣ художественныхъ и научныхъ. Окружая человѣка комфортомъ, при которомъ «мигъ желанья—мигъ осуществленья», лишая человѣка необходимости самому добыть или создать нужное, богатство лишаетъ человѣка самаго существа счастья—чувства *достиганія*. *Живетъ* собственно не богачъ, а его слуги, его деньги: живетъ роскошное платье, защищающее его отъ жизненныхъ отношеній къ атмосферѣ, живутъ его лошади, упраздняющіе жизнь его ногъ, лакеи, упраздняющіе жизнь его рукъ, десятки рабочихъ, ученыхъ, художниковъ, артистовъ, готовыхъ каждое мгновеніе къ его услугамъ и упраздняющихъ жизнь его собственнаго мозга и сердца. Богачъ уже не знаетъ счастья проснуться рано на зарѣ и сразу воити въ жизнь природы въ качествѣ дѣятельнаго, полнаго движенія члена ея,—незнаетъ счастья самому набрать топлива, развести огонь, приготовить себѣ пищу, самому принести воды, чтобы умыться, выѣхать въ поле, чтобы самому посѣять себѣ хлѣба, самому снять его и смолоть. *Дѣятельное* фи-

зическое счастье богачу незнакомо: у него нѣтъ энергическихъ импульсовъ къ работѣ, нѣтъ въ ней необходимости. Отвратительное зрѣлище представляютъ гимнастическія залы, гдѣ ожирѣвшіе или, наоборотъ, исхудавшіе богачи кувыркаются и подвѣшиваются, въ разсчетѣ дать немножко жизни отмирающимъ тканямъ. Эта «жизнь» съ помощію трапеціи и гирь похожа на микстуры, замѣняющія желудочный сокъ, или вливаемую въ вены телячью кровь. Страшно смотрѣть на это штопанье живого человѣка, на жалкую борьбу съ природой, казнящей праздность. Обыкновенно цѣль не достигается: гимнастика, массажъ, спортъ и т. п., временно облегчаютъ человѣка, освѣжаютъ его, но въ нихъ есть нѣчто общее съ «тайнымъ порокомъ юности»: неестественность удовлетворенія природы, сознаніе безцѣльности, безрезультатности и тоска, какъ слѣдствіе всякой бездѣльной работы. Гимнастика не помогаетъ малокровіе, блѣдная немочь, атонія и т. п.—обычный удѣлъ физически пресыщенныхъ и праздныхъ. Тоже и въ мірѣ психической жизни. Бѣднякъ, какъ философъ, говорившій omnia mea mecum, въ себѣ самомъ носитъ удовлетвореніе своимъ художественнымъ инстинктамъ. Онъ поетъ самъ какъ умѣетъ, самъ пляшетъ, самъ играетъ, и т. п. Богачъ, конечно, тоже самъ можетъ и пѣть, и танцовать, но праздное, увядшее тѣло не даетъ его волѣ достаточнаго напряженія; утомленныя чувства не поднимаютъ душу до восторга, до творчества. *Самъ* богачъ часто уже не испытываетъ счастія союза съ природой; какъ пресыщенному сладострастнику, ему приходится прибѣгать къ *картинамъ* чужой любви къ ней Театральныя сцены, картинныя галлереи, статуи, музыка—всѣ эти чужія вдохновенія въ нѣкоторой мѣрѣ дразнятъ его собственное усталое воображеніе. Къ услугамъ такого человѣка великіе артисты, поющіе превосходно, съ тѣмъ совершенствомъ, которое уже убиваетъ пѣсню и дѣлаетъ ее не живымъ голосомъ души, а музыкальной пьесой, исполненной человѣческою

гортанью. За счастьемъ пѣсни богачъ ѣдетъ въ оперу. Иногда онъ испытываетъ удовольствіе, но какое-то вялое и поверхностное, такъ-какъ источникъ его внѣшній, а не внутренній. Нето бѣднякъ, который хоть рѣдко и несовершенно, но *самъ* поетъ подъ вліяніемъ внутренней переполнившей его потребности. Его музыкальное счастье, какъ и всякое истинное счастье, испытывается не отъ половины 8-го до 12-ти вечера, какъ въ оперѣ, не четыре часа подрядъ, а въ самые неожиданные часы и длится всего нѣсколько минутъ; и въ то время какъ изъ оперы чаще всего уѣзжаютъ съ головной болью и апатіей, обожравшись, такъ сказать, музыкой,—бѣднякъ насыщается всегда въ мѣру. «Но нельзя-же сравнить оперную музыку съ гармоникой или пѣсней, которую поетъ дворникъ», скажутъ мнѣ. Правда; оперная музыка богаче, какъ роскошный столъ въ сравненіи съ дворницкимъ обѣдомъ, но что здоровѣе и нужнѣе человѣку—это еще большой вопросъ. Какъ и современная кухня, современная музыка доходитъ часто до распутства. Въ ней есть несомнѣнно что-то опьяняющее, наркотическое, высасывающее ваши нервы, а развратъ уха, я думаю, такъ-же вреденъ, какъ развратъ желудка или другихъ органовъ. Не даромъ композиторы говорятъ объ «оргіи звуковъ». Какъ и оргія свѣтовыхъ эффектовъ—какая-нибудь феерія, современная музыка несомнѣнно истощаетъ душу въ какомъ-то важномъ отношеніи. Артисту-музыканту съ огромнымъ запасомъ душевной силы еще ничего, хотя и великіе музыканты носятъ печать узкости и пришибленности во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, кромѣ музыкальнаго,—на средняго-же человѣка звуковое распутство дѣйствуетъ несомнѣнно вредно. Оно ведетъ или къ слуховому переутомленію (видъ нейрастеніи), или къ слуховому обжорству. Въ послѣднемъ случаѣ все забывается, кромѣ рояли, и бѣдный—больной въ сущности—любитель цѣлыми часами и днями просиживаетъ, погруженный въ міръ для него божественныхъ, а въ сущности странныхъ и дикихъ зву-

ковъ несомнѣнно психопатической природы. Это уже манія и заслуживаетъ не удивленія, а лѣченія. Чаще всего только въ такой порочной формѣ городскому жителю доступно наслажденіе музыкой. Нето народная музыка сложившись тысячелѣтіями, она достаточно богата красотою звуковъ, достаточно питательна для души и не имѣетъ способности опьянять, развращать душу. Народная пѣсня похожа на легкое вино, тогда-какъ опера на ликеръ или fine-champagne.

То-же и другія искусства живопись, архитектура, литература—всѣ они склонны къ переразвитію, которое напоминаетъ переспѣлый плодъ, начинающій разлагаться. Современный декадансъ во всѣхъ сферахъ искусства есть именно переразвитіе ихъ, переспѣлость и своего рода «сахарное броженіе». Спеціализмъ, доведенный до конца, ведетъ къ распаденію духа на его элементы: предѣлъ, къ которому стремится культура въ періодъ ея старческой жадности, передъ своимъ упадкомъ.

VII.

Въ то время какъ молодое, общенародное искусство въ деревенской его стадіи есть сліяніе человѣка съ душой природы,—искусство старое, сословное, стремится заслонить отъ человѣка міръ, окружить людей подобіями природы, ея идолами, превращая непосредственную жизнь въ подобіе жизни. Городская культура, полная излишествъ въ ненужномъ и недостатка въ необходимомъ, держится лишь искусствомъ: только искусство скрашиваетъ страшную нищету жизни внѣ природы. Отвергнувъ въ глубинѣ души первую заповѣдь, геній человѣка всю свою энергію устремилъ, чтобы нарушить вторую, и вмѣсто міра естественнаго, даннаго Богомъ, создалъ міръ искусственный, въ которомъ среди мертвой роскоши задыхается. Одежду называютъ искусственнымъ климатомъ,—еще съ большимъ правомъ можно назвать имъ

культурное жилище. Пусть на дворѣ трещатъ 30-градусные морозы и воетъ метель; начиная съ парадной лѣстницы, вы какъ-бы мгновенно переселяетесь въ иной, субтропическій міръ, гдѣ постоянно царствуетъ температура Азорскихъ или Гавайскихъ острововъ, гдѣ подъ Крещенье цвѣтутъ азаліи и бананы, гдѣ душно и влажно, какъ на южномъ берегу морскомъ. Масса растеній и даже цѣлые зимніе сады довершаютъ *подобіе* иного климата. Но нѣтъ пейзажа, нѣтъ перспективы вдаль, нѣтъ природы съ ея солнечнымъ блескомъ, съ ея живительными бурями, съ ея мерцаніемъ звѣздъ въ небѣ. Для этого развѣшаны картины искусныхъ мастеровъ, дающихъ какъ-бы видѣнія природы, ея подобіе. Художники-жанристы даютъ призраки и людской жизни; въ аристократическомъ дворцѣ, среди мрамора и шелка, нерѣдкость встрѣтить глядящее изъ золотой рамы лицо изнеможенной нищенки съ больнымъ ребенкомъ, протягивающей руку за подаяніемъ. Модель этой картины, «натура» не была-бы допущена нетолько въ салонъ, но даже на подъѣздъ палаццо, но «подобіе» этой натуры допущено: оно напоминаетъ обладателю этого дома о дѣйствительной жизни. Удобство въ томъ, что какъ-бы ни была голодна несчастная нищенка, она не выйдетъ изъ золотой рамы и не станетъ назойливо просить помощи, какъ это дѣлаютъ иногда живыя «натуры». Точно такъ-же скульпторъ окружаетъ счастливца статуями богинь и грацій, сатировъ и вакханокъ, призраками красоты и сладострастія. Эти подобія холодны и мертвы, какъ и всѣ подобія, но именно это смѣшеніе жизни и смерти въ произведеніяхъ искусства представляетъ что-то острое и утонченное, дѣйствующее на нездоровую душу волнующе. Нездоровая душа, окруженная подобіями, живетъ ощущеніями какого-то «второго, третьяго и т. д. порядка», какъ выражаются математики, она начинаетъ поклоняться этимъ кумирамъ больше, нежели тому, что они мертвенно изображаютъ: такой-же пейзажъ въ натурѣ, такая-же ни-

щенка на улицѣ не обращаютъ на себя ни малѣйшаго вниманія.

Тоже и изящная литература, дающая картины жизни человѣческой. Чрезмѣрное чтеніе — насильственное въ школѣ или добровольное въ видѣ нерѣдко встрѣчающейся маніи — заслоняетъ отъ человѣка дѣйствительную жизнь, мѣшаетъ ему самому мыслить, предупреждаетъ его собственное творчество. Въ естественномъ бытѣ человѣкъ лично переживаетъ разыгрывающіяся кругомъ него сцены, поэмы, романы, комедіи, драмы, онъ самъ въ нихъ участвуетъ. Изъ этой жизни, если она содержательна и здорова, онъ извлекаетъ художественное развитіе гораздо большее, нежели изъ чтенія книгъ, — развитіе органическое, въ мѣру своего душевнаго запроса. Невозможность имѣть въ деревнѣ громадныя библіотеки—въ сотни тысячъ томовъ — большая выгода; такъ-какъ приходится довольствоваться немногими книгами, то остается пріобрѣтать только лучшія изъ нихъ, и лучшихъ такъ немного, что почти всѣ онѣ доступны средней зажиточной семьѣ. Эмерсонъ, осмотрѣвъ огромную британскую библіотеку въ Лондонѣ, замѣтилъ —«Я уже владѣю почти всѣмъ, что тутъ есть».

Современное искусство, какъ экранъ, отражаетъ картины жизни и сосредоточиваетъ ея эфекты, дѣлая ихъ болѣе выразительными, жгучими и острыми. Искусство старое, переразвившееся, извлекаетъ изъ жизни все совершенное, концентрируя ея отдѣльныя качества до степени яда, до густоты, дѣйствующей на нервы поражающе, какъ наркозъ. Въ самой природѣ всѣ ея совершенства перемѣшаны и растворены другъ въ другѣ, всѣ они нейтрализованы и возбуждаютъ нервы въ средней, живительной степени. Ночь въ самой природѣ, конечно, величественнѣе, чудеснѣе *картины* той-же ночи, какъ Богъ въ сравненіи съ идоломъ,—но ночь эта живетъ и каждое мгновеніе не та, что прежде; она смѣняется утромъ, полднемъ, вечеромъ, туманомъ или ненастьемъ, тогда какъ

«Ночь» Куинджи на стѣнѣ гостиной всегда одна и та-же: она гнететъ васъ однимъ и тѣмъ-же впечатлѣніемъ, вбиваетъ его, какъ гвоздь въ вашу душу. Точно такъ-же дѣйствуетъ красивая статуя или хорошій романъ. Таково свойство мертваго идола въ сравненіи съ живымъ божествомъ — природой. Среди природы нормальному человѣку не нужно отдѣльное отъ жизни искусство, если-же оно отграничивается—это признакъ начинающагося идолопоклонства, признакъ психоза, перераздраженія чувственныхъ участковъ мозга. Для городского населенія, оторваннаго отъ природы, лишеннаго естественныхъ возбужденій, которыя она даетъ, предметы искусства полезны и нужны, какъ чай, поднимающій дѣятельность сердца. Люди съ разстроенными нервами любятъ крѣпкій чай и пряное, пересыщенное эссенціями жизни искусство. Искусство народное, классическое, кажется прѣснымъ и бѣднымъ; его замѣняетъ сладострастный натурализмъ, импрессіонизмъ, мистическая психологія, музыка формъ и элементовъ, лишенныхъ связи

VIII.

Подобно искусству и современная наука, благодаря рутинной школѣ, чаще разобщаетъ человѣка съ міромъ, нежели соединяетъ. Ученику, не видавшему ни природы, ни жизни людской собственными глазами, преподносятся всѣ готовыя свѣдѣнія о нихъ, сообщаются всѣ тайны, дѣлающія уже личное наблюденіе для ребенка мало интереснымъ. Нынѣшняя школа предупреждаетъ появленіе пытливости и уничтожаетъ самую возможность ея. Представьте, что вы играете въ шахматы и вамъ назойливо подсказываютъ всѣ ходы и объясняютъ, почему ихъ нужно сдѣлать. Все счастье игры—самому догадаться—отнято. То-же дѣлаетъ и современная школа, предупреждающая всякую догадку, не позволяющая вамъ, какъ слишкомъ нѣжная маменька младенцу, ничего ни выбрать самому,

ни разжевать, извѣстные глотать уже пережеванное и положенное въ роть. Даже младенцы отворачиваются отъ такого противнаго кормленія. Не заинтересовавъ ученика картиной природы, не пріучивъ его къ непосредственному созерцанію, школа сообщаетъ ему всѣ секреты міра, не имѣющіе ни малѣйшаго смысла для человѣка, лично незнакомаго съ міромъ. Въ университетахъ профессора ботаники рисуютъ мѣломъ на доскѣ цвѣты, которыхъ слушатели не видали, профессора химіи говорятъ о соединеніяхъ веществъ, для аудиторіи совершенно незнакомыхъ; по крайней мѣрѣ такъ было принято въ извѣстномъ мнѣ столичномъ университетѣ. Профессоръ въ мое время *писалъ* на доскѣ формулу явленія, котораго никто изъ толпы студентовъ не видѣлъ. На лекціяхъ кристаллографіи натуральныхъ кристалловъ не видали учившись по деревяннымъ моделямъ. Пройдя общій курсъ физики и химіи, никто изъ студентовъ лично не продѣлалъ ни одного опыта и не видалъ даже его вблизи, а все приходилось принимать на вѣру, памятью, воображеньемъ. Почтенный профессоръ физики, стряпавши что-то у стола, неизмѣнно каждую лекцію заявлялъ, что, «къ сожалѣнію, на этотъ разъ опытъ почему-то не удается». Немудрено, что при такой системѣ огромное большинство студентовъ смотрятъ на занятія какъ на тяжкую повинность и всѣми мѣрами, не исключая безчестныхъ, стараются облегчить себѣ это ярмо. «А счастье такъ возможно, такъ близко!» Природа вѣдь не такая-же рѣдкость, вѣдь всѣ мы въ ней поглощены, какіе-нибудь характерные растенія и минералы можно-бы цѣлыми возами имѣть при университетѣ (если-же нельзя ихъ имѣть, то нельзя и учиться, незачѣмъ и быть университету). Тоже и соли, кислоты, кристаллы—все это дешево и обильно и ранѣе всякаго курса должно-бы быть пощупано, осмотрѣно, попробовано на вкусъ, на запахъ и т. д., ко всему этому ученикъ долженъ былъ-бы *привыкнуть*, какъ къ деревьямъ или водѣ, чтобы имѣть реальное представленіе

о нихъ. Курсъ школы долженъ быть поставленъ такъ, чтобы ученикъ самъ натыкался на явленія и самъ ихъ новозможности разгадывать. Какъ въ утробѣ матери зародышъ переживаетъ всѣ стадіи развитія позвоночнаго, такъ и въ духовномъ отношеніи каждый человѣкъ долженъ переживать исторію открытій, долженъ самъ изобрѣтать, и тогда только наука сблизитъ его съ природой, а не разъединитъ. Школа должна только приближать ученика къ явленію, только помогать въ разгадкѣ его, но отнюдь не освобождать отъ творческой личной работы. Въ этой работѣ вся цѣнность и вся радость знанія, и не избыткомъ работы, а именно отсутствіемъ ея слѣдуетъ объяснить переутомленіе учениковъ. Изнемогаютъ не отъ количества работы, а отъ *безжизненности* ея. Человѣкъ можетъ страшно много трудиться, если трудъ интересный и живой, если онъ требуетъ творческихъ силъ человѣка. Но самый легкій трудъ, — напр., толочь воду—бываетъ невыносимъ и употребляется какъ смирительное наказаніе для закоренѣлыхъ каторжниковъ. Къ несчастію, дѣятельность и не каторжниковъ, а совершенно невинныхъ людей и чуть не младенцевъ превращается часто въ тягостное толченіе воды. Вспомните какъ легко и охотно изучали древніе языки, напримѣръ, въ эпоху Возрожденія: никто не переутомлялся и языкамъ хорошо выучивались. И все оттого, что орѣхъ начинали ѣсть не со скорлупы, а съ ядра,—начинали учиться не съ грамматики, а съ непосредственнаго чтенія авторовъ. Живое дѣло давало живую радость и живой успѣхъ, ученье было жизнью, а не чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ нея. Ученыхъ сословій по каждой отрасли знанія не было, но великихъ людей было больше, чѣмъ теперь. Истинная школа—*самообразованіе*. Ученымъ, изслѣдующимъ знанія, долженъ быть самъ ученикъ, а учитель обязанъ играть роль помощника. Величайшій изъ учителей Сократъ называлъ себя акушеркою, помогающею слушателямъ *рожать* ихъ мысли.

IX.

Если истинная наука требуетъ непосредственнаго общенія съ природой, то въ деревнѣ она возможна болѣе нежели въ городѣ. Такая наука не можетъ быть достояніемъ одного сословія, она не можетъ имѣть обязательной системы, она должна соотвѣтствовать индивидуальности каждаго и давать счастье въ мѣру душевнаго запроса. Каждая деревенская семья можетъ быть центромъ образованности въ самомъ живомъ значеніи этого слова. Что значитъ имѣть образованность, дающую счастье? Я полагаю, это значитъ—хорошо знать, до картиннаго представленія ясно, все *лучшее* въ природѣ, всѣ ея великіе законы, всю здоровую красоту ея. Нѣтъ нужды знать худшія явленія, достаточно знать только лучшія; это во сто разъ облегчаетъ задачу, позволяя отбрасывать то, что составляетъ черновую работу знанія. Если у васъ есть страсть къ какой-либо отдѣльной области явленій, вы изучите съ наслажденіемъ и весь процессъ ихъ, со всею черновою работой, но въ обыкновенныхъ случаяхъ, когда душа концентрична съ міромъ, не вдается въ него острымъ угломъ, тогда достаточно знать только лучшее въ каждой области. Но это лучшее знать необходимо уже осязательно, лицомъ къ лицу. Цивилизація не въ техническихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, а во внутреннемъ богатствѣ человѣческаго духа, въ облагороженіи его, въ изяществѣ его мысли и чувства. Надо запасаться рано сокровищами знаній, чтобы потомъ они освѣщали вамъ всю жизнь и особенно старость, когда въ утѣшеніе человѣку, за потухшими страстями, остается одна память, одно воображеніе. Вспомните, какъ утѣшала образованность декабристовъ въ рудникахъ Сибири. Старость та-же ссылка, и если кто въ молодости сжился съ великими откровеніями природы, съ чудесами мысли вся жизнь того будетъ полна счастливыхъ видѣній. Образованность создаетъ родство съ человѣчествомъ и міромъ. Это проникновеніе истинною

цивилизаціи должно начинаться, какъ всѣ блага, еще съ колыбели: хорошая интеллигентная семья въ деревнѣ должна быть лучшею школою для подростающаго поколѣнія, и вмѣстѣ съ тѣмъ — просвѣтительнымъ учрежденіемъ для самихъ взрослыхъ. Возьмите современную среднюю интеллигентную семью — какъ она мало культурна! Какой бѣдный запасъ образованія, а если иногда богатый, то какой узкій, односторонній! Развитость нашей образованной публики, какъ справедливо замѣчаетъ одинъ герой у Чехова (въ «Палатѣ № 6»), ничуть не выше крестьянской. Человѣкъ непросвѣщенный похожъ на домъ съ закрытыми окнами, какая-бы ни была роскошь внутри, она не видна самому обитателю дома. Огромное большинство скучающихъ, «киснущихъ» интеллигентовъ, ютящихся около водки да зеленаго стола, и не подозрѣваютъ, что источникъ ихъ скуки—тьма, которой они себя обрекли, что если-бы впустить въ окна солнечный свѣтъ, они подивились-бы собственному душевному богатству. Тупое равнодушіе къ жизни смѣнилось-бы живымъ и нѣжнымъ интересомъ къ ней; сильнѣе забилось-бы сердце, заблестѣли-бы глаза, зажглась-бы честная мысль въ головѣ. Оказалось-бы, что жить еще можно на свѣтѣ, и хорошо жить.

Истинная цивилизація должна имѣть своей колыбелью *деревенскую семью*,—не нынѣшняго помѣщичьяго, а иного типа. Нынѣшнее помѣстье—уголокъ города со всѣми его излишествами и недостатками; вѣдь именно городъ создаетъ для усадьбы все до послѣдней мелочи: одежду, пищу, мебель, утварь,—самые нравы и обычаи. Усадьбы напоминаютъ англійскіе форты въ пустыняхъ Канады. Самый воздухъ усадебъ какъ-бы напоенъ грезами о городахъ, о театрахъ, операхъ, балахъ, парадахъ: души помѣщичьихъ семей витаютъ на Невскомъ или на парижскихъ бульварахъ, и тѣла, принужденныя жить въ Чухломскомъ уѣздѣ, невольно недоумѣваютъ и грустятъ. Деревенская интеллигенція находится въ большинствѣ

подъ внушеніемъ городской культуры и стремится къ ней; въ деревнѣ она не замѣчаетъ естественнаго счастья и старается устроить себѣ искусственное, городское. Съ великими иногда жертвами заводятся, какъ въ городѣ, тѣ-же пріемы и выѣзды, та-же роскошь при томъ-же отсутствіи истинно-необходимаго. Въ рѣдкой помѣщичьей семьѣ не найдете своры собакъ, но въ рѣдкой встрѣтите порядочную библіотеку. На содержаніе лошадей для выѣзда тратится иногда не меньше, чѣмъ стоилобы содержать домашняго профессора. Къ вашимъ услугамъ въ деревнѣ крокетъ, билліардъ, кегли, карты, ружья и т. п., а на тысячу верстъ кругомъ не найдете ни одного микроскопа, какъ-бы онъ ни былъ необходимъ, ни одной энциклопедіи. Нынѣшняя деревенская семья сама себя лишаетъ счастія истинной цивилизаціи и несетъ казнь за ложную.

X.

Роль деревенской семьи огромна: въ ея власти судьбы будущаго. Каждая семья должна сдѣлаться культурнымъ центромъ для созданія новой общественной души, и такъ-какъ въ будущемъ зданіи придется жить многимъ поколѣніямъ, элементы для постройки должны быть взяты самые драгоцѣнные, самые чистые. Каждый домъ въ деревнѣ можетъ быть нетолько жилищемъ, нетолько мастерской, но и школой, библіотекой, музеемъ, лабораторіей, и прежде всего—храмомъ. И въ зародышѣ такова патріархальная крестьянская семья. Она — общая мастерская, такъ-какъ весь трудъ семьи сосредоточивается около дома и семейнаго гнѣзда. Она — школа, такъ-какъ грамотѣ ребятишекъ учитъ мать или старики, или старшія сестры. Она — библіотека, такъ-какъ въ ней, въ божницѣ или въ сундукахъ, всегда найдете старинныя, дониконовскія книги, библію, житія святыхъ, т.-е. то, что

считается стоющимъ вѣчнаго чтенія. Наконецъ такая изба и храмъ, такъ-какъ лучшій передній уголъ занятъ божницею, маленькимъ алтаремъ, къ которому возносится молитва всеи семьи много разъ ежедневно. Такова истинно культурная, хотя и первобытная семья. Такова-же должна быть культурная и образованная семья. Вовсе не необходимо учиться въ академіи и университетѣ, заниматься въ британскомъ музеѣ, рыться въ архивахъ и арсеналахъ науки, чтобы извлечь изъ природы всю доступную вамъ мудрость. Огромныя пособія не необходимы даже для спеціалистовъ и двигателей науки: вспомните, какими грошовыми средствами пользовались для великихъ открытій Галилей, Лавуазье, Фарадей, — въ новѣйшее время Дарвинъ, невыѣзжавшій изъ деревни, или Пастеръ, работавшій на чердакѣ. Лучшіе химики учились и дѣлали открытія при самодѣльныхъ приборахъ, устраивая недостающую химическую посуду изъ кирпичиковъ, блюдечекъ, стакановъ, чугунковъ. А нынче и хорошіе приборы дешевы, какъ дешевы и книги. Есть великія, вѣчныя книги, которыя всегда будутъ неизсякаемымъ источникомъ самаго святого счастья, но ихъ немного и каждая такая книга стоитъ не болѣе, чѣмъ бутылка водки или фунтъ дурного табаку. Не увлекайтесь только корыстью и тщеславіемъ, не собирайте вещей ненужныхъ, и тогда даже самыхъ скромныхъ средствъ хватитъ на необходимыя. Впрочемъ, если-бы устроить вполнѣ культурный домъ стоило и не такъ дешево, такъ вспомнимъ-же, какъ охотно мы тратимъ большія средства на пустыя потребности, на излишества въ обстановкѣ, пищѣ, одеждѣ, утвари и т. п. Если вы заводите бесѣдки въ саду, охотничьи домики, погреба съ винами, дорогія картины на стѣнахъ, дорогую мебель, почему вамъ не устроить научнаго кабинета, библіотеки, маленькой обсерваторіи, маленькаго музея? Все это не дороже выѣздной четверки, стоящей безъ употребленія, не дороже оранжереи или охотничьяго ружья. Если вы сами человѣкъ нормальный, постоянно продол-

жающій свое образованіе, не утративший интереса къ природѣ, всѣ эти просвѣтительныя учрежденія у себя въ домѣ нужны прежде всего для васъ самихъ, но они нужны и для дѣтей. Я думаю, что настоящая интеллигентная семья въ деревнѣ должна быть достаточною школою для образованія, и нѣтъ нужды посылать дѣтей за нѣсколько десятковъ или сотенъ верстъ, въ чужой міръ, за тѣмъ, что должно быть дано дома. Вѣдь готовите-же вы пищу, строите домъ въ деревнѣ для дѣтей и т. п.,—отчего-же не приготовить имъ запаса и умственной пищи? Отецъ и мать—лучшіе учителя и руководители ребенка для начальнаго обученія, а для дальнѣйшаго образованія лучшій учитель—самъ ребенокъ. Если ребенокъ здоровый и неглупый, онъ уже рождается съ потребностью въ образованіи, и вы съ радостью допустите его въ кабинетъ или библіотеку и охотно покажете ему то, чего онъ не понимаетъ самъ. А вѣдь въ этомъ и образованіе. Не долбя этрусскаго и пеласгическаго языковъ, не засаривая головы ненужнымъ хламомъ, вашъ ребенокъ, если онъ отъ природы нуждается въ образованіи, непремѣнно образуется,—если-же онъ невосприимчивъ, то тѣмъ болѣе основаній оставить его въ покоѣ. Можетъ быть, онъ образуется въ другомъ, не книжномъ направленіи. Вѣдь и теперь книжно-образованныхъ людей такъ мало, и даже тѣ такъ малополезны. Изъ тупого, имѣющаго отвращеніе къ отвлеченнымъ наукамъ ребенка можетъ выйти прекрасный хозяинъ или ремесленникъ. Развѣ это не карьера? Если онъ будетъ здоровъ и силенъ, если онъ будетъ успѣшно защищаться отъ голода и холода и любить людей—развѣ это не будетъ означать, что онъ сдѣлалъ прекрасную карьеру? Вѣдь вся задача жизни въ здоровьѣ духа и тѣла, а это здоровье не требуетъ сдачи «шестидесяти шести экзаменовъ». Если-же ребенокъ талантливъ и нуждается въ широкомъ образованіи — порядочная деревенская семья должна дать ему и это образованіе въ своихъ стѣнахъ,

и это вовсе не дорого. во много разъ дешевле расходовъ на содержаніе дѣтей вдали отъ себя, въ гимназіи и университетѣ.

XI.

Но зато не будетъ «правъ», чина X класса въ 20 лѣтъ и пр. и пр. Да, но съ этимъ ужь конечно нужно примириться: одно изъ двухъ—или естественное счастье, или искусственное. Я говорю лишь о естественномъ счастьѣ, а не о томъ, какъ приспособиться къ химерамъ. Нельзя желать отрицающихъ другъ друга вещей: свободы,—сохраняя рабство, здоровья,—оставаясь среди заразы, богатства и знатности,—желая быть независимымъ отъ того и другого. Совершенно невозможно и деревенскую невинность соблюсти, и городскіе капиталы пріобрѣсти. Чѣмъ-нибудь нужно пожертвовать, и я все къ тому веду рѣчь, что нужно пожертвовать городскими благами—въ пользу деревенскихъ. Для счастья нужно отказаться отъ постройки вавилонской башни изъ своей жизни, отказаться отъ стремленія къ такъ-называемымъ «вершинамъ общества»: небольшое размышленіе покажетъ, что эти вершины холодны, безжизненны, скучны, что истинное счастье на средней зонѣ—между пропастью нищеты и линіей вѣчнаго богатства. Не отдаляйтесь слишкомъ далеко отъ нормы, и вы будете счастливы, а норма человѣка—кусокъ хлѣба и стаканъ воды, чистый воздухъ, легкій трудъ, любовь и свобода

Непониманье жизни, стремленіе къ ложному счастью—карьерѣ, чинамъ и пр., какъ и всякіи грѣхъ, тотчасъ-же влекутъ за собою и казнь, хотя и несознаваемую. Въ старину человѣкъ росъ и жилъ тамъ, гдѣ родились и жили его предки; онъ составлялъ органическое явленіе своей мѣстности и своего общества; родители были счастливы знать, что дѣти ихъ—лучшая радость жизни—никогда не будутъ оторваны отъ дома, что они дождутся вну-

ковъ и даже правнуковъ, которые будутъ жить въ этомъ-же старомъ домѣ, среди этихъ-же рощъ, около той же рѣки. Мнѣ кажется, и смерть не такъ была страшна, когда кругомъ видѣли свое продолженіе, свой родъ, прочно укоренившійся, свое размноженное «я». И дѣти въ старину были счастливы: имъ не отравляли дѣтства и юности изгнаніемъ изъ родного дома, тѣмъ болѣе горькимъ, чѣмъ ребенокъ нѣжнѣе сердцемъ. Деревенская цивилизація обезпечиваетъ это органическое родство между родными,—городская—до крайности разстраиваетъ его. Безконечная спеціализація труда и кипучій обмѣнъ его требуютъ безпрерывной перекочевки людей, причемъ постоянно обрываются всѣ родственныя и общественныя связи: едва успѣетъ человѣкъ привыкнуть къ мѣсту и войти въ составъ общества, карьера гонитъ его къ лучшимъ условіямъ труда, причемъ ради лишняго десятка рублей въ сосѣднемъ полушаріи иногда бросается все дорогое, что есть на свѣтѣ: родина, друзья, родные, родители и дѣти; какъ часто дѣти воспитываются за тысячу верстъ отъ родителей. Отправляя дѣтей въ города, «учиться», страдаютъ самыми горькими муками и старые и малые, пустѣетъ гнѣздо, созданное долгими годами; старики уже теряютъ цѣль жизни, весь закатъ ихъ омраченъ точно свинцовой тучей. Въ нормальныхъ семьяхъ бабушка качаетъ на своихъ колѣняхъ внуковъ и переживаетъ еще разъ блаженство молодости, а въ особенно счастливыхъ семьяхъ люди праведные имѣютъ счастье дождаться и правнуковъ. Нѣсколько поколѣній, связанныхъ въ одну непрерывную цѣпь любви, создаютъ атмосферу нѣжности, въ которой, когда придетъ чередъ, хорошо и умереть. А вѣдь какъ умираютъ у насъ старики: одинокіе, сиротливые, за тысячу верстъ отъ дѣтей, которыя въ этотъ страшный мигъ, можетъ быть танцуютъ или бѣсятся. Итакъ, отправляя дѣтей въ городъ, не утѣшайтесь тѣмъ, что это только *разлука*: нѣтъ, это всегда *разрывъ* семьи, всегда распаденіе ея. Разорванные и разбросан-

ные члены семьи еще долго чувствуютъ боль разрыва,—родители иногда до самой смерти; что касается дѣтей, то молодыя раны быстро затягиваются, и по окончаніи курса, всего черезъ восемь-двѣнадцать лѣтъ, юноша уже совершенно чуждъ семьѣ—къ своему тайному стыду и къ горю родителей. Если юноша заурядный, онъ заявляетъ только «право» на наслѣдство и совершенно не чувствуетъ на себѣ обязанностей. Семья распалась, отцовское гнѣздо разорено, дѣти разсыпались по разнымъ губерніямъ и почти затерялись. «Что-то долго не пишетъ Ваня»—вѣчный припѣвъ стариковъ. Дѣти не пишутъ, они тяготятся даже этою легкою повинностью, и старики передъ гробомъ чувствуютъ себя болѣе одинокими, чѣмъ тогда, когда пришли въ міръ.

Городская культура, безпрерывно ломая семью и совершенно не давая сложиться роду, въ сущности крошитъ всякое органическое строеніе въ обществѣ, она дробитъ состоянія, какъ морскія волны прибрежныя породы, превращая общее богатство въ сыпучій и подвижной видъ: какъ дюны на берегу, состоянія то отлагаются въ цѣлые холмы и горы, то быстро исчезаютъ. Въ этой кромѣшной свалкѣ карьеръ и профессій, построенныхъ не на семьѣ, не на землѣ, гибнутъ лучшія человѣческія силы. Только деревня, хозяйство среди природы даютъ наслѣдственный трудъ, и только здѣсь возможно настоящее человѣческое гнѣздо. Разъ вы поселились въ деревнѣ, сочли деревенскій бытъ *для себя* наилучшимъ, вы по совѣсти обязаны сохранить этотъ бытъ и для потомства. Разъ вы считаете сожительство съ дѣтьми великимъ счастьемъ для себя и для нихъ, не разрушайте-же сами этого счастья, пожалѣйте свое сердце.

Прогрессъ.

I.

Преданіе говоритъ, что высочайшій изъ небесныхъ духовъ, созданный для блага, отдѣлившись отъ Бога, сдѣлался носителемъ зла. Таковъ удѣлъ разума въ человѣческой жизни: отдѣляясь отъ совѣсти, онъ дѣлается орудіемъ заблужденія Чѣмъ держится ложная культура? Ея кажущейся *разумностью*. Заблужденіе не существовало-бы, еслибы не защищалось разсудкомъ—таковъ трагическій законъ психологіи. Орудіе истины,—разумъ является охотно и защитникомъ лжи, столь-же сильнымъ и краснорѣчивымъ.

Можетъ-ли быть *ложною* городская цивилизація, въ которой видно такъ много *разума*? спрашиваетъ варваръ, знакомящійся съ чудесами комфорта. И дѣйствительно, въ городскую жизнь вложенъ огромный умственный капиталъ. Взгляните на эти громады роскошныхъ зданій, на безчисленныя переплетающіяся системы водопроводовъ, водостоковъ, газовыхъ, электрическихъ и иныхъ проводовъ, на сѣти телеграфныхъ и телефонныхъ проволокъ, на лабиринты улицъ съ ихъ желѣзными, воздушными, подземными и даже подводными путями, взгляните на гранитныя набережныя, изящные бульвары, троттуары, мостовыя. Даже грубые камни мостовыхъ — какъ много вложено въ нихъ вниманія и разсчета! Каждый изъ милліардовъ этихъ камней или кирпичей зданій обдѣланъ, привезенъ и пригнанъ рукою человѣка, множество разъ взвѣшенъ его мускульною и умственною си-

лою. Внутри здани, куда-бы вы ни обратились, васъ встрѣчаютъ чудесныя изобрѣтенія—въ украшеніяхъ, утвари, мебели и т. п. Вся жизнь городского человѣка предусмотрѣна изъ минуты въ минуту и обставлена заранѣе обдуманнымъ удовлетвореніемъ. Даже самыя потаенныя потребности совершаются при помощи машинъ и спеціальныхъ снадобій. Чуть-ли не каждый ноготь имѣетъ по нѣскольку особыхъ инструментовъ для своей холи; даже для вырыванія волосиковъ изъ носу существуетъ особый электрическій приборъ. Молнію, предъ которой дрожали древніе народы, какъ предъ блескомъ очей Божіихъ, городской человѣкъ сдѣлалъ почтальономъ, заставилъ откупоривать бутылки и наигрывать веселыя пѣсенки. До мельчайшихъ клѣтокъ своихъ городская культура насыщена и даже пересыщена умомъ, и встрѣчаясь съ этимъ бьющимъ въ глаза изобиліемъ ума, человѣкъ невольно думаетъ, что культура эта разумна, что она самая истинная и совершенная изъ возможныхъ. Ужь если въ устроиство клозета вложено столько генія, разсуждаетъ простодушный варваръ, — то въ основные, великіе уставы общества и подавно! При этомъ варваръ со стыдомъ вспоминаетъ свою деревенскую культуру, столь бѣдную человѣческими изобрѣтеніями.

Въ жизнь деревни, дѣйствительно, вложено немного человѣческаго разума, немного знанія. Въ то время, какъ городская культура какъ-бы сплошь соткана изъ умственныхъ напряженій,—деревенская слагается сама, изъ естественныхъ вѣчныхъ явленій природы, въ которыхъ нѣтъ ничего придуманнаго. Деревня полна жизни, движенія, волшебныхъ красокъ и звуковъ, но все это не сочинено, не изобрѣтено людьми, и потому «неразумно». Когда движется паровозъ — это удивляетъ, какъ чудо, а когда движется лошадь или птица, это кажется совершенно простымъ. Солнечное освѣщеніе въ деревнѣ вещь естественная и не возбуждаетъ вниманія. Другое дѣло электрическій фонарь: въ городѣ фонарю изу-

мляются, имъ гордятся. Пусть въ фонарѣ все украдено изъ природы вещество, силы и законы, дающіе свѣтъ,—человѣку принадлежитъ лишь механическое сближеніе этихъ силъ, — тѣмъ не менѣе вся честь электрическаго освѣщенія присваивается человѣку, его разуму. Возьмите другое явленіе деревни—развитіе растенія изъ сѣмени. Оно поразительно и безпредѣльно по глубинѣ, но оно кажется «неразумнымъ». Вѣтка дерева съ тончайшимъ, невидимымъ строеніемъ начинаетъ изумлять только превращаясь въ тросточку хлыща съ какою-нибудь скабрезною ручкой. Удивляются голубой матеріи, зеленому цвѣту крыши, тогда какъ голубая лазурь неба и зелень луговъ слишкомъ просты. Хитеръ водяной душъ въ купальномъ шкафу и совершенно простъ естественный дождь, орошающій поля. Воздушный шаръ—хотя-бы ему предстояла неизбѣжная участь завязнуть гдѣ-нибудь въ болотѣ и перекалѣчить воздухоплавателей—приводитъ въ гордый восторгъ культурнаго человѣка, — онъ не находитъ словъ для выраженія величія своего генія, съ презрѣніемъ глядя на деревню. Деревня ничего столь «разумнаго» не изобрѣла правда, въ деревенскомъ небѣ каждый день поднимаются и рѣютъ не менѣе величественныя, чѣмъ шаръ, облака и по тѣмъ же законамъ, какъ и шары,—но кто-же станетъ гордиться облаками!

Вы видите, что деревенская культура хотя и сложена изъ необходимыхъ, благодѣтельныхъ, животворныхъ явленій,—*изобрѣтеній Бога,* непостижимо загадочныхъ,—но бѣда въ томъ, что они *естественны* и въ силу этого въ глазахъ заурядnаго человѣка кажутся лишонными разума въ сравненіи съ *искусственными* городскими хитростями. Хотя всѣ эти маленькія хитрости составляютъ не что иное, какъ микроскопическія, часто уродливыя подражанія природѣ, но въ нихъ видна выдумка, тогда-какъ въ природѣ будто-бы ея нѣтъ—до такой степени нѣтъ, что человѣкъ непрочь иногда исправить промахи творенія. Садовники въ Китаѣ различными ухищреніями вы-

гоняютъ карликовыя деревца съ миніатюрными плодами. Чтобы достичь этой нелѣпой цѣли, затрачивается множество вниманія, времени и знанія, — и всѣ ахаютъ передъ садиками-уродцами, какъ передъ «торжествомъ» садоводства, тогда-какъ обыкновенные роскошные лѣса, созданные природой, не вызываютъ никакого удивленія. Потерявъ чутье къ божественному Разуму, вложенному въ природу, человѣкъ чувствуетъ только свой ограниченный умъ и только то считаетъ истиннымъ и разумнымъ, въ чемъ видитъ участіе этого разума, столь маленькаго и условнаго, столь способнаго на безуміе.

II.

«Разумность» городской цивилизаціи, основанной на изобрѣтеніи, проникнута измѣной истинѣ. Эта разумность только внѣшняя. она заключается въ *средствахъ* культуры, а не въ *цѣляхъ* ея. Въ основныхъ задачахъ культуры, сколько ни вложено въ нихъ ума, замѣтно мало разума. Система общественности груба и нецѣлесообразна, она крайне неуравновѣшена и невыгодна людямъ. Основы нынѣшней цивилизаціи продолжаютъ быть языческими, какъ-бы ни развивались и ни украшались геніемъ человѣка. Цивилизація эта похожа на допотопную телѣгу на каменныхъ колесахъ, покрытую роскошными инкрустаціями: колесница драгоцѣнна, въ нее вложена бездна искусства, а ѣхать въ ней мученье. Какъ ни отдѣлывайте комнату неудачно построеннаго дома, все-же въ ней не будетъ достаточно ни простора, ни воздуха, ни свѣта. Разумъ въ современной цивилизаціи является простымъ коэффиціэнтомъ явленій; онъ усиливаетъ добрыя явленія и усиливаетъ злыя, вооружаетъ совѣсть и одинаково безсовѣстность, онъ развиваетъ положительныя начала жизни, но въ той-же мѣрѣ и отрицательныя, и даже мнимыя, создавая, какъ коэффиціэнтъ при ирраціональномъ выраженіи, иногда чудовищные по объему и нелѣ-

пости результаты. Мы ослѣплены поверхностною разумностью европейской жизни, а разумна-ли глубина ея? Развѣ разумны, въ самомъ дѣлѣ, такія явленія, какъ капитализмъ, милитаризмъ, пролетаріатъ, вырожденіе и т. п.? А вѣдь эти страшныя явленія вытекаютъ изъ самаго плана современной культуры. Развѣ разумна промышленная bellum omnia contra omnes, этотъ кромѣшный хаосъ «свободной конкурренціи», съ торговыми шайками, облавами, засадами, заговорами и мятежами, слывущими подъ невинными названіями акціонерныхъ компаній, синдикатовъ, стачекъ, биржевыхъ краховъ и т. п.? Въ средніе вѣка, въ эпоху кулачнаго права, было не больше произвола и взаимнаго грабежа, чѣмъ нынче въ промышленной области. Насъ возмущаетъ, что древній баронъ облагалъ податью проѣзжихъ по его землѣ, — а развѣ насъ не облагаютъ совершенно произвольною податью разные ситцевые, сахарные, угольные, нефтяные, хлѣбные и другіе бароны? Развѣ разумно, что всѣ великія державы въ неоплатныхъ долгахъ и переживаютъ дни въ ожиданіи войны, которая для всѣхъ гибельна,—что они, не сдѣлавъ выстрѣла, уже платятъ въ мирное время громадную ежегодную контрибуцію кучкѣ банкировъ? Примѣры вопіющей неразумности въ самыхъ устояхъ европейскаго склада жизни безчисленны. И неразумность эта опять-таки держится излишнею вѣрою въ разумъ, въ его способность устроить истинную норму жизни безъ помощи совѣсти. Милитаризмъ съ верховной точки зрѣнія—безуміе, но онъ весь вышелъ изъ «разума», какъ вооруженная Паллада изъ головы Зевса. Разумъ говоритъ, что побѣждаетъ сильный, и слѣдовательно, нужно вооружаться безъ конца. Только совѣсть можетъ подсказать, что борьбы не нужно, и что еслибы хоть сотая часть тѣхъ средствъ, которыя отнимаетъ война, были употреблены на проповѣдь мира — войны не было-бы и всѣ были-бы въ выигрышѣ. Точно также капитализмъ: онъ явно губителенъ, но вытекъ изъ разумныхъ соображеній и те-

ніальныхъ разсчетовъ. Только совѣсть можетъ доказать ненужность и вредъ сосредоточенія колоссальныхъ богатствъ—вредъ нетолько для бѣдняковъ, но и для богачей. «Разумность» — орудіе могучее въ сферѣ мертвой, механической дѣятельности человѣка—теряетъ свою силу въ области живыхъ общественныхъ отношеній. Привыкнувъ въ техникѣ къ симметрическимъ формамъ, какъ признаку разумности, мы склонны добиваться тои-же симметріи и въ человѣческихъ отношеніяхъ, но здѣсь-то ея и быть не можетъ. Тутъ истиною заправляетъ не логика, а *любовь*, нѣчто такое, что вопреки всѣмъ ухищреніямъ утилитаристовъ всегда останется независимымъ отъ человѣческаго ума. Любовь—разумъ божественный—съ человѣческой точки зрѣнія бываетъ безумна, однако «безумная любовь» есть истинное начало жизни, тогда-какъ «умный разсчетъ» часто есть ложь· любовь устраиваетъ, разсчетъ—разстраиваетъ счастье. Любовь побуждаетъ съ радостью поддерживать ближняго и помогать ему въ достиженіи счастья,—человѣческій-же разсчетъ иногда подсказываетъ придавить его, какъ соперника. Совѣсть гнушается побѣдой, умъ о ней мечтаетъ, и въ обществахъ, устроенныхъ на умѣ, неизбѣжна та адская свалка эгоизмовъ, которую мы теперь видимъ. Въ этомъ коренная ошибка утопистовъ, пишущихъ о золотомъ вѣкѣ; они основываютъ его на *умѣ*, тогда-какъ истинное общество можетъ быть основано на *совѣсти*, которая есть тоже умъ, но не человѣческій, а божественный и потому не всегда объяснимый. Сущность современной цивилизованной жизни нетолько не разумна, но и не можетъ быть разумной, пока основана только на умѣ.

Для оправданія городской цивилизаціи умъ придумалъ, конечно, самые изощренные аргументы и теоріи. Какъ пьяница утѣшаетъ себя тѣмъ, что «вино грѣетъ и даетъ силу», что «in vino veritas», и т. п., такъ и порочная цивилизація для оправданія очевиднаго грызущаго ее зла выдвигаетъ доводы разсудка, науки, поэзіи, фило-

софіи и даже морали. И подобно тому, какъ пьяница, сколько-бы ни воспѣвалъ вино, сколько-бы ни философствовалъ о его благотворномъ значеніи для здоровья, для ясности духа и для дружбы,—все-же обреченъ на перерожденіе печени, на катарръ желудка и алкогольное помѣшательство, — такъ точно и пьяная въ различныхъ отношеніяхъ городская культура: она разлагается на нашихъ глазахъ въ язвахъ пресыщенья и истощенья. Эта культура еще ослѣпляетъ близорукихъ идолопоклонниковъ; вся въ косметикахъ, какъ опытная кокотка, она можетъ имѣть еще болѣе цвѣтущій видъ, чѣмъ скромная деревенская культура съ ея естественнымъ загаромъ; кокотка еще гордится своими румянами, какъ «послѣднимъ словомъ химіи», по червонцу за золотникъ, но дни красоты ея сочтены. Она хоть и нарождается еще, но уже и гибнетъ, и если-бы рядомъ съ нею не было питающей ее деревни, она не продержалась-бы и трехъ дней.

III.

Для оправданія ложной цивилизаціи существуетъ теорія вѣчнаго развитія, прогресса, эволюціи. Эта теорія отличается замѣчательной строиностью, какъ всѣ мертвыя, механическія построенія. Кристаллизовавшійся, остановившійся въ теоріи умъ красивѣе ума живого, подвижнаго, какъ морозные узоры на окнѣ красивѣе пара, изъ котораго они произошли. Теорія прогресса — навязываетъ природѣ вѣчное развитіе—то съ цѣлью воплощенія Всемірнаго Духа, который втеченіе всей прошлой вѣчности все еще, будто-бы, не успѣлъ воплотиться,—то безъ всякой цѣли. Цѣль развитія — идеалъ — признается безконечно далекимъ и недостижимымъ, и въ этомъ будто бы заключается вѣчный импульсъ жизни, залогъ непрерывнаго развитія. Теорія вѣчнаго прогресса всѣми принята теперь и считается почти безспорной. Меня-же она вовсе не увлекаетъ. Безконечное развитіе мнѣ кажется

какою-то кощунственною безсмыслицей; оно отрицаетъ одно изъ основныхъ свойствъ Бога—неизмѣнность. Вѣчное развитіе, отъ вѣка предустановленное, дѣлаетъ Бога излишнимъ. Разъ машина пущена въ ходъ на цѣлую вѣчность—что дѣлать механику?

Вѣчное развитіе вполнѣ отвѣчаетъ матеріалистической философіи, которая ничего не знаетъ, кромѣ атомовъ и ихъ комбинацій, кромѣ механическаго отслаиванья явленій при безконечной встряскѣ. Иной природы въ мірѣ, иной души матеріалисты не допускаютъ, и чтобы прикрыть хаосъ, неизбѣжный по ихъ теоріи, они выдумали «вѣчное развитіе». Но эта теорія, упраздняя Бога, упраздняетъ и совѣсть человѣка, и разумъ. Къ чему они, разъ мы захвачены въ великій міровой потокъ и въ немъ барахтаемся? Какъ инфузоріи въ Гольфстремѣ, мы не можемъ отклонить всемірнаго теченія ни на ширину волоска. Какъ-бы ни было гадко на свѣтѣ, мы должны утѣшиться, что это — неизбѣжная «стадія развитія», и какъ-бы ясно ни указывала намъ совѣсть лучшіе порядки, спѣшить не слѣдуетъ: мы безсильны подойти къ цѣли ранѣе, чѣмъ насъ донесетъ до нея общій прогрессъ. А что непремѣнно донесетъ, въ этомъ правовѣрные поклонники прогресса не сомнѣваются. Когда имъ указываютъ на то, что не все идетъ къ лучшему, что и отдѣльные люди, и цѣлыя государства, цѣлыя цивилизаціи, цѣлые материки со всей природой ихъ вымирали и гибли, и даже небесныя тѣла распадаются на части· какой-же это прогрессъ?—правовѣрные отвѣчаютъ на это, что «стало быть такъ нужно для высшаго мірового развитія,—прогрессъ идетъ спиралью, и на смѣну худшаго міра явится когда-нибудь лучшій». Явится-ли, однако?—Непремѣнно явится, добродушно завѣряютъ прогрессисты, читающіе въ безконечности точно у себя въ записной книжкѣ. Признаюсь, перспектива лучшаго міра, хотя-бы «по спирали», этакъ черезъ милліонъ лѣтъ, меня мало соблазняетъ, и толки о немъ мнѣ кажутся пустословіемъ. «Безконечнаго развитія» въ мірѣ

я не вижу, и не вижу никакихъ основаній для него. Еслибы у міра были какія-нибудь цѣли, онъ имѣлъ уже время ихъ достигнуть: въ прошломъ протекли вѣдь неизмѣримыя бездны вѣковъ (если допускать существованіе времени вообще: новѣйшіе философы, какъ извѣстно, для самого міра отрицаютъ время, какъ и пространство, считая эти понятія лишь формами *человѣческаго* сознанія). Къ міру нельзя прилагать мѣры и нормы нашего, ограниченнаго пониманія. «Стремиться», «достигать цѣлей» могутъ только конечныя, мгновенныя существованья,— міръ-же въ цѣломъ неподвиженъ, неизмѣненъ и каждое мгновеніе достигаетъ всѣхъ своихъ цѣлей.

Каждое явленіе есть и идеалъ (для схожихъ явленій), и отступленіе отъ идеала, подобно тому, какъ любая фигура можетъ быть и типомъ для смежныхъ фигуръ, и разновидностью каждой изъ нихъ. Идеалъ возможенъ только для отдѣльныхъ существованій, и каждое изъ нихъ имѣетъ свой особый. Идеалъ есть моментъ, когда вещь приходитъ въ равновѣсіе съ остальнымъ міромъ и съ самою собою. Капля воды принимаетъ безконечное число формъ, но всѣ онѣ стремятся къ формѣ шара, которая и есть для капли идеалъ: приближаясь къ этой формѣ, капля всего прочнѣе и уравновѣшеннѣе; слишкомъ отдаляясь отъ нея, она разрушается. Нельзя утверждать, что идеалъ (для какой угодно подвижной системы) недостижимъ или безконечно далекъ: напротивъ, онъ безконечно близокъ и каждую минуту достижимъ, лишь-бы явились вполнѣ опредѣленныя для этого условія. Человѣкъ, какъ и всякое явленіе, имѣетъ *свой*, человѣческій идеалъ и не внѣ себя, а внутри, не въ безконечно-далекомъ будущемъ, а теперь, каждое мгновеніе. И этотъ идеалъ достижимъ совершенно одинаково теперь, какъ и черезъ милліоны лѣтъ, смотря по тому, когда явятся подходящія условія. Эти условія слагаются не каждый моментъ, но иногда всетаки слагаются: на мгновеніе мы достигаемъ идеала,

какъ и капля на мгновеніе бываетъ шаромъ. Мнѣ кажется, когда мы истинно добры,—а это случается-же,—когда насъ восхищаетъ улыбка милои женщины или лепетъ ребенка, мы у идеала; когда, взволнованные до слезъ красотой природы, мы обращаемся къ Богу—мы у идеала; когда охватываетъ насъ чувство долга, героизма, умиленія, счастья высокои мысли,—мы у идеала. Въ эти счастливыя минуты мы совершенны какъ боги. Не каждый испытываетъ эти мгновенія одинаково часто, но каждыи способенъ ихъ испытывать всегда· стóитъ явиться нужнымъ для этого условіямъ. Случается, что эти условія слагаются сами собои — и тѣмъ истинная (деревенская) цивилизація и хороша, что даетъ *естественныя* условія счастья· вы рождаетесь въ ней уже готовымъ для идеала и входите въ среду благопріятную для него. Поэтому жизнь въ природѣ, не загаженнои и не истощенной хищничествомъ, безъ особыхъ усилій приближаетъ человѣка къ совершенству. Въ тѣхъ рѣдкихъ райскихъ уголкахъ, гдѣ слагалась иногда чистая деревенская цивилизація, человѣкъ *естественно* перерождался въ красивое, сильное, интеллигентное и доброе существо, которому было легко доступно счастье осуществленнаго идеала.

IV.

Мысль о безконечноі эволюціи, о недостижимости идеала не только праздная, ни на чемъ не основанная, но и вредная мысль: она, подобно мусульманскому предопредѣленію, связываетъ живое творчество человѣка, примиряетъ его со зломъ и парализуетъ стремленіе къ благу. По теоріи прогресса ничто ни достаточно хорошо, ни достаточно плохо. Если вамъ хорошо, прогрессистъ говоритъ съ кислой миной.—Это еще что за «хорошо»! Впереди гораздо лучше. — Лучше всего? спрашиваете вы.—Нѣтъ, отвѣчаетъ прогрессистъ:—самое лучшее недоступно. Этимъ внушеніемъ онъ въ бочку меда

вашего самочувствія всегда вливаетъ каплю дегтя. Если идеалъ недостижимъ, то человѣкъ всегда немного недоволенъ, сколько-бы ни совершенствовался, и жизнь его всегда немного отравлена. Для чего достигать лучшаго, если и лучшее не удовлетворитъ? Я очень хорошо помню изреченіе Лессинга объ истинѣ въ одной рукѣ Божіей и о достиженіи ея въ другой рукѣ, я знаю необходимость вѣчнаго стремленія къ идеалу, но думаю, что именно для этого-то вѣчнаго стремленія идеалъ хоть на мгновенія долженъ быть достижимъ, чтобы человѣкъ имѣлъ *реальное* о немъ представленіе, и только такое вполнѣ живое представленіе способно увлекать человѣка. Какъ стремиться къ тому, чего никогда не испыталъ, не прочувствовалъ и о чемъ не имѣешь понятія? Если-бы идеалъ былъ недостижимъ, разговоры о немъ были-бы безсмыслены, какъ о вещи небывалой и не существующей. Схемой стремленія къ идеалу берутъ обыкновенно ассимптоту (параболу, стремящуюся на безконечномъ разстояніи коснуться линіи, параллельной ея оси), или многоугольникъ, при безконечномъ увеличеніи числа его сторонъ, стремящійся къ кругу и т. п. Эти схемы не отвѣчаютъ идеалу живого, реальнаго существованія: для него схемой можетъ служить какая-нибудь колеблющаяся система, напр., маятникъ. Подъ вліяніемъ тяжести и инерціи маятникъ вѣчно колеблется, но на мгновеніе въ каждомъ взмахѣ совпадаетъ съ вертикаломъ. Въ этомъ жизнь маятника, въ этомъ и вообще земная жизнь: успокоеніе въ идеалѣ было-бы *безсмертіемъ*, какъ остановка маятника на вертикалѣ, но не *жизнью*. Счастье жизни въ томъ, чтобы колебанія дѣлались быстрѣе и чтобы мы возможно чаще совпадали съ идеаломъ. Совершенная жизнь подобна лучу свѣта, гдѣ эфирныя колебанія непостижимо быстры, но не сливаются сплошь съ направленіемъ луча, а ежемгновенно его пересѣкаютъ. Инстинктивно зная, что идеалъ достижимъ и что онъ внутри, а не внѣ насъ, человѣкъ естественно

жаждетъ этого достиженія, чтобы снова и снова прожить хорошія минуты. Мнѣ скажутъ: «Достаточно испытать любое счастье, чтобы оно потеряло свою прелесть; заманчиво только недоступное». На это я замѣчу, что теряетъ прелесть лишь то, чего вы достигнувъ, остановились: являются пресыщеніе и скука. Но если вы достигли чего-либо и тотчасъ-же утратили, ваша жажда никогда не насыщается: достиженіе идеала на одно мгновеніе лишь подтверждаетъ прелесть надежды и усиливаетъ желаніе. Наоборотъ, совершенная недостижимость парализуетъ всякое желаніе стремиться къ цѣли каждый нагнется поднять красивый цвѣтокъ, но никто не протягиваетъ руки къ звѣздамъ, не менѣе прекраснымъ, чѣмъ цвѣты. И я думаю, идеалами нужно считать цвѣты, а не звѣзды.— «Вашъ идеалъ достижимъ, возразитъ мнѣ прогрессистъ,— но это потому лишь, что онъ не высокъ· вы несовершенны, и удовлетворить васъ не трудно. Но вы попробуйте вообразить себя инымъ, болѣе совершеннымъ, напримѣръ, безплотнымъ существомъ и попробуйте достичь его идеала». На это я отвѣчу, что зачѣмъ-же мнѣ воображать себя тѣмъ, что я не есть? Я человѣкъ, и не могу воображать себя ни птицей, парящей въ воздухѣ, ни растеніемъ, ни духомъ. Вотъ когда я превращусь въ иное существо, тогда, разумѣется, и идеалъ мой измѣнится, покаже я человѣкъ, мой идеалъ можетъ быть только *человѣческій*, и разъ онъ такой—онъ для меня достижимъ. У каждаго человѣка свой особый идеалъ, отвѣчающій его индивидуальности, и если-бы порокъ давалъ здоровое, не отравленное счастье, допустимы были-бы и порочные идеалы. Они невозможны потому лишь, что зло, какъ начало разрушительное, не можетъ быть выраженіемъ жизни и за преступленіемъ всегда слѣдуетъ та или иная казнь· въ видѣ-ли противодѣйствія среды или въ видѣ неутѣшнаго горя совѣсти. Человѣкъ искренно злымъ бываетъ лишь въ минуты временнаго помѣшательства. Чаще всего зло происходитъ не отъ злобы, а отъ ошибки—отъ заблуж-

денія разума, разобщеннаго съ совѣстью, это не «злая воля», а плохо-направленная воля. Говоря о достижимости идеала, я имѣю въ виду, конечно, *естественный* идеалъ, а не сочиненный· вотъ сочиненные, предвзятые идеалы тѣ дѣйствительно бываютъ недостижимы. Стоитъ вообразить, что вашъ идеалъ былъ милліонеромъ или великимъ визиремъ, чтобы обречь себя на вѣчное и вполнѣ безполезное стремленіе. Но вѣдь это уже видъ помѣшательства, а не здоровое состояніе. Современное, полное бреда, общественное сознаніе поминутно замѣняетъ естественные, доступные идеалы искусственными, недостижимыми, и въ этомъ мнѣ кажется и заключается коренное зло жизни.

V.

Обезсиливая стремленіе къ естественному и близкому совершенству, теорія прогресса дѣлаетъ какъ-бы ненужною и борьбу со зломъ. Если всякое зло есть лишь «стадія развитія», то уничтожать его не значитъ-ли бороться противъ самого прогресса? Правда, желаніе бороться со зломъ я могу назвать тоже «стадіей развитія» и этимъ оправдать себя передъ прогрессистами, но я также буду правъ, если и откажусь отъ борьбы подъ предлогомъ, что это тоже особая «стадія развитія». Я буду правъ, если сниму у нищаго рубище. вѣдь и это «стадія развитія», и этимъ фиговымъ листкомъ уже многіе прикрываютъ срамоту своей совѣсти. Теорія прогресса устанавливаетъ совершенствованіе жизни помимо воли людей: только садитесь въ карету времени, и она ужь довезетъ васъ до воротъ рая, хотя и черезъ 100,000 лѣтъ послѣ вашей смерти. Людей, по теоріи прогресса, какъ-бы нѣтъ, а есть какія-то пѣшки, съ которыми прогрессъ творитъ что хочетъ. Особенно пылкіе защитники эволюціи полагаютъ, что сдѣлаться порядочнымъ человѣкомъ нельзя вовсе. «надо, говорятъ они—родиться такимъ

человѣкомъ, получить отъ предковъ и другихъ условій жизни своего рода аристократическую привилегію на нравственное совершенство и зависящее отъ него счастье, и есть тысячи, миллионы людей, привилегіи этой не имѣющіе и потому злымъ рокомъ *предопредѣленные* быть нравственными уродами... и неуклонно стремиться къ несчастію и гибели». Прогрессисты договариваются буквально до предопредѣленія,—до полнои безполезности борьбы со зломъ, до полной невмѣняемости всѣхъ гадостей. Для дурныхъ людей это просто скрижали Моисея: не получилъ отъ предковъ и другихъ условій нравственнаго совершенства,—вините не меня, а злой рокъ.

Изъ всѣхъ красивыхъ по внѣшности предразсудковъ теорія неизбѣжнаго прогресса одинъ изъ самыхъ вредныхъ. Эта теорія освобождаетъ человѣка отъ нравственнаго долга, отъ обязанности быть самому «кузнецомъ своего счастья», по латинской пословицѣ. Я-же думаю, что вѣчно-предопредѣленнаго прогресса не существуетъ, и ничто заранѣе обезпеченное не ждетъ насъ въ будущемъ. Человѣчество впереди можетъ быть и блаженно, и несчастно, смотря по тому, чего оно добьется. Счастье какъ отдѣльной личности, такъ и народу не дается даромъ: его нужно заслужить полною мѣрой, иначе оно не будетъ достигнуто никогда. «Царство Божіе внутри васъ»: оно всегда доступно, для каждаго человѣка и для каждаго поколѣнія въ полной мѣрѣ, но «Царство Божіе съ усиліемъ дается, и употребляющій усиліе восхищаетъ его». Надо всегда помнить, что нетолько можно, но и нужно быть счастливымъ именно *теперь*, въ данную минуту жизни, не ожидая безконечно отдаленнаго, химерическаго «золотого вѣка». Для этого нужно быть увѣреннымъ, что счастье доступно, что оно близко, въ насъ самихъ. Зная это, мы меньше вниманія обращали-бы на «наслѣдство предковъ», на «другія условія» и вообще на внѣшній міръ, и болѣе—на внутренній, на міръ души своей, всегда требующей къ себѣ вниманія. Вѣдь стоитъ только

возвратиться къ своей душѣ, чтобы увидѣть, что она уже рождена счастливой, что она довольна Богомъ и не желаетъ безконечной тревоги для достиженія какого-то будущаго блаженства: она можетъ и хочетъ быть блаженной теперь. Ошибочное внушеніе, что счастье внѣ насъ, заставляетъ современнаго человѣка весь капиталъ души своей вкладывать въ переустройство внѣшняго міра, въ созданіе комфорта, путей, зданій, утвари, одежды, украшеній, жилищъ,—и души у человѣка не остается для него самого. Человѣкъ какъ-бы хочетъ превзойти природу, исправить ея законы и своею младенческой кистью пройтись по великой картинѣ мірозданія. Для счастья-же человѣка вѣрнѣе думать, что міръ никуда не стремится, что онъ такъ-же хорошъ, какъ и въ дни творенія, и что дурны только люди, и даже люди не такъ дурны, чтобы нельзя ужь быть счастливыми. Въ жизни, какъ иногда, въ математической выкладкѣ, полезно бываетъ предположить, что «задача рѣшена», что вы уже счастливы, и тогда задача счастья выяснится легко и просто.

VI.

Мысль о безконечномъ прогрессѣ, я думаю, навѣяна не наблюденіемъ надъ міромъ, а просто жадностью нынѣшней цивилизаціи, признакомъ старости ея. Кто можетъ удостовѣрить *безконечность* какого-нибудь явленія, когда и вся-то жизнь человѣчества—одинъ мигъ въ безднѣ времени? Идея эволюціи явилась обобщеніемъ ничтожнаго факта—временнаго прогресса европейскаго общества. Свое лихорадочное возбужденіе, страсть къ карьерѣ наше поколѣніе переноситъ и на природу, всегда величественную, спокойную, никуда не стремящуюся и довлѣющую себѣ. Столь красивый и звучный лозунгъ: «впередъ!» понимается толпою какъ призывъ къ захвату, какъ вихрь перемѣнъ, открытій, изобрѣтеній, ухищреній, причемъ и вопроса не ставится, въ какой мѣрѣ все это

нужно. «Впередъ безъ страха и сомнѣнья!» какъ приглашалъ Плещеевъ въ своеи юности, не подозрѣвая, что впереди, даже на склонѣ его собственноѣ жизни, даже *въ самомъ себѣ* и среди новой молодежи онъ встрѣтитъ не «подвигъ доблестный», а полную неспособность къ подвигу. Этотъ лозунгъ прогресса· «впередъ!» (Go ahead) сдѣлался idée fixe нашеѣ эпохи, и какъ всякая манія, онъ ведетъ ее къ гибели. Въ началѣ нынѣшняго вѣка Европа стояла на путяхъ развитія политическои свободы, промышленности, капитализма, обезземеленія народа, развитія городовъ, колоніальнаго хищничества, развитія гуманныхъ идей и жестокихъ дѣлъ, правосудія и милитаризма, просвѣщенія и національной ненависти и т. п. Нѣкоторые пути были прекрасны и вели къ счастью, но другіе пути — и большинство ихъ — были таковы, что подвигаться по нимъ «впередъ» лучше было-бы «со страхомъ и сомнѣньемъ», нежели безъ нихъ. Въ концѣ этихъ путеи оказались пропасти, въ которыхъ уже скрываются авангарды арміи прогресса: поколѣнія оторваннаго отъ земли народа, пресыщенной буржуазіи, переутомленной интеллигенціи, разблагороженноѣ аристократіи. Не «впередъ безъ страха и сомнѣнья» слѣдовало-бы внушать толпѣ, а скорѣе—«остановитесь и осмотритесь», одумайтесь, разглядите дорогу и вспомните, куда вамъ нужно идти, да и нужно-ли. Вы спѣшите отъ деревенскои сохи къ городскимъ машинамъ, вы стремитесь въ города: но, можетъ быть, вы не устроились въ деревнѣ не потому, что она не пригодна для естественноѣ жизни, а только оттого, что *вы* стали не пригодны для такоѣ жизни; но вѣдь если это такъ, то вы всюду понесете съ собою свою негодность и отравите ею всякія условія. Такъ оно и вышло: какъ ни спѣшила, какъ далеко ни отошла теперешняя Европа отъ патріархальной эпохи, она переноситъ съ собою въ XX-й вѣкъ всѣ язвы прошлаго и теперь находится передъ тѣми-же самыми и еще болѣе усложнившимися задачами, какъ и въ началѣ прогресса»

VII.

Идея прогресса, обращающая міръ въ одинъ гигантскій ипподромъ съ бѣшеною скачкою всѣхъ и каждаго, вноситъ много зла въ жизнь людей, захваченныхъ этимъ сумасшедшимъ внушеніемъ. Для достиженія карьеры, которой нѣтъ границъ, люди тратятъ самое дорогое, что есть на свѣтѣ: *время* жизни, данное всего одинъ разъ для каждаго. Теперешняя трудовая жизнь очень похожа на нынѣшнее путешествіе: путникъ, спѣшa въ мѣстность, ничуть не лучшую той, которую онъ оставилъ, не останавливается на развертывающихся картинахъ, не замѣчаетъ ни быта, ни нравовъ, ни обычаевъ попутныхъ странъ. Сѣвъ въ Петербургѣ, онъ черезъ сутки уже въ Польшѣ, еще черезъ сутки — въ Австріи, на третьи сутки — во Франціи и т. д. Такая дорога страшно скучна и утомительна при всей своей волшебной для прежняго времени быстротѣ, и скучна именно по причинѣ этой быстроты. Нето бывало въ старину, когда приходилось нѣсколько разъ въ день останавливаться, «кормить», дневать, ночевать, разводить костры при дорогѣ, купаться въ рѣчкахъ, строить палатки или селиться въ избахъ на время отдыха, — т. е. приходилось хоть понемногу *жить* съ природою и людьми тѣхъ мѣстъ, черезъ которыя ѣхали. Путешествіе было медленное, но интересное; въ каждую минуту его влагалось что-нибудь новое и живое. Такова была вся жизнь въ старину: не спѣшная, обстоятельная и потому интересная. Современный человѣкъ мчится опрометью по своей жизненной дорогѣ, усталый и скучный. Весь живя ожиданіемъ какой-то отдаленной цѣли, онъ боится потерять минуту и теряетъ жизнь, имѣя удовольствіе увидѣть, что въ концѣ «карьеры» насъ ничего не ждетъ, кромѣ смерти. Всѣ великія цѣли оказываются позади, и цѣли пренебреженныя, уже невозвратныя. Отъ рожденія была у меня великая цѣль—быть подобнымъ Богу, а я былъ подобенъ

животному. Была великая цѣль—быть добрымъ, мудрымъ, цѣнящимъ счастье и дающимъ его, — а я былъ золъ и неразуменъ, недоволенъ пучиной счастья, которою окруженъ былъ и самъ разливалъ кругомъ ядъ злобы и скорби... Вмѣсто жизни назади—рядъ тусклыхъ, ничѣмъ не украшенныхъ дней, дней безплодныхъ какъ неудобренное поле. Человѣкъ догадывается — увы, слишкомъ поздно, что не одинъ конецъ жизни имѣетъ право на счастье: такое-же право имѣетъ и начало, и средина, и каждый день, каждое мгновеніе, и въ каждое мгновеніе нужно было влагать свою радость, чтобы жизнь была сплошнымъ счастьемъ. Въ этомъ глубокій смыслъ великаго предостереженія: «не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ». Единственное, что нужно каждую минуту—теперешняя любовь, теперешняя мысль, теперешняя радость—и все это нужно найти теперь-же во что-бы ни стало какъ отдѣльному человѣку, такъ и народу. Въ слѣдующее мгновеніе это будетъ уже поздно: у того свои заботы. Истинный прогрессъ состоитъ не въ томъ, чтобы достигать идеала въ отдаленномъ и даже безконечномъ будущемъ, а въ томъ, чтобы *достигать его теперь*. Тяжело умирать съ сознаніемъ, что еще не жилъ, а мы вѣдь каждую минуту умираемъ для прошлаго. Весь вопросъ счастья въ томъ, чтобы *теперь-же* жить полной, совершенной жизнью, и для этого нужно *теперь-же* устраиваться такъ, какъ будто вы уже достигли отдаленной цѣли: если вы теперь не готовы для счастья, вы не будете готовы и черезъ десятки лѣтъ.

VIII.

Идея «постепеннаго прогресса» заставляетъ и отдѣльнаго человѣка и общество откладывать самыя важныя условія счастья на неопредѣленное будущее, а въ настоящемъ пробавляться кое-какими и даже вредными условіями. Ребенку, напримѣръ, необходимъ теперь-же, въ

годы дѣтства, свой досугъ, своя свобода, чистый воздухъ, игра,—все это *безусловно необходимо*— вѣдь это самые торжественные дни жизни; едва распустившійся, благоуханный цвѣтокъ не завтра, а сейчасъ требуетъ солнца и росы, свѣжаго дуновенія полеи, не запирайте его въ пыльный ящикъ съ стеклянными отверстіями, не заслоняйте отъ него природы. Онъ вѣдь еще питается и ростетъ — не отрывайте его отъ почвы, иначе онъ выйдетъ заморышемъ. Но родители разсуждаютъ: Ну, что-же дѣлать, пусть бѣдный теперь потрудится. Правда, онъ утомленъ послѣ классныхъ занятій, но пусть еще приналяжетъ и выучитъ немножко финикійскихъ неправильныхъ спряженій. Кончитъ курсъ—гуляй себѣ на здоровье! Такъ изо дня въ день, втеченіе десяти лѣтъ, втеченіе всей юности—драгоцѣннѣйшей, невозвратимой поры жизни. Но вотъ гимназистъ «кончилъ курсъ»; желто-зеленое лицо школьника становится изжелта-синимъ. Ему, какъ и прежде, нуженъ досугъ, чистый воздухъ, друзья и т. д. Какъ и въ дѣтствѣ, все это всегда близко и доступно, но его самого уже душитъ жадность. Съ одной стороны тянетъ на улицу, за городъ, въ рощу, на рѣку; какъ хорошо было-бы взять лодку и одному или съ друзьями поѣхать куда глаза глядятъ, высадиться гдѣ-нибудь въ дикомъ мѣстѣ, разложить огонь, побѣгать, подурачиться,—какъ хорошо было-бы провести всю лѣтнюю ночь гдѣ-нибудь на пустынномъ берегу или среди лѣса, вслушиваясь въ таинственные голоса ночи, впивая въ себя ароматъ и свѣжесть, чувствуя надъ собою голубую безконечность. Въ такую ночь, да когда еще соловьи поютъ, да когда чувствуешь вблизи дружеское сердце—можно изнемочь отъ счастья — и какъ не доставить себѣ такой доступной радости? — Да, но съ другой стороны—некогда,—разсуждаетъ студентъ: надо бѣжать на урокъ, на другой, третій, надо репетировать, поправлять ученическія тетради, переписывать по двугривенному за листъ—иначе денегъ не хватитъ. Надо

одѣться почище, купить то, заказать это.. И вотъ мелькаютъ золотые дни и ночи, проходятъ годы поэзіи и восторга души — студентъ ничего не видалъ и не слыхалъ, кромѣ учебниковъ. Въ лучшемъ случаѣ губитъ молодежь нелѣпое желаніе вмѣстить въ четыре года университета развитіе четырехъ вѣковъ европейской мысли. Студентъ соображаетъ — «Гулять ужь некогда! Налягу-ка я хорошенько, запрусь, постригусь въ науку... А тамъ, кончу курсъ, схвачу мѣсто — отдышусь, нагуляюсь». Кончитъ курсъ — наука забыта; та-же жадность сейчасъ-же заточаетъ молодого человѣка въ пыльную канцелярію, безконечно далекую отъ науки, погружаетъ въ вороха бумаги, среди которыхъ приходится корпѣть лучшую половину дня, тратить на нихъ лучшую свѣжесть мозга, возвращаться домой усталымъ и ни къ чему неспособнымъ. И такъ изо дня въ день, изъ году въ годъ, до безпорочной пряжки, до подагры и пенсіи. «Вотъ получу пенсію — поживу, наконецъ, на себя», думаетъ чиновникъ. О пенсіи мечтаютъ съ бо́льшимъ пыломъ, нежели о женской любви, но вотъ и пенсія. — Свобода! Жизнь! Вотъ, наконецъ, и ты! Но пенсіи всегда оказывается мало, и даже отставные генералы ищутъ «письменныхъ занятій», — и это даже лучшій исходъ. Если пенсіи достаточно и работать нѣтъ нужды, то начинается послѣдній актъ драмы. Отставной человѣкъ, къ изумленію своему, видитъ, что онъ рѣшительно не знаетъ, что съ собою дѣлать; онъ начинаетъ себя чувствовать въ страшной пустотѣ. Оказывается, что онъ уже разучился пользоваться свободой и жизнью; что внѣ своихъ входящихъ и исходящихъ онъ ничего не умѣетъ и ничего не знаетъ.— «Боже, да я безграмотенъ! восклицаетъ онъ въ минуту сознанія:—я все позабылъ и ничему не научился, тридцать лѣтъ я ничего не читалъ и оборвалъ всѣ связи съ міровой и общественной жизнью!» Даже по «Петербургской Газетѣ» отставной человѣкъ замѣчаетъ, что гдѣ-то волнуется живое человѣческое море, кипятъ страсти, тре-

пещутъ сердца отъ радости или боли, а онъ далекъ отъ всего этого и все это ему чуждо. Чѣмъ украсить ему немногіе оставшіеся годы? Нечѣмъ. Изъ своей юности онъ не вынесъ благородныхъ и свѣтлыхъ впечатлѣнiи, ни въ маломъ, ни въ великомъ онъ никогда не былъ героемъ, онъ не видалъ и малой доли роскоши природы, не причастился и въ малой мѣрѣ сокровищъ знанія, таланта, вдохновенія. Говорятъ, жили на свѣтѣ мудрецы и поэты, но для отставного человѣка они не жили: онъ ихъ не читалъ и такъ и сойдетъ въ могилу, не подозрѣвая наслажденій, какія даетъ Шекспиръ или Ньютонъ. «Зачѣмъ, спрашивается, я жилъ?» думаетъ горько уже давно въ сущности мертвый, только непохороненный человѣкъ.

Я зналъ чиновниковъ, которые дотого тосковали въ отставкѣ, что приходили въ канцелярію и бродили тамъ безъ дѣла, какъ могильныя тѣни около покинутыхъ жилищъ...

IX.

Еще печальнѣе примѣры загубленныхъ лѣтъ и цѣлыхъ столѣтій въ жизни народовъ, слѣдующихъ теоріи прогресса. Возьмите хотя-бы нашу сосѣдку, Персію. Огромная благословенная Богомъ страна съ неисчерпаемыми естественными богатствами,—она еле въ состояніи прокормить нѣсколько милліоновъ полунищаго населенія. И населеніе это, по своей расѣ, талантливое и сильное: всѣ условія налицо для самаго быстраго прогресса. Ни персидской природѣ не нужно развиваться еще сто тысячъ лѣтъ, ни персидскому народу, чтобы онъ могъ усвоить при первомъ-же прикосновеніи всѣ истины современнаго развитія; образованный персъ ничуть не ниже просвѣщеннаго англичанина. Что-же держитъ благодатный край въ его жалкомъ упадкѣ? Неужели этотъ упадокъ сколько-нибудь вяжется съ эволюціей?

Упадокъ понятенъ для тѣхъ, кто знаетъ порчу персидскихъ нравовъ, въ особенности — верхнихъ слоевъ, держащихъ свое отечество точно покоренную страну и немилосердно выжимающихъ изъ нея всѣ соки. Народное тѣло живетъ еще, но не ростетъ и чахнетъ, какъ организмъ, въ которыи внѣдрились паразиты. Персія могла-бы цвѣсти здоровьемъ и счастьемъ; уже сотни и тысячи лѣтъ назадъ здѣсь помѣстилось-бы въ десять разъ большее населеніе, просвѣщенное, зажиточное, довольное условія для этого были и остались налицо, какъ въ умирающемъ отъ чахотки организмѣ всѣ условія для здоровой жизни. Стоитъ придти англичанамъ — какъ это, вѣроятно, и случится, — стоитъ удалить паразитовъ, и ввести здоровые порядки, какъ Персія воспрянетъ и начнетъ развиваться; примѣръ Египта и Индіи налицо. Притомъ нужно замѣтить, что англійская администрація далеко не образцовая, иначе примѣры ея возрождающаго Востокъ вліянія были-бы еще заразительнѣе. Я беру пришествіе англичанъ, но могутъ быть и иныя случайности для народнаго возрожденія, какъ это было въ Аравіи во времена Магомета или въ Западной Европѣ въ прошлые вѣка, или у насъ въ недавнее время Народъ можетъ возродиться, но можетъ и погибнуть, какъ зараженный организмъ, и плохо устроенныя страны даютъ достаточно примѣровъ этой гибели. Населеніе можетъ не уменьшаться, а даже увеличиваться, и все-таки народъ гибнетъ: поколѣнія сходятъ въ могилу молодыми, едва давъ приплодъ, сходятъ несчастными, униженными, забитыми, умирая насильственной смертью—не отъ естественной старости, а отъ голоднаго и трудового истощенія, отъ всевозможныхъ болѣзней— спутниъ нищеты и грязи. Преждевременная смерть есть гибель; она можетъ подготовляться постепенно, но равносильна внезапной катастрофѣ, обрывающей вашу жизнь въ половинѣ пути. Но и нетолько смерть· несчастная жизнь есть та-же гибель, и еще болѣе горькая. Вмѣсто

того, чтобы быть ясной, любовной, радостной, жизнь порабощенныхъ народовъ уныла, темна и отравлена враждою: тѣло живо, но душа уже томится въ могилѣ. Итакъ сходитъ со сцены одно поколѣніе за другимъ, исторія такого народа есть повѣсть о безконечной насильственной смерти его. Какой-же это прогрессъ? Какія тутъ «стадіи развитія»? Нѣтъ, не надѣясь нисколько на прогрессъ, слѣдуетъ каждому, у кого бьется живое сердце, тотчасъ-же приходить къ такому народу на помощь какъ къ утопающему, и не постепенно, а возможно быстрѣе спасать его изъ вредныхъ условій. Всякому народу и во всякое время необходимы гуманные порядки, просвѣщеніе, свобода и т. п., и все это необходимо не въ низшей, не въ средней, *а въ полной мѣрѣ*, какъ чистый воздухъ для груди — одинаково нуженъ и для лорда, и для мужика. Все это жизнетворныя, естественныя и самыя важныя условія счастья и они нужны теперь-же, не откладывая ни на минуту. Но попробуйте заявить объ этомъ, вамъ сейчасъ-же отвѣчаетъ хоръ прогрессистовъ: «Мы еще не созрѣли! Нужны постепенныя стадіи развитія.. Подождите, все придетъ въ свое время». Такъ разсуждали прежде о крѣпостномъ правѣ, задержавъ его отмѣну на цѣлое столѣтіе—такъ иногда разсуждаютъ и теперь По теоріи прогресса, если вы задыхаетесь въ смрадномъ подземельѣ, васъ нельзя прямо выпустить на свѣжій воздухъ, а необходимо протащить предварительно по хлѣвамъ и отхожимъ мѣстамъ, дабы вы *постепенно* пріучились къ здоровой стихіи,—или если вы пили отравленную воду изъ лужи, вамъ нельзя прямо перейти къ чистой водѣ, а необходимо попить помои Прогрессисты съ своей надуманной, вымученной теоріей, являются въ сущности самыми закоренѣлыми врагами общественнаго развитія, которое, какъ и всякое развитіе, зависитъ вовсе не отъ времени, а исключительно отъ подходящихъ условій. Въ декабрѣ не цвѣтутъ розы, но не потому, что это время — декабрь, а потому

что холодно. Устроите тепло и свѣтъ—и въ томъ-же декабрѣ для васъ зацвѣтетъ весна. Въ цѣлыя тысячелѣтія народъ можетъ не двинуться ни на вершокъ, и въ десятки лѣтъ онъ можетъ достичь вершинъ культуры. «Разъ народъ не развивается, значитъ нѣтъ для этого условій», возражаютъ прогрессисты. — А почему нѣтъ условій? — «Потому, что народъ не развивается». Все, какъ видите, очень просто и почти благополучно. Circulus vitiosus—самая удобная логическая фигура для тупой и не совсѣмъ честной мысли. Онъ даетъ возможность всѣ бѣды сложить на кого угодно, только не на насъ самихъ. Огромное большинство вѣрящихъ въ прогрессъ—а кто-же въ него не вѣритъ?—думаютъ, что современное общество отнюдь неповинно въ неустройствѣ жизни: виновато «прошлое», виновата «наша несчастная исторія», виноваты «тамъ, въ Петербургѣ». Всѣ виноваты, только не мы..

X.

Отрицая теорію вѣчнаго, непрерывнаго прогресса, я, разумѣется, не думаю отрицать прогресса конечнаго. Общество и люди могутъ быть и лучше, и хуже, и въ настоящее время они далеки не только отъ невозможнаго совершенства прогрессистовъ, но и отъ вполнѣ возможнаго. Люди должны идти впередъ, но они не подвинутся ни на вершокъ, если не *захотятъ* этого. Надо *захотѣть* жить лучше—въ этомъ весь вопросъ. Скажутъ: захотѣть безъ причины нельзя, воля несвободна и т. д., но все это праздная, безплодная болтовня. Теорія несвободной воли, подобно теоріямъ вѣчнаго прогресса и недостижимаго идеала, наслѣдственности и т. п. придумана для оправданія зла. Если всѣ мои поступки и мысли не свободны, я невмѣняемъ, и всякая гадость мнѣ простительна. Этотъ взглядъ низводитъ человѣка до уровня мертвыхъ вещей, управляемыхъ внѣшними силами; до

роли биллiардныхъ шаровъ, катящихся, куда ихъ толкаютъ, и даже до низшей роли; шары толкаетъ все-же разумная воля, а насъ по названной теорiи двигаетъ одна слѣпая, механическая причинность. Гдѣ *начало* этой причинности, мудрецы теорiи не говорятъ, а оно должно-же быть. И я думаю, начало это не только *было,* но и есть и всегда будетъ, и проявляется безпрерывно — иначе мiръ безконечные вѣка тому назадъ остановился-бы (какъ предсказываютъ въ будущемъ математики, не вѣрящiе въ живое начало мiра). Въ сознанiи человѣка это свободное начало проявляется въ совѣсти, въ высшемъ разумѣнiи. Не у всѣхъ совѣсть сильна, но у всѣхъ свободна, если душа не омрачена сумасшествiемъ. Истинный прогрессъ и состоитъ въ развитiи свободы воли, т.-е. въ большемъ и большемъ подчиненiи человѣка совѣсти. Въ тотъ моментъ, когда мы поступаемъ благородно, мы свободны, мы на вершинѣ прогресса, для насъ возможнаго, и этотъ, для каждаго отдѣльный, личный прогрессъ есть истинный,—единственный, о которомъ стоитъ заботиться и говорить. Только онъ—живой прогрессъ, совпадающiй съ сознанiемъ и счастьемъ, всякiй другой прогрессъ: общества, народа, человѣчества есть механическiй результатъ единичныхъ развитiй: характеръ его зависитъ отъ преобладанiя положительныхъ или отрицательныхъ составныхъ частей, какъ сумма алгебраическаго многочлена. Главнѣйшее вниманiе человѣка должно быть обращено на развитiе своего живого, личнаго прогресса, всякiй иной приложится къ нему. Для личнаго-же совершенствованiя нужно вѣрить, что оно возможно, что оно доступно, что идеалъ близокъ и отъ насъ зависитъ—достичь его или нѣтъ.

Невозможность постояннаго пребыванiя въ идеалѣ или постояннаго, сплошного счастья не должна насъ смущать: безпрерывныя отклоненiя требуются, какъ я сказалъ выше, самою природою живого счастья. Чтобы быть живымъ и свѣжимъ, счастье должно быть подвижнымъ.

Остановка на счастьѣ опасна, какъ остановка махового колеса на мертвой точкѣ. Истинное, здоровое счастье есть не экстазъ, не «неизрѣченное блаженство» истеричныхъ и маньяковъ, а нѣкоторая средняя мѣра; это—мгновеніе идеала, растворенное въ усиліи достиженія. Сплошной рядъ этихъ мгновеній—экстазъ—насилуетъ нервы, истощаетъ ихъ, такъ-что послѣ экстаза требуется ужъ слишкомъ долгій отдыхъ и даже реакція въ видѣ чрезмѣрнаго страданія Нашъ нервный механизмъ, какъ и всякая система, приспособленъ для средней работы, и хотя можетъ выдерживать крайнія напряженія страданія и блаженства, но лишь ненадолго. Подобно всякой машинѣ, отъ форсированной работы онъ ломается. Поэтому, счастье слѣдуетъ расходовать осторожно избѣгая страданій, не слѣдуетъ вдаваться въ эксцессы счастья, а нужно вино жизни мѣшать съ ея «водою трезвои» и пить не спѣша Только тогда *вся* жизнь будетъ использована, безъ мертвыхъ промежутковъ, безъ реакцій душевнаго сна или душевнаго похмѣлья Пессимисты ошибаются, утверждая, что счастье невозможно потому уже, что оно переплетается съ лишеніями, болѣзнями, смертью, отравляющими блаженство. Наоборотъ· земное счастье только и возможно благодаря отступленіямъ отъ него, если они не переходятъ мѣры. Какъ сплошная солнечная погода надоѣдаетъ и хочется тучъ, дождя, ненастья, такъ и сплошное довольство· оно изсякаетъ отъ недостатка противоположныхъ ощущеніи. Вотъ почему, напримѣръ, богатство съ его роскошью не можетъ быть условіемъ счастья· оно лишаетъ человѣка полезныхъ лишеній. Чтобы быть счастливымъ, нужно по временамъ заводить пружину счастья, нѣсколько томиться, жаждать, претерпѣвать, накоплять въ себѣ нервный аппетитъ, ту впечатлительность, въ которой весь секретъ жизни. Сознавая необходимость лишеній, человѣкъ не только долженъ мириться съ ними, но и искать ихъ, какъ условіи счастья: жизнь умышленно должна быть обставлена извѣстными ограниченіями, освѣ-

жающими домъ вашъ какъ тѣнь деревьевъ въ лѣтній зной. Въ деревенской трудовой жизни лишенія являются сами собой, но пресыщеннымъ и тонущимъ въ избыткѣ людямъ нужно сознательно искать бѣдности: задача нетрудная, если есть совѣсть, и страшно трудная, если нѣтъ ея.

XI.

Искать лишеній не значитъ искать страданій, т.-е. крайней степени лишенія. Во всемъ нужно знать мѣру. Голодъ и холодъ—зло, но въ среднихъ ихъ степеняхъ—они—благо. Чрезмѣрный трудъ—зло, но среднее напряженіе—благо. Полное одиночество—зло, но временное уединеніе—благо. И наоборотъ: средняя сытость—благо, пресыщеніе—зло. Средняя теплота—благо, крайняя—зло. Небольшое общество друзей—благо, но необходимость жить въ толпѣ—зло и т. д., и т. д. Благо составляетъ не правую и не лѣвую сторону явленія, а средину ихъ; зло сосредоточивается не на одномъ концѣ, а какъ темные цвѣта спектра—на обоихъ концахъ счастья. Средняя степень удовлетворенія сливается со среднею степенью лишенія, взаимно обусловливая одно другое. Я говорю здѣсь объ *естественныхъ* лишеніяхъ и удовлетвореніяхъ. И тѣ, и другія даны для счастья. Естественныя лишенія немногочисленны и легко удовлетворимы; голодъ, жажда, потребность въ теплѣ, снѣ, расположеніи людей и т. п. не нуждаются въ чрезмѣрныхъ усиліяхъ, чтобы успокоить ихъ и еслибы существовали только естественныя лишенія, на землѣ быть-бы рай. Все несчастье—отъ воображаемыхъ, искусственныхъ лишеній, безграничныхъ и трудно-удовлетворимыхъ. Родъ людской, подобно сомнамбулу, грезитъ, ужасается несуществующихъ опасностей, стремится къ несуществующимъ благамъ. Отдѣльные народы, сословія и люди гипнотизируютъ другъ друга, внушаютъ ложныя представленія о счастьѣ и несчастьѣ.

Внушеніе дѣйствуетъ повелительно, какъ реальная сила: ложныя потребности политическаго вліянія, почета, богатства и т. п. увлекаютъ нетолько отдѣльныхъ людей, но и народы на безумныя предпріятія, ведущія къ гибели: вспомните эпоху великихъ войнъ. Воображаемыя потребности ненасытны и безграничны: каждая мѣра богатства, славы, чувственнаго наслажденія кажется не крайней, во всемъ хочется «прогресса», прогресса безъ конца, пока манія не приведетъ человѣка или народъ къ столкновенію съ природой и къ гибели. Поэтому и отдѣльный человѣкъ, и народъ должны помнить, что естественное счастье не впереди: оно здѣсь, оно осуществимо каждую минуту, если держаться естественной мѣры счастья, соотвѣтствующей объему душевной впечатлительности. Не желать многаго можно; разумъ и совѣсть должны свѣять гипнозъ жадности. Разъ вы поняли, что нужно лишь то, что необходимо, остальное покажется излишнимъ: вы постепенно потеряете влеченіе къ ненужному и освободите себя отъ *порабощенія вещамъ*—самаго опаснаго рабства, въ которомъ пребываетъ современное общество. Однажды Сократа пригласили на выставку всевозможныхъ произведеній роскоши въ Пирейской гавани. Тутъ было все, что могла придумать тогдашняя цивилизація. Друзья ждали изумленія мудреца. — «Изумляюсь, сказалъ онъ, наконецъ: — изумляюсь тому, до какой степени всѣ эти вещи мнѣ не нужны».

Современный прогрессъ есть по преимуществу служеніе тѣлу, тогда-какъ истинный прогрессъ есть служеніе душѣ. Древніе христіане достигали блаженства, «спасая *душу*», т.-е. ведя внѣшнюю и внутреннюю жизнь такъ, какъ требовалъ ихъ душевный идеалъ. Мнѣ кажется, «спасеніе души» должно быть цѣлью каждаго поколѣнія, и даже способы спасенія до извѣстной степени схожи, т.-е. всегда требуется нѣкоторое удаленіе отъ мірской суеты, отказъ отъ корысти, проникновеніе чувствомъ вѣчности и «борьба съ дьяволомъ»,—т.-е. съ вліяніями, от-

клоняющими отъ идеала. Во всѣ вѣка человѣку, гибнущему въ мірѣ, приходится возвращаться къ природѣ, обрекать себя труду, воздержанію и смиренію. Средствомъ счастья всегда будетъ *непорочность* человѣка, физическая и душевная Пусть, согласно древнему взгляду, душа есть безплотное духовное существо, пусть, согласно взгляду матеріалистовъ, она — лишь явленіе, исчезающее вмѣстѣ со своею матеріальною основой,—въ обоихъ случаяхъ душа нуждается въ самомъ строгомъ бережении. Если она только форма энергіи, а не безсмертное существо, то эта форма до такой степени нѣжная, что поддерживать ея чудесный строй не легко Какъ поднимающееся къ небу кольцо дыма, какъ волшебно-красивое отраженіе въ заснувшемъ морѣ—существованіе прекрасныхъ и хрупкихъ явленій требуетъ соблюденія очень тонкихъ условій. На непорочность жизни нужно смотрѣть съ тѣмъ-же трепетомъ, съ какимъ вы смотрите на пугливую птичку, къ которой незамѣтно подошли въ лѣсу— неосторожный вздохъ—и она исчезнетъ.

Въ подобномъ бережении своего идеала должно быть высокое счастье, огромному большинству неизвѣстное. Мы желаемъ счастья, но не цѣнимъ свое совершенство ни во что. Мы бережемъ свои жилища, земли, деньги, свои вещи и украшенія несравненно больше, чѣмъ самихъ себя. Посмотрите, напримѣръ, какъ оберегаются какіе-нибудь сложные инструменты. Для хронометровъ, напримѣръ, устраиваются особыя помѣщенія; ставятъ ихъ на мягкія ложа, переносятъ на упругихъ подушкахъ, заводятъ ихъ съ величайшими предосторожностями, ежедневно слушаютъ ихъ «пульсъ» и отмѣчаютъ погрѣшности въ десятыхъ доляхъ секунды; каждому хронометру ведется дневникъ его жизни, гдѣ записано время, мѣсто и виновникъ его происхожденія, всѣ событія съ инструментомъ, его привычки при разныхъ условіяхъ температуры. Только при такомъ щепетильномъ ухаживаніи капризное существо соглашается показать долготу. Или

посмотрите, сколько тратится вниманія, чтобы устроить хорошій телескопъ. Это сложное чудовище увозятъ въ пустыню, въ горы, строятъ для него особый скитъ, устанавливаютъ каменный фундаментъ ниже колеблющейся почвы, дорывшись до первозданной гранитной породы. Требуя для своей опоры всей земной твердыни, телескопъ требуетъ въ полѣ зрѣнія тончайшихъ паутинныхъ нитей, разрушимыхъ нечаяннымъ дуновеніемъ. Только при соблюденіи всѣхъ этихъ, безконечно грубыхъ и безконечно тонкихъ условій, мѣдный исполинъ получаетъ право устремить къ небу открытое око и способность видѣть мировыя тайны. Но развѣ человѣкъ не безконечно сложнѣе хронометра и телескопа? Развѣ душа его не тоньше ихъ мертвыхъ, безсознательныхъ показаній?

Люди современной городской культуры похожи на дурно содержимые механизмы. Инструментъ самъ по себѣ можетъ быть превосходнымъ, сильнымъ, точнымъ, но если онъ заржавленъ, если масло въ его скрѣпленіяхъ сгустилось и напиталось пылью, если рычаги и связи погнуты,—механизмъ работаетъ вяло, неточно; онъ требуетъ все большей и большей двигательной силы, начинаетъ скрипѣть, стучать и наконецъ останавливается. Несчастные люди—именно такіе нечистые механизмы: какъ дурно содержимые часы, душа ихъ даетъ невѣрныя показанія, отстаетъ или спѣшитъ впередъ, не умѣя уловить точную мѣру времени, истинное значеніе жизни. Надо беречь душу, надо спасать ее.

Богъ.

I.

Древніе думали, что спасаетъ *вѣра*. И я думаю, это условіе осталось не менѣе нужнымъ и теперь. Вѣра есть сознаніе идеала, она есть горячая надежда, напряженная до любви. Я думаю это прекрасное настроеніе необходимо и теперь, какъ ясная погода духа, какъ здоровый климатъ его. Но нашъ вѣкъ вѣруетъ только въ коротенькія, мгновенныя вещи: въ «фактъ» — научный или политическій, все равно,—несмотря на то, что всѣ философіи, основанныя на фактѣ, рвутся какъ паутина. Древніе поступали правильнѣе, связывая свою вѣру съ вѣчностью. Я думаю, вѣчность осталась и до сихъ поръ, и ея хватитъ на всѣ поколѣнія. Кромѣ мгновенныхъ фактовъ существуетъ еще фактъ безконечный, безбрежный и не только не менѣе реальный, чѣмъ всѣ остальные мгновенные факты, но *единственно* реальный, единственно неизмѣнный, тогда-какъ все остальное исчезаетъ какъ дымъ. Отрицать Вѣчность нельзя она *есть*, стало быть слѣдуетъ вводить ее въ составъ своей жизни или, если нельзя вмѣстить необъятное въ ничтожное, то слѣдуетъ поступить обратно свою ничтожность слѣдуетъ вмѣстить въ вѣчное.

Вѣчное кажется непостижимымъ, но мы чувствуемъ, что оно не ниже нашихъ способностей постиженія, а выше, и что коренная сущность его связана съ природою нашего разума; мы знаемъ, что эта сущность про-

никаетъ въ насъ и мы сами для себя загадка, какъ и все, что насъ окружаетъ. Страшная интересность этой загадки, глубочайшее ея значеніе чувствуется всѣми, кто только думаетъ о нихъ, и не признавать этого нельзя. Человѣкъ не замѣчаетъ воздуха, рыба воды: слишкомъ объемлющая и проникающая стихія непримѣтна, хотя она—все. Но не замѣчая воздуха, мы *знаемъ* о немъ, какъ знаемъ объ эфирѣ, объ электричествѣ. Не замѣчая Вѣчности мы ощущаемъ ея присутствіе; и еслибы мы не были столь раздерганы, разсѣяны, растлѣнны, мы какъ цѣломудренные варвары, дѣти пустынь, вдумчиво глядѣли-бы на небо и вслушивались-бы въ его мысль. Знать и ежеминутно чувствовать, что есть великая тайна, которая должна-же когда-нибудь раскрыться, — знать это и не вѣрить—нельзя.

Какъ земное тяготѣніе удерживаетъ почву, воду, атмосферу, міръ растительный и животный, такъ духовная жизнь людей поддерживается тяготѣніемъ къ вѣчности, отовсюду окружающей и стерегущей насъ Какъ-только присутствіе этого величайшаго изъ явленій, факта фактовъ, ускользаетъ отъ вниманія, человѣкъ начинаетъ заблуждаться. Какъ-бы убѣдившись, что онъ не понимаетъ ни вселенной, ни атома, ни движенія, ни силы, ни матеріи, ни сознанія,—убѣдившись, что всѣ первоначальныя стихіи не объяснимы, человѣкъ обращается разумомъ къ міру условному, окружающему его маленькое существо въ природѣ Здѣсь разумъ вступаетъ въ свои права и одерживаетъ «блестящія побѣды». Не понимая *элементовъ*, онъ удовлетворительно разбираетъ *отношенія* между ними и способенъ мысленно поставить ихъ во всевозможныя отношенія. Какъ съ алгебраическими знаками x, y, z и т. д. можно производить какія-угодно выкладки, подставляя условныя значенія, такъ и съ вѣчными «неизвѣстными» стихіями: допустивъ тѣ или иныя свойства, можно сочетать ихъ всевозможнымъ образомъ. Получаются результаты самые несхожіе, иногда мыслимые, иногда

мнимые, ирраціональные. Эти результаты называются философскими системами и теологіями.

Чаще всего результаты эти ни что иное какъ «бредъ души больной» и «плѣнной мысли раздраженье». Но нельзя эти грезы души считать праздными. Онѣ представляютъ собою самую возвышенную работу духа. Увлекая на время одно или нѣсколько поколѣній, метафизическія системы даютъ имъ иллюзію откровенія, высокое счастье вѣрить, что они совпадаютъ съ душою міра, сливаются съ вѣчностью. Пусть пройдутъ вѣка очарованія, и то, что плѣняло предковъ, покажется ложнымъ и скучнымъ для потомства,—система мысли сдѣлала свое дѣло: осчастливила свою эпоху, и потомство повторитъ по-своему это творчество вѣры. Когда галлюцинація стараго вѣрованія исчезнетъ и на ея мѣстѣ останется пустота, обычный міръ вещей, міръ призрачный, постоянно исчезающій и нарождающійся, человѣкъ видитъ, что это та-же иллюзія, таже «майя» буддистовъ, гдѣ душа тщетно ищетъ себѣ опоры. Отказавшись отъ философской иллюзіи, гдѣ все казалось понятнымъ, человѣкъ погружается въ дѣйствительность, основы которой безусловно непонятны. Стремленіе *понять* ихъ снова заставляетъ человѣка обратиться отъ мелочей и отношеній къ основаніямъ все болѣе общимъ и постепенно доводитъ его до новой метафизической системы. Снова вѣчность входитъ въ душу человѣка и душа выростаетъ снова до предѣловъ вселенной. Каковы бы ни были символы и внѣшнія средства культа Вѣчности (эти символы зависятъ отъ мѣстныхъ условій времени и народа), подъ символами, пока они живы для народнаго воображенія скрывается великое, безмѣрно радостное настроеніе—*вѣра*. Умираетъ народъ, умираетъ языкъ его—нетолько языкъ понятій, но и языкъ представленій, образовъ—и вмѣстѣ со смертью символовъ гибнетъ и древняя религія, какъ гибнетъ картина, когда выцвѣтаютъ ея краски. Полотно осталось, но на немъ уже ничего не видно. У новаго поколѣнія новыя средства со-

знанія, новый языкъ идей и чувствъ, новые, только ему понятные, символы—и вотъ на томъ-же полотнѣ потомство создаетъ новую картину Вѣчности, и картину эту признаетъ за дѣйствительность. Этотъ моментъ искренней, молодой вѣры—самый прекрасный въ жизни человѣчества. Какъ птица, свившая себѣ наконецъ гнѣздо, духъ человѣка водворяется во вселенной и отдыхаетъ отъ давящей тѣсноты эфемерныхъ, земныхъ явленій. Только въ Вѣчности просторъ и свобода ..

II.

Вѣра составляетъ продуктъ утонченной душевной работы цѣлаго народа, эпохи, культуры. Это—общая душа огромной массы людей. Слияніе съ этою общею душой вашего отдѣльнаго сознанія, разъ оно искренне, даетъ стихійное счастье, руководящее всею жизнью, до гроба, и продолжающее еще при жизни существованіе ваше до предѣловъ вѣчности. Стихія не умираетъ, человѣчество живетъ безъ конца, міръ безсмертенъ—и отлившійся въ его формы духъ чувствуетъ себя частью этого безсмертнаго существа. Одно уже предположеніе, что жизнь нетолько въ насъ, но и кругомъ насъ, что все живетъ, все сливается въ мірообъемлющей силѣ, даетъ утѣшеніе. Человѣкъ мирится съ тлѣнностью своего личнаго существованія. онъ начинаетъ чувствовать, что съ его смертью исчезнетъ только *случай*, а *явленіе* будетъ продолжаться. На смѣну человѣку явятся безчисленныя поколѣнія, которыя повторятъ каждый моментъ его жизни безконечное число разъ; на землѣ не исчезнетъ сознаніе, не исчезнетъ любовь, воля, радость и стремленіе къ Вѣчности. Все то, что человѣку въ себѣ истинно дорого—останется: исчезнетъ въ сущности чуждое и постороннее человѣку—его тѣло, которое онъ такъ мало знаетъ при жизни. Въ свободномъ состояніи наше сознаніе выражается понятіемъ не «я», а какимъ-то внѣвремен-

нымъ, міропроникающимъ ощущеніемъ бытія, независимо отъ меня или васъ. На самомъ дѣлѣ душа у всѣхъ и всего одна, и мы, наши тѣла, какъ болѣе или менѣе тусклые рефракторы, лишь сосредоточиваемъ въ отдѣльныхъ фокусахъ лучи одного великаго мірового Свѣта. Намъ кажется, что это мы—творцы своей искорки, въ насъ горящей, а въ сущности эта искорка только часть мировой души, которая не умираетъ. Пусть не сохранится память о насъ, пусть мы заснемъ, перестанемъ чувствовать, но наше чувство, наше сознаніе будутъ продолжать жить въ своемъ вѣчномъ источникѣ. Міръ, насъ произведшій, не можетъ не производить совершенно такихъ-же, какъ мы; разъ мы чувствуемъ свое тожество съ производящей силой міра, мы вмѣстѣ съ нею будемъ жить вѣчно во всѣхъ ея измѣненіяхъ. Слышитъ-ли насъ Вседержитель? Надо вѣрить, что Онъ слышитъ, потому-что Онъ во всемъ и въ насъ, и мы въ немъ. Если капля влаги подернута пылью земною, она уже не отражаетъ солнца или отраженіе получается тусклое Если человѣкъ физически развращенъ, порабощенъ дурнымъ, болѣзненнымъ инстинктамъ, сознаніе вѣчности въ немъ бѣдно, въ душѣ его, какъ въ тускломъ стеклѣ, міровой свѣтъ не сосредоточивается въ фокусъ, не даетъ пламени.

Отпаденіе религій и философскихъ системъ не доказываетъ недостижимости ихъ исканій Обыкновенно утверждаютъ, что верховная тайна міра безусловно недоступна, но если-бы это было такъ, не стоило-бы и тревожиться о такой тайнѣ: она никого-бы не привлекала. Но она влечетъ къ себѣ и влечетъ только потому, что она не вполнѣ тайна: какъ идеалъ, она хоть на мгновенія открывается людямъ—въ мѣру ихъ душевной силы и чистоты Первоисточникъ жизни не можетъ быть недоступенъ существу, проникнутому Его волеи; если не разумомъ, то совѣстью или непосредственнымъ внутреннимъ созерцаніемъ въ минуты душевнаго подъема мы постигаемъ міровое сознаніе не менѣе реально, чѣмъ отдѣльныя явленія міра. Но

подобно тому, какъ для физическаго зрѣнія нужно имѣть здоровые глаза, такъ для психическаго—здоровую душу. Только «чистые сердцемъ Бога узрятъ». Счастье человѣка было-бы слишкомъ неполно, еслибы онъ навсегда былъ отчужденъ сознаніемъ отъ Верховной Сущности. Нужно вѣрить, согласно великому завѣту, что общеніе съ этой Сущностью возможно, что оно каждому и во всякое время доступно. будьте только истинно чисты сердцемъ. Великіе подвижники, спасавшіе чистоту сердца, ощущали Бога Каждый изъ насъ, простыхъ смертныхъ, переживалъ минуты, о которыхъ говоритъ поэтъ:

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога.

Для того, чтобы жизнь превратилась въ волшебную поэму, необходима органическая связь ея съ Богомъ. Попробуйте внимательно смотрѣть на ночное небо съ тонущими въ немъ созвѣздіями и мерцающими туманностями. Попробуйте вообразить безпредѣльныя пространства, до которыхъ даже свѣту съ его сверхъестественною быстротою приходится достигать чрезъ милліоны лѣтъ, попробуйте продолжить эти пространства еще и еще, повторить тысячи, милліоны и милліарды разъ, попробуйте по любому направленію найти конецъ пространству и подумайте, что это значитъ. Тоже о времени, неизмѣримомъ, неисчислимомъ, безначальномъ, безконечномъ. Подумайте о матеріи съ ея вѣчностью, о движеніи, и наконецъ, вспомните, что такое наше собственное сознаніе. Это чудо изъ чудесъ доказываетъ, что и міръ сознателенъ трудно допустить, чтобы только ничтожное количество вещества, составляющее человѣческое тѣло, имѣло привилегію на сознаніе, а весь остальной, безконечно разнообразный, сверкающій, гремящій міръ былъ мертвъ и *не зналъ*-бы вовсе, что онъ существуетъ. «Я есмь: конечно, есь и Ты». Куда-бы вы ни углубились взоромъ, вы всюду исчезнете въ

Вѣчности. Развѣ это—Ничто? Развѣ это не поражаетъ, не влечетъ къ себѣ?

Жизнь принимаетъ прекрасный, волшебный видъ тотчасъ-же, какъ вы внимательно, т.-е. религіозно къ ней отнесетесь. Все кажется страннымъ, загадочнымъ, нездѣшнимъ, и мелкія, привычныя явленія жизни оживаютъ. изъ механическихъ и мертвыхъ превращаются въ яркія, полныя интереса событія. Все интересно, если во всемъ видишь раскрывающуюся тайну,— все теряетъ интересъ, когда тайна непроницаема. Начало міра близко и доступно· сознаніе этого навѣваетъ на человѣка возвышенное, покорное благой Волѣ настроеніе, полное жажды слиться съ нею.

«Не такъ, какъ я хочу, а такъ какъ хочешь Ты». Вотъ когда человѣку захочется молиться, онъ обрѣтетъ счастье. Молитвенное настроеніе открываетъ то, что не въ силахъ открыть иные виды сознанія, и человѣкъ начинаетъ вѣрить въ невидимое такъ-же убѣжденно, какъ еслибы онъ видѣлъ его. Таково это внутреннее откровеніе, составляющее благороднѣйшее счастье сердца.

Чѣмъ же должна быть жизнь? Она должна быть *богослуженіемъ*, непрерываемымъ священнодѣйствіемъ предъ лицомъ Создателя. Какъ богослуженіе, жизнь должна быть торжественна, серьезна, полна вдохновенной радости общенія съ Богомъ, полна поэзіи и мысли, направленной къ вѣчности. Въ этомъ священнодѣйствіи жрецомъ долженъ быть каждый изъ людей-братьевъ; молитвою ихъ должна быть любовь, которая «исправится», какъ кадило благовонное. Жизнь съ Богомъ — величайшее счастье и завершеніе счастья.

Того-же автора:

Народные заступники и другіе нравственно-бытовые очерки. Ц 1 р.

Думы о счастьѣ. Общество — Народъ. — Природа. — Трудъ. — Цивилизація.— Прогресъ.— Богъ. Ц 1 р.

О писательствѣ. О литературѣ и писателяхъ. Литературное безсиліе.—О чтеніи.—Призваніе журналистики.—Талантъ и публика.—О талантѣ и честности.— О литературѣ будущаго. — О критикѣ. — Предѣлы литературы. Ц 1 р. 50 к.

О любви. О любовной страсти.— Суевѣрія и правда любви. — Любовь супружеская.— Любовь святая. Ц. 1 р.

Критическіе очерки. О нѣкоторыхъ произведеніяхъ гр. Л. Н. Толстого, Я. Полонскаго, А. П. Чехова, Грибоѣдова, гр. А. Толстого, Надсона, Лѣскова, П. Е. Накрохина. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Новыя Изданія Спб. Т-ва „Трудъ".

П. П. Гнѣдичъ. **Купальные огни**, романъ, цѣна 2 р.
его-же: **Шесть комедій**, изд. 2-ое, цѣна 2 р. 50 к.

Ал. Н. Будищевъ. **Лучшій другъ**, романъ, цѣна 1 р.
его-же: **Стихотворенія**, ц. 1 р.
его-же: **Распря**, романъ, цѣна 1 р.

Вл. Серг. Соловьевъ. Три разговора о войнѣ, прогрессѣ и концѣ всемірной исторіи со включ. краткой повѣсти объ Антихристѣ. Изд. 2-е съ портр. автора, ц. 1 р. 50 к.

Выпис. означ. книги изъ склада, Спб. Фонтанка 86, за пересылку не платятъ.

Типографія Спб. Т-ва печ. и изд. дѣла „Трудъ".